

В. А. ОБРУЧЕВ

*От Кяхты
до Кульджи*

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

М Е М У А Р Ы

А к а д е м и к

В. А. О Б Р У Ч Е В

*От Кяхты
до Кульджи*

*Путешествие
в Центральную Азию
и Китай*

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1950

Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР
по изданию научно-популярной литературы
и серии „Итоги и проблемы современной науки“

Председатель Комиссии Президент Академии Наук СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*

Зам. председателя член-корреспондент Академии Наук СССР
П. Ф. ЮДИН

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

55 лет назад закончилось мое путешествие по Монголии и Китаю, и 10 лет назад вышло из печати первое издание этой книги с популярным описанием этого путешествия. При подготовке нового издания книги возник вопрос — не следует ли исправить что-нибудь, дополнить или изменить в описании, чтобы познакомить молодого читателя хотя бы немного с современным Китаем, осветить ту трудную многолетнюю борьбу, которую пришлось вести новому поколению миролюбивого китайского народа, чтобы создать демократическую народную республику на месте старой богдыханской империи с многовековым и как бы окаменевшим укладом всей жизни. Но, обдумав этот вопрос, я пришел к выводу, что в этой книге ничего менять не следует.

Я описал в этой книге путешествие по старому Китаю, который я видел в конце прошлого столетия. Китай без железных и автомобильных дорог, без радио и самолетов, Китай со всевластием мандаринов маньчжурской императорской династии, беспорядком населения, архаическим укладом жизни, примитивной техникой и системой народного образования, организованной еще во времена Конфуция. Я видел повсюду китайцев, которые брили головы, оставляя на макушке пучок волос, заплетавшихся в косичку, видел китайцев, ковылявших на своих изуродованных ногах. Я прошел по Китаю, в котором на воротах всех ямней (правительственных учреждений) был нарисован фантастический дракон как эмблема власти; я видел, что во время солнечного затмения люди били в барабаны и медные тазы, чтобы испугать дракона, хотевшего похитить солнце.

Этот старый, многовековой уклад жизни Китая колебался в начале XX в., когда реформатор Сун-ят-сен провозгласил новые принципы жизни и началась борьба за осуществление их, затянувшаяся на много лет. Оспаривая власть, китайские мандарины воевали друг с другом. Предатель Чан-кай-ши повел

свою двурушническую политику и начал борьбу с пробуждавшимися демократическими силами. Японское вторжение сильно усложнило и затянуло эту борьбу между старым и новым Китаем. Гоминдановские войска больше воевали с китайскими демократическими, чем с японскими силами. Но демократические силы в тяжелой борьбе крепли и множились. Американская помощь деньгами и оружием Гоминдану не спасла его от поражения; на наших глазах победила и быстро распространилась на всю территорию Китая власть молодой демократической народной республики.

Я не могу включить в свое описание старого Китая отдельные характеристики нового — это нарушило бы стройность описания. Новый Китай, еще строящийся на развалинах старого, должен хорошо описать тот, кто познакомится с ним подробно. Изменились и продолжают меняться условия быта китайского народа в начавшейся коренной перестройке всей его жизни. Но природа осталась та же, которую я видел во время своего путешествия, рельеф и геологическое строение не изменились, как и ископаемые богатства, которые расхищались иностранцами, а теперь будут добываться на пользу самого народа. Не изменился и плодородный желтозем — лёсс, составляющий богатство всего Северного Китая; в новых условиях производительность полей, конечно, будет усилена, и исчезнут недороды, обусловленные засухой и составлявшие большое бедствие.

Оставляя в новом издании книги свое описание путешествия по старому Китаю без изменений, чтобы познакомить советских читателей с условиями жизни и путешествия того времени, я могу от всей души пожелать молодой Китайской Народной Республике быстрых успехов в осуществлении великих идеалов свободы, независимости и счастья народа.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В этой книге я описываю впечатления своего путешествия в Монголию и Китай, которое я выполнил в 1892—1894 гг. в качестве геолога экспедиции, отправленной Русским географическим обществом. Во главе этой экспедиции был этнограф Г. Н. Потанин, уже известный своими исследованиями в Монголии, Китае и на восточной окраине Тибета. Ему поручалось продолжать наблюдения над природой и населением пограничной местности между Китаем и Тибетом, где он и должен был провести все время экспедиции. Мои задачи были иные. Ввиду того, что в составе прежних путешествий Потанина и всех экспедиций Пржевальского не было специалиста-геолога, знание геологии Центральной Азии, обнимающей всю Монголию, Джунгарию, Ордос, Алашань, Бейшань, Нань-шань, Цайдам и Китайский Туркестан, почти совершенно не подвинулось за 25 лет, тогда как геологическое строение собственно Китая стало известно благодаря исследованиям Рихтгофена. Поэтому мне было поручено: ознакомившись с геологией Северного Китая в районах, изученных Рихтгофеном, продолжить исследования на запад в глубь Центральной Азии, в особенности в горных системах Нань-шаня и Восточного Тянь-шаня, и посетить также восточную окраину Тибета, где должен был работать Потанин.

Выполняя эту программу, я прошел из Кяхты на границе Забайкалья через Восточную Монголию в Северный Китай, ознакомился с горными цепями и плоскогориями провинций Чжили, Шань-си, Шень-си и Гань-су, дошел до провинции Сычуань Южного Китая, изученной Потаниным, обследовал горную систему Нань-шаня, пересек Алашань, Центральную Монголию и Ордос и, на пути в русские пределы, прошел через Бейшань и вдоль Восточного Тянь-шаня до г. Кульджи, где закончил путешествие, продолжавшееся два года с небольшим. От

границ Сибири под 50° с. ш. я доходил до окраины Южного Китая под 32° с. ш., и от Пекина на востоке Китая вблизи Желтого моря прошел до Кульджи на западной границе этого огромного государства. Во время путешествия мне пришлось познакомиться с разными народностями, населяющими Центральную Азию и Китай, и наблюдать природу пустынь, степей и оазисов, равнин и плоскогорий, горных стран различной высоты и мелкосопочников Монголии до вечноснеговых цепей Наньшаня.

Таким образом, впечатления и наблюдения, собранные во время путешествия, были очень разнообразны, и изложенное в этой книге может дать моим читателям знакомство с природой и населением значительной части обширной Азии. Хотя эти наблюдения сделаны 45 лет тому назад, но они и в настоящее время представляют интерес, несмотря на то, что за это время в Азии произошли большие перемены. Китай превратился из империи в республику, построил железные дороги и организовал большую армию, которая успешно воюет с японским нашествием. Часть Монголии отделилась от Китая, сделалась народной республикой, вступила при братской помощи Советского Союза на путь некапиталистического развития, упразднила феодальные княжества и борется с реакционным влиянием буддийского духовенства. Природа страны осталась та же, а образ жизни населения в Китае, его нравы и обычаи заметно изменились только в крупных центрах и вблизи железных дорог, а в глубине страны, судя по описанию современных путешественников, несмотря на резкие политические перемены, мало в чем отличаются от того, что наблюдал я. По некоторым дорогам ходят грузовые и легковые автомобили, и по некоторым линиям летают самолеты, но верблюд, мул, лошадь, осел и двухколесные телеги до сих пор являются обычными средствами сообщения в Китае в стороне от железных дорог. Многие города и села превращены японским империалистическим нашествием в развалины. Дороги в Китае находятся большей частью в том же первобытном состоянии, а улицы и жилища в городах и селениях имеют тот же вид и то же устройство, что и раньше. Поэтому мои наблюдения, сделанные несколько десятков лет назад, могут в известной степени еще и сейчас дать представление об образе жизни, нравах и обычаях населения мест, очень редко посещаемых европейцами и еще реже описываемых.

Остается сказать несколько слов об иллюстрациях этой книги, которую я не мог обеспечить полностью собственными снимками и рисунками.

Во время путешествия я имел фотоаппарат и ограниченный запас пластинок и пленок, купленных в Пекине: надо было экономить, и я снимал преимущественно только интересные для геолога виды гор, утесов, оазисов, песков и т. п., поэтому пришлось в дополнение к моим снимкам позаимствовать иллюстрации из сочинений других путешественников.¹

1940 г.

В. А. ОБРУЧЕВ

¹ Из описания третьего путешествия Пржевальского взяты рис. 3, 8, 62, 65, 66, 67, 71. Из книги Козлова «Монголия и Кам» — рис. 1, 6, 42, 68, 69, 76, 91. Из сочинения Потанина «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» — рис. 13, 79. Из французского издания путешествия Пясецкого — рис. 33, 47 и 53. Из книги R. S. Clark and A. C. Sowerby «Through Shenkan» — рис. 43. Из альбома «Scenes in Peking» — рис. 14, 20, 21 и 28. Из сочинения A. Favier «Peking» 1897 г. — рис. 11, 17—19, 22—25, 29, 30, 51, 55, 57—59 и из журнала «Nat. Geogr. Magazine», 1938 г. — рис. 83. Отмечу, что рисунки, взятые из сочинения Фавье, за исключением рис. 55, нарисованы китайскими художниками для иллюстрации его книги.

Глава первая

ВОСТОЧНАЯ МОНГОЛИЯ. ОТ ИРКУТСКА ДО УРГИ

Выезд из Иркутска. Вид Байкала. Шаманский камень. На пароходе. Через Хамар-дабан. Станция на перевале. Боргойская степь. Троицкосавск. Слобода чаеоторговцев. Жизнь и нравы Кяхты. Сборы в путь. Первый ночлег. Горы и долины Монголии. Обо. Степное топливо. Устройство монгольской юрты. Пища, одежда и занятия монголов.

Отправив семью в Петербург с караваном, который два раза в год, летом и зимой, доставлял на монетный двор золото, добытое на приисках Восточной Сибири и переплавленное в слитки в Иркутской лаборатории, я выехал вечером 1/13 сентября из Иркутска на почтовых лошадях. Собственный экипаж избавлял от перегрузки на каждой станции, где только меняли лошадей, я мог спать спокойно и не торопил ямщика, так как только к утру нужно было попасть в Лиственничное к отходу парохода через оз. Байкал, и времени для проезда 66 верст в течение ночи было достаточно.

Утренний холодок, тянувший с озера, разбудил меня на рассвете, когда мы подъезжали к пристани, расположенной у выхода р. Ангары из Байкала. Здесь, в цепи лесистых гор, протянувшейся на 600 км вдоль западного берега этого величественного горного озера, глубокий прорыв создал сток его в виде большой реки. В этот прорыв вода стремится с разных сторон, словно в воронку. Среди прорыва тянется сотни на две метров гряда подводных камней, часть которых выступает над водой; самый высокий из них выдается на два метра, имеет 15 м в окружности и состоит из белого мрамора. Он носит название Шаманского камня, потому что, по верованию бурятских шаманов, является местом пребывания непобедимого белого божества Эмник-саган-ноин, которому на камне в старину приносили жертвы. На камне в особых случаях бурят приводили к

присяге. Но бурят давно нет поблизости, а русские жители Иркутска, искажая шаманское предание, уверяли, что судьба города зависит от этого камня, который будто бы удерживает воду Байкала. Когда он будет размыт — вода хлынет огромным потоком в Ангару и смоег город.

Это, конечно, вздор, так как размеры не только камня, но всей гряды слишком незначительны сравнительно с массой воды, стекающей из озера в Ангару. Гряде можно взорвать без ущерба для города и с пользой для судоходства.

По поводу Шаманского камня и его значения я поспорил с ямщиком, пока он выпрягал лошадей у пристани в ожидании впуска на пароход, уже разводивший пары. Но вот открыли сходни, матросы подхватили мой тарантас и вкатили его на палубу. Немногочисленные пассажиры разместились на палубе и в общей каюте; я остался у своего экипажа, так как багаж — мое экспедиционное имущество — из него не выгружали. После третьего свистка убрали сходни, отпустили причалы, и пароход направился через озеро к пристани Мысовой. Солнце только что взошло. Позади, в легком утреннем тумане, темнел берег с длинным рядом домиков Лиственичного; над ними поднимались несколькими волнистыми уступами плоские горы, покрытые темным хвойным лесом. Левее, в туман, уходил прорыв р. Ангары, за которым продолжались такие же горы до горизонта. Впереди расстиралась темнозеленая, совершенно спокойная гладь озера, а за ней на горизонте темной стеной поднимался хребет Хамар-дабан, волнистый гребень которого был уже запорошен свежим снегом. Немного правее над ним высились вершины главной части хребта — плоскоконические пики; их снеговые поля сверкали под лучами низко стоявшего солнца; там была уже полная зима.

Байкал — беспокойное озеро. Из горных ущелий обоих берегов то тут, то там вырываются шквалы и разводят крупную волну. Озеро достигает огромной глубины от 1 000 до 1 500 м, и волнение долго не может успокоиться. Переезд через озеро длится только 4—5 часов, но, выехав в тихую погоду, нельзя поручиться, что пристанешь во-время. Если налетит шторм, пароход долго будет мотаться по озеру. Так было в то время, когда плавал только один слабосильный пароход частной компании, и правильные рейсы его иногда нарушались.

Но в этот раз Байкал не сердился. Пароход спокойно пересекал темнозеленую воду, чуть подернутую легкой рябью, и перед полуднем уже причалил к пристани Мысовой на восточном берегу у небольшого села, расположенного у подножия цепи Хамар-дабана.

Из Мысовой в Кяхту, на границе Монголии, где должно было начаться мое путешествие в глубь Азии, ведут две дороги, одна кружная через города Верхнеудинск и Селенгинск по берегу озера и затем по долине р. Селенги, другая прямая, так называемый купеческий тракт, через Хамар-дабан. Его проложили на свои средства кяхтинские купцы, чтобы сократить путь для доставки чая, направлявшегося с границы Монголии гужом через Сибирь в Россию. Им же принадлежал пароход, перевозивший грузы через Байкал. Проезд по этому тракту стоил не дороже, чем по кружному почтовому тракту, хотя прогоны, т. е. плата за лошадей, были двойные, зато расстояние было вдвое меньше. Я, конечно, выбрал этот путь, так как выигрывал время.

Мой тарантас скатили на пристань. Я послал матроса на станцию за лошадьми, в ожидании пообедал и часа два спустя тронулся в путь. Миновав село, дорога пошла вверх по узкой долине р. Мысовой в глубь Хамар-дабана; склоны то были покрыты редкими соснами, то представляли собой крупные и мелкие утесы красноватого гранита или осыпи его. По дну долины каскадами с камня на камень струилась речка, и дорога часто переходила с одного берега на другой. Затем начался длинный подъем к перевалу, пролежавший извилинами по склону долины. Стало холодно, березы и осины стояли уже голые, появились отдельные кудрявые кедровые деревья. Лошади шли шагом, и колокольчик еле брякал под дугой. Ямщик вполголоса затянул заунывную песню, под звуки которой я задремал. Проснулся я от резкого толчка: длинный подъем кончился, ямщик погнал лошадей, чтобы лихо подкатить к близкой станции. Вид совершенно изменился; дорога шла между плоскими вершинами Хамар-дабана, покрытыми густым кедровым лесом. Снег белел повсюду, красиво оттеняя темную хвою, казавшуюся почти черной. В воздухе кружились отдельные хлопья, и посеревшее небо, казалось, угрожало большим снегопадом. Порывы ветра стряхивали снег с кедров.

Подкатили к уединенной станции в лесу, Мишихе. Станционный писарь заявил, что лошади будут через час, и предложил заказать самоварчик. Сезон был глухой, доставка чая из Монголии еще не началась и проезжих было мало. Задержки в лошадях не могло быть, и писарю просто хотелось побеседовать с проезжим. На длинном подъеме я немного продрог, и перспектива горячего чая привлекала. Молодая хозяйка быстро подала кипящий самовар, опрятную посуду, предложила даже свежие шаньги — булочки, смазанные сметаной перед посадкой в печь. Она жаловалась на скучную жизнь на одинокой станции; она с мужем, четыре ямщика-бурята без семей и караульный — вот

и все население. Лето короткое, зима длинная (с сентября до мая), снежная, с сильными ветрами. Жили они здесь второй год.

Я купил у них на дорогу мешочек свежих каленых кедровых орехов и через час поехал дальше. Дорога продолжала идти между широкими вершинами хребта и начала спускаться; уже смеркалось, и к следующей станции мы приехали ночью. Опять небольшая задержка и чай, хотя вынужденный, но приятный. Станция тоже одинокая, в долине южного склона среди густого леса.

За ночь я проехал еще две станции, в промежутках между которыми хорошо спал. Продолжались горы и леса. Совершенно другая картина открылась утром: я заснул зимой в лесу, проснулся летом в степи. Горы превратились в пологие безлесные холмы и разошлись в стороны. Тарантас катился по бурой, выгоревшей степи. Солнце, довольно высоко поднявшееся, сильно грело. В стороне остался бурятский дацан, буддийский монастырь в долине р. Джиды. Его белые здания и в китайском стиле выгнутые темные крыши выделялись на желтом фоне степных холмов. Близ устья р. Джиды мы переправились на пароме через быструю Селенгу и попали в большое село Усть-Кяхта, единственное на всем этом тракте. Сюда же с другой стороны вышел и почтовый тракт из Селенгинска. Задержки не было, и я скоро поехал дальше. Этот перевал, последний до границы, пролегает частью по широкой долине с сосновыми лесами, а затем переваливает через пограничный хребет Бургутуй, на южном склоне которого в песчаной долине речки Грязнухи расположен уездный городок Троицкосавск и в двух верстах ниже купеческая слобода Кяхта. Городок был небольшой (8 тыс. населения), но хорошо обстроенный и зажиточный; дома частью двухэтажные, иногда каменные, улицы глубоко-песчаные, но с деревянными тротуарами; каменный собор и две церкви, большой гостиница, двор, общественный сад. Но город расположен в яме и близкие горы закрывают вид во все стороны, кроме юга, где за Кяхтой видна Монголия. Кяхтой, заработка на зашивке и возке чая, кормится и большая часть мещан городка.

Я проехал прямо в Кяхту, где должен был остановиться в доме Лушников, с дочерью и зятем которого познакомился весной в Иркутске. Его зять И. И. Попов, студент, был сослан за участие в революционном движении в Троицкосавск. В этом гостеприимном доме останавливались многие путешественники на пути в Китай или обратно; здесь бывали Пржевальский, Потанин, Клеменц, Радлов. При полном содействии хозяина я закончил снаряжение в путешествие.

Кяхта того времени была очень своеобразным местом; она состояла из двух десятков усадеб торговых домов, гостинного двора, собора, пожарного депо, аптеки, клуба и нескольких домов, в которых жили два врача, пограничный комиссар и торговые служащие. Все здания тянулись вдоль единственной широкой улицы с бульваром, оканчивавшейся общественным садом. На площади перед садом на пригорке возвышался собор, построенный в 20-х годах XIX века специально выписанными итальянцами, а за собором — обширный гостинный двор, в котором торговли не было. В нем хранились разные товары и производились работы по подготовке чая, прибывавшего из Китая, для длинного пути через Сибирь. Кяхта являлась резиденцией богатых сибирских купцов, занимавшихся крупной торговлей с Монголией и Китаем, отправлявших большие партии чая в Россию, имевших паромходы и склады на Байкале и на Амуре.

Каждая усадьба состояла из нескольких домов, с амбарами, конюшнями и напоминала усадьбы русских помещиков.

В усадьбе Лушников я поместился во флигеле, где жил И. И. Попов с женой. В большом доме жили сам Лушников с женой, сыновьями и дочерьми, частью уже взрослыми. Семья была высококультурная. Лушников в молодости был хорошо знаком с декабристами, жившими в Селенгинске и часто посещавшими Кяхту, которую они называли Забалуи-городком.¹ В этой семье я встретил самый радушный прием. Мне нужно было заказать выючные ящики и сумы для экспедиции, купить седла, найти переводчика, знающего монгольский язык, нанять повозки и лошадей для переезда в Ургу. Все это устроилось при помощи М. А. Бардашева, заведовавшего складами Лушников, в течение десяти дней, которые я употребил для поездки на Ямаровский минеральный источник в долине р. Чикоя, так как имел еще поручение Иркутского горного управления осмотреть его и определить границы округа охраны, который следовало установить для защиты источника, имевшего уже государственное значение.

По возвращении из этой поездки, богатой новыми впечатлениями, которые описаны в другом месте, в Кяхте были закончены последние приготовления для путешествия. У пограничного комиссара я получил китайский паспорт для проезда до Пекина. В качестве переводчика и рабочего был нанят казак Цоктоев, из бурят, бывавший уже в Монголии и ставший моим главным,

¹ Историю и нравы Кяхты, жизнь декабристов в Забайкалье описал И. И. Попов в книге «Минувшее и пережитое. Сибирь и эмиграция». Москва. 1924 г.

а иногда и единственным, спутником в течение первого года путешествия.

Рядом с Кяхтой, на той же речке Грязнухе, сейчас за русской границей расположен китайский городок Май-ма-чэн. В нем проживали китайские купцы, посредники русских по торговле. Вдоль улицы тянулись оригинальные китайские лавки, в которых можно было купить чесучу и другие шелковые ткани, белую и синюю далембу и дабу (бумажные ткани), разные чаи, китайское печенье, черную сою (приправу вроде кабуля), сахар-леденец и др. товары. Мы обошли вместе с Поповым несколько лавок; нас угощали чаем по-китайски: в чашках с крышкой и без сахара. Но покупателей мы нигде не видели. Вероятно, посредничество — главное занятие этих купцов, а торговля небольшая и случайная. Интересен красивый храм, оригинальной архитектуры, внутри мрачный, со статуей Конфуция, перед которой в металлических стаканчиках тлели жертвенные свечи; по сторонам виднелись статуи других богов или героев. Но с храмами мы познакомимся позже. В Май-ма-чэне проживал и цзаргучей, китайский пограничный чиновник, но мой паспорт был уже визирован им, и мы его не посетили.

Своеобразен Гостиный двор Кяхты. В его крытых помещениях вскрывали и проверяли цыбики (тюки) чаев, прибывших из Китая, как байховых, так и кирпичных. Последние представляют толстые плитки, спрессованные из мелочи и отсежков байхового чая; они шли в большом количестве в Сибирь, где крестьяне и туземные народности (буряты, якуты, тунгусы и др.) предпочитали его байховому. После осмотра и сортировки цыбики зашивались на дворе в сырые бычачьи шкуры, шерстью внутрь, чтобы предохранить чай от подмочки на далеком пути через Сибирь.

Сильный удар благополучию Кяхты нанесла постройка Сибирской железной дороги. Когда она была закончена, чай из Южного Китая повезли на пароходах во Владивосток и оттуда по железной дороге через Сибирь. Его перестали возить через Монголию, и Кяхта начала хиреть. Торговля с Монголией также падала из-за конкуренции китайцев и японцев, привозивших более дешевые товары. Ко времени революции большинство старых кяхтинских купцов умерло, их дети частью выселились, фирмы закрывались, Кяхта пустела. Прежде времена затишья в делах постоянно сменялись временами оживления, когда прибывали караваны с чаем, везде суетились, хлопотали, во всех дворах стояли монгольские двуколки, стояли и лежали верблюды, по улице и по дворам сновали монголы, буряты, китайцы и служащие кяхтинцев, слышались окрики, говор, смех, побряки-

нанье колокольцев, ржанье лошадей, рев верблюдов и быков. В конторах хлопали двери, в Гостином дворе десятки рабочих зашивали дыбики, нагружали двуколки для отправки по тракту в Мысовую. В те времена таможня находилась в Иркутске, где чай и оплачивался пошлиной, а в Забайкалье и Амурскую область китайские и японские товары проникали беспошлинно. Поэтому здесь хороший чай можно было получить дешево.

В конце сентября все приготовления были закончены, и я простился с гостеприимным домом Лушниковых. Для багажа до Урги были наняты четыре монгольские двуколки, я и мой казак Цоктоев ехали верхом. Сборы, как всегда, затянулись, багаж отправили вперед, а я после прощального обеда выехал в экипаже, в сопровождении нескольких кяхтинцев до первой остановки на речке Киран. Дорога шла по широкой степи, протянувшейся вдоль подножия лесистых пограничных гор. Кое-где виднелись монгольские юрты, в стороне осталось озерко Гиляннор. Затем начался сосновый бор, и там на берегу речки мы нашли расставленную палатку и моих спутников — двух монголов и Цоктоева. После ужина провожавшие уехали назад, а я остался ночевать в своей новой палатке. Она была монгольского, но улучшенного типа в виде двускатной крыши, лежавшей на двух прочных коляях и перекладине между ними; она была сшита из прочного тика на бумазейной подкладке, для утепления, и прослужила мне два года почти без починки. На землю расстилался брезент, постель состояла из войлока, небольшой медвежьей шкуры, подушки и бараньей шубы, заменявшей в холодное время одеяло. Багаж состоял из двух больших мягких кожаных чемоданов фасона, рекомендованного Пржевальским, двух небольших выючных сундуков для инструментов, письменных принадлежностей, справочных книг, кухонной и столовой посуды, расходной провизии; да еще двух сундуков среднего и двух большого размера, содержавших резерв провианта, книг, свечей, бумаги, фотографических пластинок, пороха, патронов и пр., которые обычно не вносились в палатку, а оставались на возах, как равно и один из чемоданов с запасом сухарей, белья, платья и обуви. К переднему колу палатки прикреплялся маленький столик на двух ножках, на котором при свете фонарика вечером записывались в дневник путевые наблюдения, осматривались и этикетировались собранные образцы горных пород, разложенные на полу и на постели, вычерчивалась маршрутная карта. Монголы-возчики и Цоктоев имели свою палатку.

После отъезда провожающих мне, оставшемуся в одиночестве, немного взгрустнулось. Рядом монотонно журчала речка,

сосны шумели при порывах ветра; вблизи потрескивал костер, возле которого возчики и Цоктое в великую беседу на непонятном мне языке, попивая бесконечный чай; ночь уже спустилась. Я оторвался на два года от культурной городской жизни и семьи и начинал путь по огромной незнакомой стране, населенной народами с совершенно другими нравами и обычаями,

Рис. 1. Горы Куйтун, моя палатка и монгольские двуколки.
Утро после первого снега.

отчасти враждебно настроенными к чужеземцам, стране, изобилующей естественными трудностями в виде пустынь, безлюдных гор и непредвиденными опасностями. Быстрый проезд по степи от Кяхты не дал никаких наблюдений, и в дневник нечего было писать. Я сидел у выхода из палатки и, попеременно с воспоминаниями, прислушивался к звукам леса и ночи, пока не захотелось спать.

Путь от Кяхты до Урги, длиной около 300 км, мы прошли в 9 дней. Местность на всем пути гористая,— это западные отроги хребта Кентей, орошенные притоками р. Селенги. Только первый день после ночлега на Киране мы долго шли сосновым бором по равнине, а затем ежедневно пересекали один или два хребта, поднимаясь на них по долинам. В промежутках между хребтами дорога пересекала более значительные реки. Через

первую из них, большую р. Иро, весной и летом для переправы служит нечто вроде парома из трех, связанных перекладами, долбленых лодок-душегубок, на который устанавливается только одна двуколка; перевозчики работают шестами, лошади идут вплавь. Но вследствие осеннего мелководья возчики повезли нас в брод, избавив от большой потери времени. Недалеко от брода на берегу реки белели здания монгольской кумирни, т. е. буддийского монастыря.

Горные хребты, которые мы пересекали, были совершенно безлесны и представляли собою степь или же по их северным

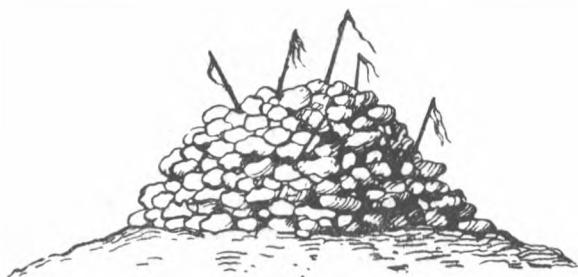

Рис. 2. Монгольское обо на перевале.

склонам полосами спускались отдельные рощи лиственницы, березы, сосны и осины, южные же были безлесны. Только самый высокий из хребтов на половине пути был покрыт густым лесом на обоих склонах. Рис. 1 дает понятие об этих степных горах Северной Монголии; это котловина в хребте Куйтун, где мы ночевали и где ночью выпал первый снег.

В Монголии каждый перевал дороги через горы, а также выдающиеся вершины украшены „обо“. Обо — большая или малая куча камней, в которой попадают также кости, тряпки, ржавое железо, и в которую часто воткнуты палки с защемленными в них или привязанными полосками или обрывками ткани или пучком конских волос. Обо — это приношения горным духам. Каждый монгол, поднявшись на перевал, считал долгом увеличить кучу обо чем-нибудь, что попало под руку на подъеме, в виде жертвы духу за благополучный проезд. Более благочестивый втыкает палку и привязывает к ней хадак — нечто вроде шарфика из редкой шелковой или полуселковой ткани, который подносят хозяину юрты или гостю в виде подарка. Эти обо, видные издали на вершинах гор, удобны в качестве сигналов для топографической съемки (рис. 2).

Долины между хребтами также безлесные, степные; в них довольно часто попадались монгольские юрты и пасущиеся стада овец, в меньшем количестве встречались коровы и лошади. Станции, на которых путешественники, едущие без остановки, меняют лошадей, также состояли из юрт. Мы ехали медленно на лошадях, нанятых на весь путь до Урги, и предпочитали ночевать не на станциях, а где-нибудь подальше от них на берегу речки или в горной долине, где лошади находили корм в степи, а мы приют в палатках.

Для разведения огня и варки пищи мы пользовались и здесь, если лес был далеко, обычным для всей Монголии топливом „аргалом“ — высохшими лепешками коровьего помета, которые собирали в степи вблизи палатки. Сухой аргал горит хорошо, дает сильный жар и дым с своеобразным приятным запахом. Если мало коровьего аргала, для этой цели также употребляют лошадиный и верблюжий помет.

Путевой распорядок до Урги у нас был такой: вставали с восходом солнца, варили чай, завтракали; лошади в это время получали порцию овса. Затем снимали палатки, укладывали багаж на возы, запрягали и отправлялись в путь. Двуколки ехали шагом по дороге, а я с Цоктоевым верхом то опережал их, то отставал, останавливался для осмотра обнажений горных пород, затем догонял обоз рысью. Около полудня делали привал для завтрака, не раскидывая палаток; варили чай, закусывали холодной провизией; лошади паслись. Часа через два запрягали и ехали дальше, а перед закатом останавливались в подходящем месте на ночлег, ставили палатки, варили ужин. В ожидании его я определял дневные сборы горных пород, писал дневник, вычерчивал съемку. После ужина пили чай и скоро ложились спать, потому что свежий воздух и работа с раннего утра до позднего вечера достаточно утомляли.

На девятый день, спустившись с последнего перевала через хр. Тологойту, мы вышли под вечер в широкую долину р. Толы и мимо храмов, домов и огороженных частоколом стойбищ города Урги прошли в русское консульство, расположенное уединенно среди степи к востоку от города.

В Урге кончился первый этап моего путешествия, во время которого я немного познакомился с монголами, составляющими большинство кочевого населения обширной, но пустынной Центральной Азии. Подобно туркменам, с которыми я уже встречался, изучая равнины Закаспийской области (теперь Туркменской ССР), монголы живут в юртах. Юрта, представляющая собой удобное передвижное жилье, состоит из двух частей.

Нижнюю часть образует решетка из тонких перекрещивающихся жердей или, скорее, палок, подвижно скрепленных друг с другом ремешками. В раздвинутом виде эта решетка представляет цилиндр высотой в метр или метр с четвертью, в одну сторону которого вставлена дверная рама. Снаружи к решетке привязывают войлок. Верхняя часть, представляющая крышу

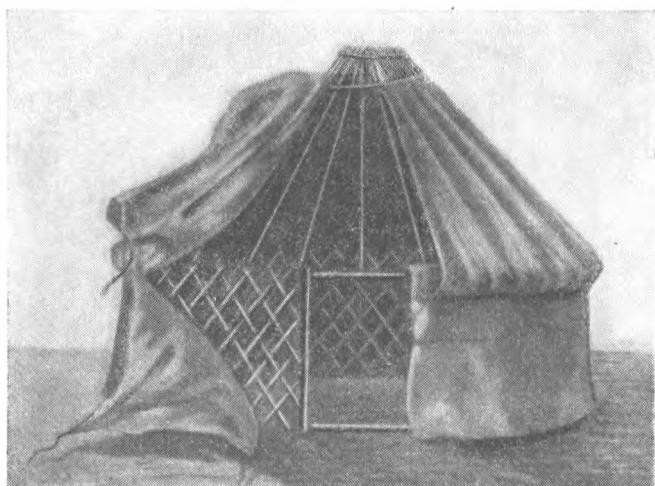

Рис. 3. Устройство монгольской юрты.

плоскоконической или куполообразной формы, состоит из центрального двойного круга и более длинных прямых или слегка согнутых палок, которые одним концом вставляются в этот круг, а другим привязываются к палкам решетки. Эту основу также покрывают войлоками — и жилище готово. Круг служит и окошком, и отверстием для выхода дыма; его задерживают войлоком на ночь, если в юрте не горит огонь. Дверная рама закрывается также войлоком (рис. 3 и 4).

Внутри юрты вдоль стенок ставится домашняя обстановка монгола — кожаные и шерстяные сумы с одеждой, сундучки — и стелется войлок, на котором сидят и спят. В центральной части под кругом огонь в тагане — низком треножнике в виде решетчатого цилиндра.

В разобранном виде юрта представляет кучу войлоков, круг, дверную раму (не всегда даже имеющуюся), свернутую решетку и связку палок крыши; все это можно навьючить на верблюда

или даже на быка для переезда на другое место, где установка юрты занимала полчаса и всегда производилась женщинами.

Единственная мебель монгола — низкий столик вроде скамейки, на который ставят еду и чайные чашки; он бывает не в каждой юрте.

Главное богатство монгола — его стадо овец, коз, верблюдов, коров, лошадей, количество которых, конечно, сильно колебалось

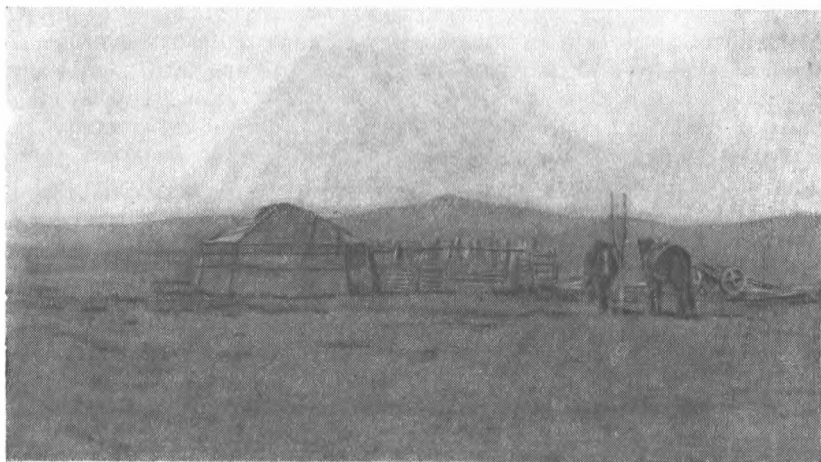

Рис. 4. Монгольская юрта, загон для скота и столб для привязи лошадей.

от сотен и тысяч голов у князей и богачей до десятков у середняков и единиц у бедняков. Самые бедные совсем не имели своего скота и пасли стада богачей.

Главную пищу монгола составляет кирпичный чай, сваренный в котле с молоком и солью, иногда с добавкой масла и муки. Из молока монголы готовят также тарасун — слабую водку, айрик — напиток вроде кумыса, хурут — высушенный и поджаренный творог или сыр, урюм — пенки с молока. Дикий лук, клубни сараны, ягоды хармыка составляли растительную пищу, собираемую в степи. Мясо большинство монголов ело редко. Мукой из поджаренного ячменя, называемой дзамба, подправляли чай. У богачей пища была более разнообразная, молочно-мясная, водилась также покупная пшеничная мука, из которой делались лепешки, и крупа для каши.

Для покупки чая, муки, посуды, обуви, одежды монголы продавали скот и продукты скотоводства — шерсть, кожи, войлок — или зарабатывали деньги перевозкой на своих верблюдах и ло-

Рис. 5. Монголки племени Халха на улице города Урги.

шадях чая и других грузов для китайских и русских купцов; бедняки нанимались в погонщики к владельцам этих животных в большие караваны.

Пастьба скота составляла главное занятие монголов мужчин, оставлявшее много свободного времени, особенно бедняку,

маленькое стадо которого паслось возле юрты или по соседству под надзором подростка. Женщины были заняты больше, они доили скот, готовили пищу, сбивали войлок, мяли кожи, собирали на степи аргал для топлива, шили и чинили одежду, возились с детьми. Мужчины проводили много времени празднуя, ездили в соседние юрты побеседовать; поездка за 20—30 км считалась маленькой прогулкой. Праздники в кумирнях привлекали всегда много приезжих за десятки километров.

Так проходили месяцы, годы и вся жизнь монголов. Монотонное течение ее изредка нарушалось такими печальными событиями, как падеж скота или эпидемические болезни людей, вызывавшими экстренные расходы и следовавшее за ними обеднение семьи.

Одежда монгола простая: рубаха и штаны из синей хлопчатобумажной ткани, сверху такой же халат летом и баранья шуба зимой; на ногах войлочные сапоги на кожаной подошве с острым каблуком и загнутым вверх носком; на голове шапка-колпак с ушами и красной кисточкой, войлочная или меховая. Женская одежда отличалась от мужской только длинной рубахой. За поясом заткнуты нож, огниво и кисет с табаком, а трубка прячется в голенище. Монголы волосы заплетали по китайскому обычаю в одну косичку, женщины в несколько кос (рис. 5). Этот народ, живущий в сухих степях и берущий воду из колодцев, не отличался чистоплотностью. Монголы почти никогда не мылись, купанье и баня были им неизвестны. Белье не стирали, а носили до тех пор, пока оно не развалится; в сущности и белья у них не было, так как рубаха и штаны — вся их одежда. Халат летом, шубу зимой часто надевали прямо на голое тело.

Глава вторая

ВОСТОЧНАЯ МОНГОЛИЯ. ОТ УРГИ ДО КАЛГАНА

Русское консульство. Монгольский город. Обилие нищих и собак. Кумирня Майдари. Колоссальный бурхан. Ямынь и деревянные воротники. Духовная академия. Субурганы, Ламы и их жизнь. Молитвенные мельницы. Часы с кукушкой. Гора Богдо-ула с непуганной дичью. Падь диких собак. Мой караван и экипаж. Пути через Монголию. Гоби не пустыня, а степь. Характер ее окраин и средней части. Находка костей и ее значение. Обрыв монгольского плато к Китаю. Великая стена. Спуск к Калгану.

Русское консульство в Урге возвышалось среди голой степи в большом промежутке между монгольским и китайским городами. Оно состояло из главного двухэтажного каменного дома в центре, двух одноэтажных флигелей по бокам, казармы для конвоя, сараев и служб позади. Меня поместили в одном из флигелей, который пустовал.

В Урге мне предстояло переснаряжение каравана при содействии доверенного одного кяхтинского торгового дома. Караваны с чаем из Китая начали уже прибывать, и так как обратно они большею частью шли без груза, то всего выгоднее было нанять несколько обратных верблюдов для перевозки моего багажа, двух лошадей для себя и Цоктоева, затем насушить сухарей и закупить провизии. На все это понадобилось 8 дней, которые я и провел в кругу соотечественников, посетил город и сделал экскурсию в соседние горы.

Урга или Да-хурэ (теперь Улан-батор) являлась религиозным и правительственным центром Монголии, а также торговым пунктом, в котором жили доверенные кяхтинских торговых фирм, переправлявшие чай в Кяхту и русские товары в глубь Монголии. Религиозным центром Урга была потому, что здесь было несколько буддийских монастырей и в одном из них жил

главный монгольский гэгэн, т. е. „перевоплощение Будды“, глава духовенства. Правительственным центром Урга была потому, что здесь жил китайский амбань, т. е. губернатор или даже два, управлявшие делами двух соседних обширных аймаков (областей) Монголии.

Монгольский город состоял из целого ряда отдельных подворий, обнесенных частоколом и населенных ламами, т. е. монахами одного из 28 общежитий; затем из нескольких кумирен, т. е. храмов с надворными постройками — кухнями, кладовыми и пр., из дворца гэгэна, из ямыней, т. е. китайских присутственных мест и жилищ амбаней, из домов и лавок русских и китайских купцов и китайских ремесленников. Одних лам в Урге насчитывалось около 14 000.

Город очень разбросанный и на первый взгляд невзрачный; красивые храмы прячутся за частоколами дворов, как и жилища лам. Улицы немощеные, покрытые всякими отбросами, как и базарная площадь. Население все помои и отбросы выносило из дворов и жилищ на улицу, и только обилие бродячих собак, игравших роль санитаров, предохраняло улицы от окончательного загрязнения, так как все съедобное, включая и экскременты, поедалось. Но эти собаки, всегда голодные, были не безопасны для людей; одинокий и безоружный прохожий ночью на окраинах города легко мог сделаться жертвой стаи собак, привыкших к человеческому мясу, так как монголы оставляли своих покойников в степи на съедение хищным животным и птицам. Обилие нищих, в грязных лохмотьях, изможденных, выставлявших на показ всякие язвы и уродства, бродивших по улицам или сидевших у входа во дворы храмов и общежитий, составляло также неприятную особенность монгольского города.

Наиболее красивый храм Урги — кумирня Майдари — представлял собой двухэтажный деревянный дом, оштукатуренный и выбеленный, с красными резными наличниками окон и карнизами и куполом, крытым железом. Внутри в кумирне было тесно, несмотря на ее размеры, так как в самом центре стояла колоссальная статуя Майдари, на которую посетитель натыкался сразу при входе. Бурхан (т. е. статуя божества) изображен сидящим на престоле из лежащих львов и поднимается под купол кумирни; высота его около 16 м. Он отлит из бронзы и густо покрыт позолотой. Вес его, как говорят, 11 000 китайских пудов,¹ хотя статуя пустотелая. Внутренность ее по обычаю заполнена листами бумаги, исписанными молитвами. Позади Майдари у задней стены находилось еще пять больших статуй бур-

¹ Кит. пуд = 100 кит. фунтов, а кит. фунт = 604 г.

ханов, а по боковым стенам в шкафах были насажены мелкие статуэтки числом, будто бы, в десять тысяч.

В тесной кумирне огромная статуя подавляла своими размерами. Перед статуей был расположен высокий алтарь с подсвечниками, чашечками с яствами и напитками и двумя рядами символических кружков вроде мишеней, раскрашенных розовой и голубой краской. Между алтарем и стенами — низенькие диваны с грязными подушками и столиками перед ними. На диванах восседали во время богослужения ламы и пели молитвы. В верхнем этаже над шкафами с бурханами тянулись хоры, с которых можно было рассмотреть верхнюю часть Майдари, но голова его поднималась еще выше. Статуя была задрапирована желтым атласом; на алтаре перед ней курились бумажные палочки. Возле алтаря стояло закрытое покрывалом отдельное кресло гэгэна, изредка посещавшего богослужение в этой кумирне.

Против этой кумирни находился ямынь, т. е. присутственное место главного правителя Урги, также во дворе, окруженном частоколом. Я заглянул во двор; доступ туда был свободен. Вокруг юрты среди двора толпились монголы; в ней происходило заседание суда; возле юрты для назидания толпы сидели осужденные преступники — два монгола, на плечи которых были надеты тяжелые квадратные доски с отверстием для головы (см. рис. 57). Этот чудовищный воротник, давящий плечи, служил одним из способов пытки для вынуждения сознания, но надевался также и в наказание на целые недели и месяцы, и осужденный должен был спать и есть в этом наряде. У монголов имелись и другие способы пытки, так как из юрты раздавались протяжные стоны — суд разбирал какое-то дело.

Западную часть Урги, расположенную за речкой Сэльби на холме, составлял Гандан, населенный исключительно ламами. Проходившими высший курс буддийского богословия. Эта духовная академия по внешности не отличалась от описанного города — те же дворы, окруженные частоколами, над которыми поднимались узорчатые крыши двух больших кумирен, и пустынные улицы между дворами. Только по двум окраинам тянулись друг возле друга 28 субурганов, построенных благочестивыми поклонниками Будды ради очищения от грехов и отогнания разных бед и напастей.

Субурганы — преемники древних индийских „ступ“ и „чайтья“; в Индии они сооружались на местах замечательных событий, а также служили гробницами лам. Субурганы монголов-буддистов имеют различную форму и величину, но в основном всегда состоят из трех частей (рис. 6): пьедестала, главной

части в виде плоского шара или митры, называемой „бумба“, и шпица, увенчанного изображениями луны, солнца и пламенеющего огня премудрости — „нада“. В лучших субурганах шпиц украшен тринадцатью металлическими кольцами. Субурганы воздвигаются обычно возле храмов (кумирен), но иногда и уединенно порознь и группами в степи.

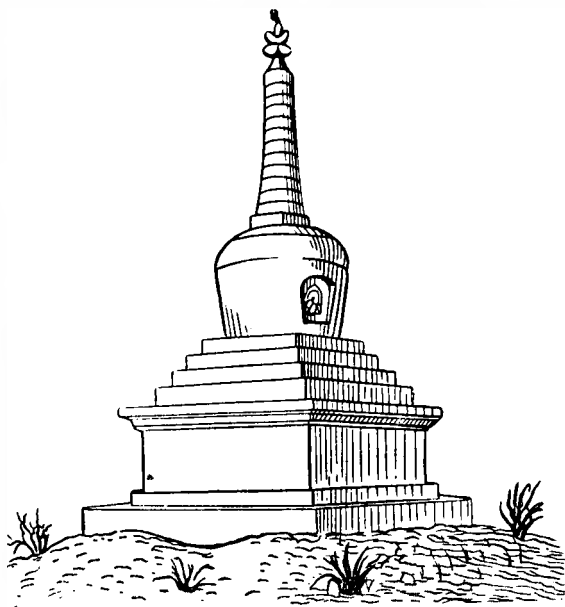

Рис. 6. Субурган.

Ламы, т. е. буддийские монахи, населявшие монастыри (дацаны) Монголии, посвящали себя с отрочества служению Будде, изучению богословских трудов, написанных на тибетском языке, и благочестивым созерцаниям. Обилие лам в монастырях объяснялось тем, что каждая монгольская семья считала долгом отдать хотя бы одного из сыновей в монастырь. Многочисленные монастыри существовали на пожертвования верующих, так как каждая семья, отдавшая сына в ламы, естественно должна была поддерживать и монастырь. Ламы никаким производительным трудом не занимались и были в сущности паразитами. Врачевание, которое практиковалось частью лам, в большинстве являлось знахарством. В одной Урге, как упомянуто, число бездельников-лам достигало 14 000, а монастырей в Монголии были

десятки, и они ложились тяжелым бременем на бюджет монгольского населения. При них не было ни школ, кроме богословских, ни больниц и приютов, а праздники, которые устраивались для развлечения монголов, служили средством для выкачивания новых пожертвований.

Ламы питались так же, как и зажиточные монголы — кирпичным чаем с молоком и маслом, пресными лепешками, бараниной, имели это в достаточном количестве и жирели от малоподвижной сидячей жизни. Они начинали жизнь в лени с юношеских лет, когда родители отдавали их в монастыри для религиозного обучения. Молодые ламы выполняли иногда некоторую работу по поддержанию чистоты в храме и жилищах и разъезжали по улусам для сбора пожертвований.

В Урге мне бросились в глаза оригинальные молитвенные мельницы, если можно так выразиться. Это деревянный цилиндр, насаженный на столб и могущий вертеться вокруг него, как вокруг оси. Цилиндр оклеен буддийскими молитвами на тибетском языке, и каждый проходящий мимо такого цилиндра (а их было наставлено много по улицам и во дворах) считал долгом повернуть его несколько раз, что равносильно произнесению всех начертанных на нем молитв. Еще более упрощенный способ вознесения молитв к божеству я видел позже в горах Китая и Нань-шаня, где подобные же цилиндры приводились во вращение ветром или водяным колесом на горном ручье и, таким образом, молитвы возносились непрерывно и без затрат труда верующих.

Так было во время моего путешествия и еще 30 лет после него. Но в 1921 г. произошла народная революция, и в 1924 г. северная, большая, половина Монголии превратилась в Монгольскую Народную Республику, которая за минувшие с тех пор 26 лет в качестве самостоятельного государства сделала большие успехи в отношении культурного и хозяйственного развития. Старый феодальный строй преобразован в республиканский с выборным правительством в виде Великого народного хурала делегатов, Малого хурала и Совета министров. МНР — Монгольская Народная Республика — делится на 18 аймаков, центры которых или уже представляют города или становятся ими.

Урга, столица МНР и местопребывание правительства, переименованная в Улан-батор-хото, уже мало напоминает старую Ургу, виденную мною. Новый город, расположенный к востоку от старой части с ее храмами и монастырями, имеет широкие улицы, асфальтированную магистраль, большие каменные здания Совета министров, торгово-промышленного банка,

министерств, университета, средней школы, типографии и жилые дома. Но в городе еще множество юрт, в качестве постоянных жилищ поставленных на фундаменты. Юрты по одной-две расположены в небольших двориках, обнесенных частоколом. Несколько в стороне находится промышленная часть города с фабриками, обрабатывающими сырье животноводства; они связаны железной дорогой с копиями Налайха вверх по р. Толе, откуда город снабжается топливом. В городе свыше 50 000 населения. Имеется автобусное сообщение. Священная гора Богдо-ула превращена в парк культуры и отдыха.¹

Во всех центрах аймаков и в сомонах, на которые аймаки разделены, имеются школы; в повышении грамотности монгольское население делает большие успехи. Вместе с развитием просвещения падает прежнее влияние монастырей и лам, пополнение ламства молодыми силами прекратилось, монастыри теряют свое значение и многие из них закрылись; ламы занялись продуктивным трудом — скотоводством, сенокошением, земледелием.

Правительство МНР уделяет большое внимание количественному росту скота, составляющему главное богатство монголов, и качественному его улучшению. Пастбища обширной страны могут прокормить гораздо больше скота, чем его имеется сейчас. Для сохранения скота строятся открытые и крытые загоны, улучшаются пастбища, вводится сенокошение, луговое хозяйство, где возможно, — орошение. Развивается земледелие, где оно возможно по качеству почвы и климатическим условиям, а также огородничество. Монголия быстро преобразуется в культурную страну.

Чтобы закончить мои беглые наблюдения в Урге, упомяну еще один случай, характеризующий низкий уровень культуры монгольских князей, управлявших крупными областями — аймаками и хошунами — Монголии, составлявшими их потомственные владения. В Ургу как-то приехал часовщик. Он открыл лавочку и развесил привезенные стенные часы разных сортов. Торговля шла не бойко, так как кочевнику-монголу и ламам часы не нужны: они определяют время по солнцу. Покупали часы китайцы и, изредка, монгольские князья. Среди часов был один экземпляр с кукушкой, которая выскакивала из окошечка над циферблатом и куковала число часов. Эта кукушка возбудила восторг всех посетителей, но часовщик очень запрашивал за часы, и они не продавались. Наконец, один князь купил их за хорошую сумму и увез в свою юрту. Через несколько недель он привез их обратно и просил часовщика вылечить птицу, ко-

¹ Э. М. Мурзаев. Монгольская Народная Республика. Географ. общ. Союза ССР. Ленинград, 1947, стр. 52, 59, 67.

торая, очевидно, заболела, так как перестала выскакивать и куковать. Часовщик открыл футляр и из него посыпались зерна ячменя.

— Зачем ты насыпал ячмень в часы? — удивился он.

— Как же, — ответил князь, — птицу ведь нужно кормить, чтобы она не издохла. Я ее кормил понемногу, сначала она еще пела, а потом стала петь все реже и реже и, наконец, замолчала: может быть, она привыкла к другому корму. Ты мне объясни, чем ее кормить.

Князь с трудом поверил, что кормить кукушку совсем не нужно.

Против Урги на левом склоне широкой долины р. Толы поднимается довольно высокая гора Богдо-ула или Хан-ула, которая привлекает взор путешественника зеленью густого леса, отсутствующего на горах правого склона, представляющих бурую степь, выгоравшую за лето. Эта гора считалась священной, обиталищем божества, поэтому на ней было запрещено рубить лес и охотиться. За выполнением этого следили караульные, жившие в юртах кое-где у подножия горы.

Секретарь консульства предложил мне посетить эту гору. Меня интересовал ее геологический состав, и я, конечно, согласился, хотя меня предупредили, что взять с собой молоток, чтобы отбивать образцы горных пород, нельзя: это тоже могло бы нарушить покой божества. Мы поехали вдвоем в тележке консульства, пересекли долину, переехали р. Толу в брод благодаря осеннему мелководью и поднялись на склон горы по проселочной дороге, ведущей на вершину. В лесу остановились, привязали лошадь к дереву и углубились в чащу. День был солнечный и тихий. Лиственные деревья были уже в полном осеннем наряде: березы в желтом, осины в красном; лиственницы также начинали желтеть. Яркие осенние цвета разных оттенков были разбросаны пятнами среди темной хвои сосен и редких кедров. Дикие жители леса, не пуганные охотниками, были совершенно доверчивы. Мы заметили рябчиков, посвистывавших на ветках и смотревших на нас с любопытством. Несколько тетерок паслись на прогалине, поклевывая бруснику под большой сосной и взлетали только тогда, когда мы подошли совсем близко. Возвращаясь к лошади, мы наткнулись на пару козуй, которые посмотрели на нас своими бархатными глазами, пошевеливая большими ушами, и потом спокойно продолжали свой путь по подлеску. Было приятно видеть эту мирную лесную жизнь. Осмотрев несколько попавшихся по дороге утесов, которые состояли из гранита, повидимому, слагающего главную часть горы, мы поехали назад.

В бинокль из консульства можно было видеть, что в самой западной из долин северного склона горы внизу высится скала гранита, у подножия ее — небольшая кумирня, а на вершине — „обо“ в виде двух куч камней, между которыми протянуты веревки, увешанные цветными тряпками, хадаками и бумагой с священными изображениями. В следующей к востоку долине видна дорога на перевал в хребте, за которым на южном склоне имеется старинный монастырь.

По словам путешественника Козлова, обследовавшего в 1923 г. всю гору, на гребне горы имеются озерки и болотца, окруженные кедровником, в котором водятся кабаны. На горе живут также олень-марал, кабарга, глухари, серые куропатки, белки, зайцы, сурки и хищники: орлы, волки, лисицы и рыси, которые под защитой заповедника размножились и наносят вред также окрестным монголам. Монголы приносили ежегодно кровавые жертвы горе, согласно завещанию Чингис-хана, установившему их в благодарность за то, что в чащах горы он спасся от толпы всадников, которые хотели поймать его и убить.

Эта гора теперь использована под прекрасный парк культуры для жителей большой и пыльной столицы Монголии, совершенно лишенной садов.

Отмечу еще одну достопримечательность из окрестностей Урги. Это падь (сухая долина) Хундуй в горах правого склона долины Толы. В эту падь монголы выносили своих покойников и по обычаю оставляли их там на съедение собакам, которые населяли норы по соседству. Когда я намеревался прогуляться вдоль этого склона, чтобы осмотреть выходы горных пород, консул посоветовал мне не заходить в эту падь во избежание нападения собак. По его словам, несколько лет тому назад русская подданная бурятка, захватившая верхом в эту падь, была съедена собаками, которые стащили ее с лошади. Лошадь прибежала в консульство без седока, а посланные на поиски казаки нашли только клочки одежды.

Печальной особенностью русской колонии в Урге того времени, насчитывавшей до 100 человек, было отсутствие не только врача, но даже фельдшера. Царское правительство не считало нужным заботиться о лечении своих подданных.

Скучно и однообразно проходила жизнь в ургинском консульстве. Работы было немного, развлечений никаких; окружающая природа была довольно унылая (кроме Богдо-улы, везде голая степь), климат, ввиду значительной высоты местности (1330 м) суровый, с холодной и почти бесснежной зимой, жарким летом, бедным осадками, и сильными ветрами. В консульстве рады были каждому свежему человеку, проезжавшему через

Ургу, и меня отпустили неохотно. Но сборы были закончены, и нужно было ехать дальше.

Для меня были наняты четыре верблюда под багаж, две верховых лошади и еще два верблюда для экипажа, который должен был служить моим жильем в течение месяца на пути до границы собственно Китая. Этот экипаж представлял коробок, поставленный на двуколку, в которую запрягались два верблюда: один в оглобли, другой в пристяжку. Коробок имел такую длину, что я едва мог вытянуться лежа. С одной стороны была дверца, через которую можно было пролезть внутрь; с обеих сторон — небольшие окошечки со стеклами. В коробке можно было сидеть только поджавши ноги по-турецки. Откидной столик представлял необходимую мебель для работы и еды. Согревать коробок приходилось собственным теплом, но все-таки в нем было теплее, чем в палатке, и я предпочитал его, уступив палатку Цоктоеву. В этом коробке, который вез монгол, сидевший верхом на верблюде, я ехал днем, отдыхая от верховой езды, если местность была ровная и не представляла выходов горных пород, работал вечером и спал ночью. Работать, все время сидя по-турецки, не очень удобно, но зато в коробке ветер не проникает, свеча не плавится, а вечером, когда Цоктоев приносил котел с супом, а потом горячий чайник, становилось на время даже так тепло, что можно было скинуть меховую куртку. За ночь, конечно, коробок остывал так, что вода в стакане замерзала; во время работы чернильницу приходилось подогревать на свечке.

Когда мы выехали из Урги в половине октября, было еще довольно тепло, морозы по ночам не превышали нескольких градусов. Но с начала ноября стало очень холодно, даже днем, и 15—20° мороза не были редкостью при сильных ветрах с севера. Тогда я очень оценил коробок, в котором согревался днем после нескольких часов верховой езды и хорошо спал ночью. С нами шло не шесть нанятых мною верблюдов, а десятка два, так как мои монголы, доставившие в Ургу чай, шли теперь порожняком обратно в Калган за новым грузом и подрядились везти меня дешево. Чтобы не утомлять верблюдов, они меняли и вьючных, и в экипаже (рис. 7 изображает весь мой караван и экипаж).

Порядок дня теперь был такой: вставали с восходом солнца, пили чай, вьючили и выезжали часов в восемь-девять утра, потому что дни были уже короткие. Ехали без дневного привала, и завтракать приходилось в седле или в коробке всухомятку. На ночлег останавливались часа в четыре, пройдя верст 25—30, по 4 версты в час, что составляет нормальный ход верблюда.

Когда я ехал верхом, осматривая местность и выходы горных пород, и отставал от каравана, приходилось догонять его рысью. После остановки монголы отпускали верблюдов и лошадей пастись, а сами, пока было еще светло, разбредались по степи и собирали аргал для топлива. Цоктоев разводил огонь и кипятил мне чай. После чая, согревшись в коробке, я начинал работу на своем столике, уже при свече, и работал до ужина, состоявшего всегда из супа с какой-нибудь крупой и вареной баранины. Потом чай, иногда с молоком, если поблизости были

Рис. 7. Караван и повозка на пути из Урги в Калган.

юрты, и с сухарями. Если днем местность была однообразная и сбор горных пород небольшой, оставалось время почитать что-нибудь из взятых книг. Я вез с собой два тома путешествий Пржевальского, один том Потанина, описание Китая Рихтгофена, несколько романов Вальтера Скотта и Брет-Гарта карманного формата на немецком языке. Но в десять часов клонило уже ко сну. Монголы и с ними Цоктоев в их палатке грелись у огонька, пили чай, курили трубки и беседовали. Лошадей и верблюдов на ночь пригоняли к лагерю и последних укладывали в кружок. Останавливались мы там, где было больше корма для животных, поэтому обычно подальше от юрт. Воду всегда имели с собой в двух бочонках, а животных поили по дороге у колодцев утром и под вечер.

Из Урги в Калган через Восточную Монголию ведет несколько дорог. Одна из них, самая длинная, называлась почтовым трактом, так как была обставлена станциями для перемены лошадей; ею пользовались только китайские и монгольские

чиновники. Караваны с товарами шли по более прямой линии, так как естественных препятствий, в виде труднопроходимых гор, в этой части Монголии нет. Но и более прямую линию можно провести с некоторыми вариантами, отклоняясь к колодцам с хорошей водой или к местам с лучшим пастбищем для животных. Так веками выработалось несколько караванных дорог, расходившихся из Урги и сходящихся, не доходя Калгана, а

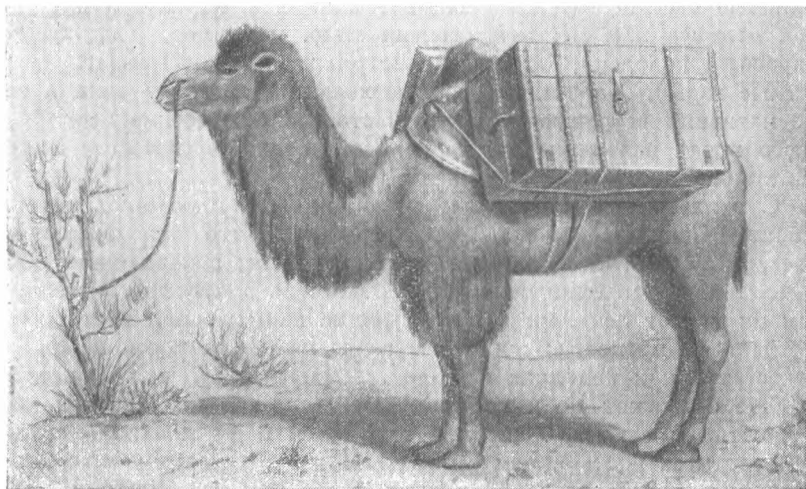

Рис. 8. Верблюд, завьюченный походными ящиками.

в промежутке даже пересекавшихся и местами сливавшихся. Они имели названия Гунджин-дзам, Аргали-дзам, Дархан-дзам и Чойрин-дзам. Простор Монголии и плоский рельеф допускает отклонения и от этих дорог; мой караван пошел сначала по дороге Чойрин-дзам, затем отклонился от нее, так как мои монголы хотели по пути зайти в свой улус; через несколько дней мы вышли на дорогу Дархан-дзам, а в конце опять отклонились от нее вправо.

Подробное описание этого пути, ввиду однообразия монгольской природы, было бы не интересно для читателя; научные наблюдения давно уже напечатаны в виде дневников в моем полном отчете. Здесь можно ограничиться общей характеристикой и отдельными наиболее интересными моментами.

Первые пять дней мы шли по более гористой местности, прилегающей с юга к долине р. Толы; дорога то пролегла по

сухим долинам между невысокими горами, то пересекала последние по небольшим перевалам, то выходила в обширные котловины, ограниченные такими же горными грядами. В долинах и котловинах травы были хорошие. На горах обилие скал часто привлекало мое внимание; в одном месте многочисленные камни, торчащие на склонах группы холмов, обусловили название их Цзара, что значит еж. Отметим кстати, что монгольские названия урочищ — отдельных котловин, горных гряд, колодцев — большею частью обусловлены цветом камней, характерной формой рельефа или местной особенностью, например, Улан-худук (красный колодец), Боро-тала (ветряная равнина), Цаган-ула (белые горы), Хара-ниру (черные холмы), и потому одни и те же названия встречаются очень часто. Более высокие вершины часто носят названия Богдо-ула, Баин-богдо в качестве мест обитания божества.

С этих гор мы спустились на обширную плоско-волнистую равнину Сахир-ухэ, и мои монголы сказали, что она считается началом Гоби. Мне это показалось странным; с названием Гоби в моем представлении связывалось понятие о пустыне, а между тем ни в этот день, ни в последующие наш караван настоящей пустыни не проходил; животные везде находили корм, не было недостатка и в колодцах с водой. Оказывается, что монголы вообще называют Гоби местности безлесные, с небольшими неровностями рельефа, лишенные проточной воды и с более скудной растительностью, чем в горах. Под этот термин подходят обширные пространства Монголии, тогда как настоящая пустыня или очень бедная степь, близкая к пустыне, занимают только отдельные сравнительно небольшие площади, получающие дополнительное название, напр.: Галбын-гоби. Неверно также имеющееся на многих картах название „Гоби или Шамо“. Последнее название китайское и обозначает песчаную пустыню; большие пески сосредоточены в южной части Монголии, близ границ Китая; китайцы, въезжая в Монголию, чаще всего встречались с сыпучими песками, откуда и возникло это название. Монгол никогда не подразумевает под Гоби песчаные площади, которые обозначает отдельными названиями.

Через Гоби мой караван шел три недели. На всем протяжении высоких гор не было, но группы и цепи холмов и невысокие горные кряжи попадались довольно часто, а в промежутках между ними расстилались более или менее обширные равнины или котловины. На этом пути впервые попадались также невысокие столовые горы, вернее плоскогорья, круто оборванные в сторону соседних впадин; поверхность их представляла совершенную равнину. Эти столовые высоты вообще характерны для Цен-

тральной Азин, так как они сложены из самых молодых образований мелового или третичного возраста, отлагавшихся в озерах и впадинах. Высота местности постепенно становилась все меньше и меньше и достигла минимума у колодца Удэ на половине пути. Это было самое глубокое место общей впадины Гоби; оно имеет всего 930 м, т. е. на 400 м ниже Урги. Отсюда местность начала опять постепенно подниматься и на южной окраине достигла снова 1350 м, даже 1600 м. Растительность мало-помалу беднела, трава редела, преобладали кустики полыни и других растений, свойственных пустынным местам, но и в самой низменной и пустынной части нашего пути верблюды и даже лошади находили корм. Не было недостатка и в воде, хотя иногда она была плоховата — мутная или солоноватая. Коегде встречались соленые озера.

Население вдоль караванных дорог было скудное. Так как по этим дорогам проходили многочисленные караваны, которые выедали корм, то монголы предпочитали ставить свои юрты в стороне от этих путей. На всем пути мы видели одну довольно большую кумирню Чойрин-сумэ, расположенную вблизи группы живописных гранитных гор Богдо-ула и Сексыр-ула. На этих горах можно было наблюдать характерные признаки пустынного выветриванья — целые площадки, лишенные растений, вокруг глыб гранита, а в последних выеденные ветрами карманы, ниши и ячеи (рис. 9).

В Удэ в середине Гоби я посетил отшельника — русского наблюдателя метеорологической станции, которую содержали, кажется, кяхтинские купцы. Он жил в юрте, как монгол, наблюдал и записывал температуру, давление воздуха, направление ветра и т. д. и, конечно, очень скучал. Я провел с ним целый вечер.

В южной части Гоби, на обрыве одного из упомянутых плоскогорий, сложенных из самых молодых отложений, я нашел осколки костей какого-то животного. Это было очень интересное открытие, так как впервые в этих отложениях попались остатки, позволявшие определить точнее их возраст. К сожалению, пока я раскапывал, мой караван успел уйти далеко, так что невозможно было вернуть его и сделать дневку для более глубоких раскопок. Потом оказалось, что эти остатки были осколками коренного зуба носорога третичного возраста. Они послужили доказательством, что молодые отложения Гоби представляют не морские осадки, как думали раньше, а континентальные, т. е. что Гоби уже в то время являлась сушей, а не дном моря.

Эта находка зуба носорога в одной из впадин обширной Гоби обратила на себя внимание ученых только много лет спустя. В Северной Америке в самых внутренних штатах также

имеются пустынные площади, похожие на Гоби. Исследуя их, американские геологи обнаружили, что в третичных и меловых отложениях, распространенных в этих пустынях, содержатся в изобилии кости сухопутных позвоночных животных разного рода. После того как было собрано много этих остатков и было закончено их изучение и восстановление всех особенностей тех

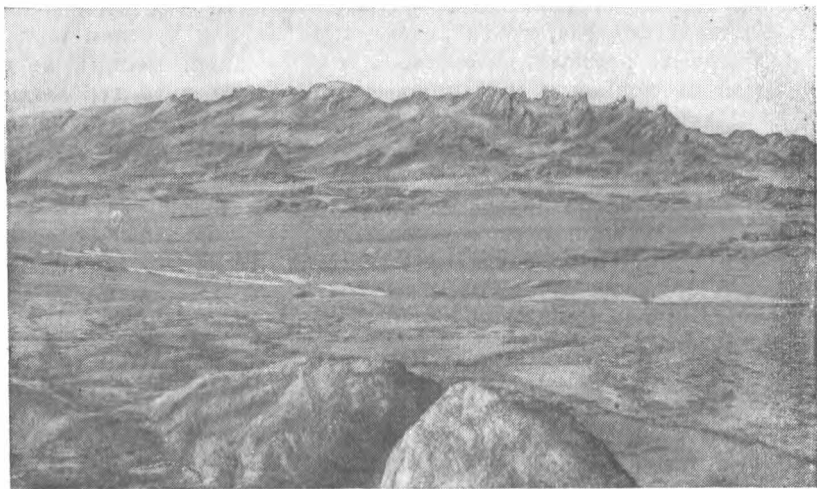

Рис. 9. Горы Богдо-ула близ кумирни Чойро в Восточной Монголии.

организмов, которым кости принадлежали, оказалось много совершенно новых видов, родов и семейств меловых пресмыкающихся и третичных млекопитающих. Палеонтология, наука об органической жизни минувших геологических периодов, сделала большие успехи. И тогда в среде ученых, работавших в Музее естественной истории Нью-Йорка по реставрации этих ископаемых животных, возникло предположение, что внутри обширного материка Азии в течение мелового и третичного периода могли быть подобные же условия развития и распространения сухопутных животных. Обратились к изучению литературы по Внутренней Азии, особенно русской, прочитали дневники моего путешествия и сообщение о находке зуба носорога. Эта находка доказывала, что в третичный период в Гоби жили уже сухопутные животные, а характеристики Гоби, как мои, так и Пржевальского, Потанина и Певцова, установили, что отложения, в которых могут быть найдены остатки вымершей фауны, зани-

мают значительные площади. В 1922 г. экспедиция Музея, организованная на частные пожертвования, прибыла в Монголию и начала поиски с того пункта, где я нашел зуб носорога. Они увенчались успехом; в том же месте были найдены многочисленные кости третичных млекопитающих титанотериев, а в соседней впадине озера Ирен-дабасу-нор открыты кости пресмыкающихся мелового возраста. Экспедиция открывала в Гоби ряд впадин с костями меловых и третичных животных и вывезла в Нью-Йорк обширные коллекции большого научного значения, позволившие установить не только новые виды и роды, но даже семейства ископаемых животных. Между прочим, были открыты даже окаменевшие яйца целыми гнездами, а в меловых отложениях остатки млекопитающих примитивного типа новых видов и родов.

По окончании гражданской войны организовала исследования в Монголии Академии Наук Советского Союза. Работавшая в 1923—1926 гг. Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова получила задание обратить внимание на открытие остатков ископаемых животных. Она действительно нашла в урочище Холт, в восточном устье Большой долины озер между хр. Хангай и Монгольским Алтаем, третичные отложения с остатками костей. Но в ее составе не было палеонтолога и опытных препараторов, что отразилось на полноте и сохранности добытых коллекций.

В 1946 г. Палеонтологический институт Академии Наук СССР снарядил экспедицию, обставленную надлежащим образом для раскопок и перевозки тяжелых грузов с костями. Экспедиция побывала в Монголии, открывала несколько новых месторождений остатков третичного и мелового возраста в восточной части Долины озер и в местности Восточной Гоби и вывезла большие коллекции, находящиеся в стадии обработки. В 1948 и 1949 гг. экспедиция побывала вторично, частью в тех же местах, частью в других, и сделала новые открытия. Найдены в целом ряде местонахождений остатки фауны и флоры разного возраста от верхнепермских до четвертичных: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных, рыб, моллюсков, насекомых, хвойных деревьев, болотных кипарисов, населявших большие озера и речные дельты многочисленных впадин, с густой растительностью жаркого и влажного климата мелового и третичного периодов. Попадались стволы деревьев до 2 м в поперечнике. Замечательны находки верхнемеловых динозавров с черепами длиной до 2 м и динозавров утконосых, ходивших на двух ногах и похожих на птиц. Яйца, найденные американцами, скорее принадлежат черепахам, а не динозаврам; последние вероятно были пожирателями этих яиц. Американцы в сущности

только охотились за открытиями костей вдоль караванных дорог без тщательного изучения костеносных отложений и закономерности их образования и поэтому пришли к неправильным выводам о пустынности Монголии начиная с мелового периода.

Принимая во внимание успехи нашей экспедиции, а также геологические сведения о Гоби, собранные при новых исследованиях, можно теперь утверждать с полным основанием, что вся Внутренняя Азия, а Гоби в особенности, уже в течение всего мелового периода была сушей с многочисленными долинами и впадинами между горными цепями разной высоты, в которых находились большие озера с впадавшими в них реками; почва была покрыта пышной растительностью, дававшей достаточно пищи разнообразным пресмыкающимся, как сухопутным в виде различных динозавров (ящеров), так и водным (крокодилам, черепахам). К третичному периоду число и размеры впадин не сократились, а скорее увеличились, климат сделался немного суше, и разнообразные пресмыкающиеся уступили место столь же разнообразным млекопитающим (вероятно, и птицам). Оледенение гор Внутренней Азии в начале четвертичного периода могло явиться катастрофой для многих животных; в конце его появился человек, остатки каменных орудий которого уже найдены в разных местах.

Можно утверждать, что впадины обширной Гоби представляют в сущности кладбища, в которых захоронены на разных уровнях многочисленные остатки разнообразных животных, населявших эти впадины в течение многих миллионов лет и сменявших друг друга в сложной истории развития и преобразования органической жизни. Впадины эти содержат настоящие научные сокровища, которые потребуют еще многих лет для добычи, вывоза и обработки огромных материалов. Эта обработка, в сочетании с изучением состава, строения и условий залегания отложений впадин, содержащих эти остатки, позволит судить о том, каков был рельеф обширной Внутренней Азии в прежние эпохи, как он изменялся с течением времени, каков был климат и условия существования, развития и изменения органической жизни, смены одних форм другими. Изучение верхнемеловых впадин может дать материал для решения вопроса о причинах быстрого вымирания многочисленных и разнообразных родов и видов пресмыкающихся в конце мелового периода, что составляет пока загадку палеозоологии.

Но если так велики задачи и интерес изучения впадин Внутренней Азии, то почему, спросит читатель, наша Академия Наук не обратила внимания на первое открытие остатков сухопутных животных в Гоби, сделанное мною почти 60 лет назад?

На этот вопрос можно ответить следующее: это было в старое, царское время, когда в Академии Наук в составе академиков были только один минералог, один геолог и один палеонтолог и не было средств на снаряжение экспедиции для раскопок в пределах другого государства — Китая. И даже в Соединенных Штатах средства на экспедицию в Гоби были пожертвованы частными лицами. Капиталистическое государство не станет затрачивать большие деньги на экспедицию с чисто научными задачами, никаких выгод для капитала не обещающими. Это может сделать и делает только социалистическое государство — наш Союз — в интересах развития науки.

После этого отступления вернемся к описанию хода моего путешествия.

Последние три дня этого пути местность представляла степи с хорошей травой и разбросанные среди них плоские горы. Здесь уже появилось оседлое население, именно китайцы, проникавшие в Монгольские степи. Виднелись поселки из глинобитных домиков обычного китайского типа, и степь была распахана. Последний ночлег пришлось провести в китайском поселке, так как животным негде было пастись; им купили соломы и зерна. Распахана доказала, что почва здесь уже другая, чем в Гоби; она представляла лёсс, т. е. желтозем — ту же плодородную почву, как и в соседнем, северном Китае.

На следующее утро мы вскоре подъехали к окраине монгольского плато, к обрыву, который отделяет его от собственно Китая. Это было самое живописное место на всем пути. Мы еще стояли на равнине, представлявшей побуревшую степь, над которой кое-где вдали поднимались плоские пригорки, а впереди эта равнина была словно оборвана по неровной линии, с мысообразными выступами и глубокими вырезами, и склон ее круто уходил вниз, где, насколько хватал взор, в дымке дали и легкого тумана, виднелись горные цепи с скалистыми гребнями, зубчатыми вершинами, крутыми склонами, изборозженными логами, ущельями. Все эти гребни и вершины оказывались или на одной с нами высоте или под нами, ниже уровня плато, так что мы смотрели вдаль через них. Между ними, глубоко внизу, желтели долины с группами домиков, с разноцветными полосами и квадратами пашен, с зелеными рощами, с извилистыми лентами речек. Солнце, пробиваясь на востоке через тучи, по временам ярко освещало пятнами весь этот разнообразный ландшафт, позволяя различать отдельные дома, рощи, скалы, блестящие извилины рек, желтые дороги и обрывы. Контраст между ровной степью Монголии и этой глубоко расчлененной горной страной северного Китая был поразителен и приковывал к себе внимание.

Вблизи обрыва по степи тянулась Великая стена, когда-то ограждавшая страну трудолюбивых земледельцев от набегов воинственных кочевников. Но она уже давно, с тех пор как Монголия была покорена Китаем, а ламаизм убил предприимчивость монголов, потеряла свое назначение и разрушалась; теперь она представляла низкий каменный вал с многочисленными брешами и отдельными, лучше сохранившимися четырехугольными башнями, расположенными на пригорках для лучшего обозрения местности и неприятеля. Как оказалось потом, это была наружная ветвь Великой стены, менее высокая и прочная, чем другая, внутренняя, которую мы видели позже, но стратегически расположенная очень целесообразно по границе степи, откуда можно было видеть издали приближение конных орд кочевников, чтобы принять своевременно меры защиты.

Для крутого спуска вниз по каменистой дороге монголы заменили верблюдов, запряженных в мой коробок, парой лошадей, нанятых в китайском поселке. Возчик-китаец примостился на оглобле, но часто соскакивал на крутых поворотах и вел коренника под уздцы. Я ехал верхом, так как коробок немилосердно трясло и кидало из стороны в сторону. Спуск шел извилинами по склону; дорога была скверная, с рытвинами, усыпанная глыбами черного базальта, местами кособокая; можно было удивляться, что эта главная дорога из Китая в Монголию находится в таком первобытном состоянии. Впрочем позже, познакомившись с другими дорогами в Китае, я перестал удивляться — о ремонте дорог, в старину несравненно лучших, не заботился в те годы никто.

Вблизи дороги начали попадаться отдельные фанзы (домики) китайцев, небольшие поля, одна китайская пагода — маленький храм в рощице. Для земледелия места было еще мало, по сторонам поднимались кособоры, усыпанные валунами, обрывы, в которых виднелись красные, желтые, зеленые и белые слои песчаников, глин и галечников, толщи которых слагали край монгольского плато. Слева, за ущельем, над высокой стеной из этих пород чернел обрыв толстого покрова базальтовой лавы, которая когда-то излилась здесь на краю плато.

Наконец, крутой спуск кончился, и дорога пошла по дну довольно широкой долины, представлявшему сухое русло временного потока; во время дождей проезд здесь должен прерываться. Теперь, поздней осенью, почва из песка и гальки была сухая, но местами покрылась гололедицей, на которой скользили наши верблюды. Обрывы из пестрых песчаников и галечников уступили место склонам гор, частью покрытых желтоземом (лессом) и сложенных из вулканических пород. На склонах этих

гор виднелись отдельные китайские фанзы и группы их, участки полей и огородов, фруктовые деревья. Дорога также оживилась, встречались повозки, караваны чаев, китайские поселяне и разносчики.

В этой долине, после мороза в 30°, который был еще ночью на монгольской степи, нам показалось совершенно тепло, хотя термометр, судя по замерзшей речке, не поднимался выше нуля.

Вскоре мы въехали в предместье Калгана на дне той же долины.

Первое пересечение Монголии было кончено. Вторично я попал в Монголию, но уже в центральную часть ее, почти через год.

Большая караванная дорога через Монголию, по которой я проехал из Урги в Калган, с тех пор значительно изменила свой облик. Сначала на ней прекратилось движение караванов верблюдов, нагруженных китайским чаем, в связи с открытием движения по железной дороге через Сибирь и доставкой чая из Южного Китая морским путем во Владивосток, как отмечено выше. Небольшой обмен товарами между Кяхтой и Пекином происходил уже на автомобилях, вошедших в употребление в начале XX в. и нашедших применение на равнинах Гоби. Для них пришлось устроить через известные промежутки станции с запасами горючего. Вдоль автомобильной дороги, избравшей кратчайшее направление, провели линию телеграфа. Почтовый, более длинный тракт, на котором были станции с большим количеством лошадей для перевозки китайских и русских чиновников, русских и иностранных посольств и духовных миссий, с введением автомобильного сообщения потерял свое значение, и станции на нем были упразднены. Образование Монгольской Народной Республики и отделение ее от Китая нанесло еще один удар сообщению по караванным дорогам в связи с сокращением торговых сношений с Китаем. Японская агрессия 1931 г., вскоре захватившая весь Северный Китай, почти прекратила сношения через Внутреннюю Монголию, частью занятую японцами, частью охваченную бандитизмом. И только теперь, после освобождения Маньчжурии и Китая от японцев и образования Китайской Народной Республики, можно думать, что сношения через Монголию возобновятся, но уже исключительно на автомобилях, а также по воздуху. Караваны и повозка, изображенные на рис. 7, отошли в область преданий.

Глава третья

СЕВЕРНЫЙ КИТАЙ. ОТ КАЛГАНА ДО ПЕКИНА

Русское предместье Калгана. Вулканические горы. Городские ворота. Мой караван. Носилки. Китайский способ вьючки. Главная улица города, ее состояние и жизнь. Современная дорога и императорский тракт. Китайская гостиница. Гора Цзи-мин-шань, воспетая богдыханом. Перевал через хр. Гун-ду-шань. Великая стена. Ворота Цзюй-юй-гуань. Пекинская равнина.

С высоты монгольского плато у Великой стены мы спустились на 750 м к г. Калгану. Западное предместье, в котором я остановился, не доезжая города, состояло из подворий кяхтинских торговых домов, так как здесь был перегрузочный пункт. Чай прибывал сюда на телегах или вьюком на мулах из глубины Китая, и здесь формировались верблюжьи караваны для отправки их через Монголию в Кяхту. Поэтому каждый двор был достаточно обширен для разгрузки и нагрузки, а вокруг него, кроме жилого дома и служб, виднелись амбары для товаров. Все постройки были солидные, кирпичные, дома крыты черепицей, архитектура частью русская. Другие дома принадлежали китайским купцам, которые вели торговлю с Монголией и имели здесь свои склады и лавки. Предместье в сущности находилось на территории Монголии, так как сам город был расположен на главной ветви Великой стены, построенной более солидно, чем та ветвь, которую мы видели на окраине монгольского плато. Стена еще хорошо сохранилась и тянулась в обе стороны от города, поднимаясь извилинами по отрогам и склонам гор; на всех перегибах местности над стеной возвышались башни.

Калган вместе с предместьем расположен в низовьях ущелья Ян-бо-шань, по которому мы спустились из Монголии. По обе стороны ущелья поднимаются скалистые горы из липарита, вулканической породы; они представляют остатки когда-то суще-

ствовавшей здесь, у подножья обрыва монгольского плато, группы больших вулканов (рис. 10).

Собственно город начинается непосредственно за Великой стеной, и ее ворота являются въездом в город; эти ворота каждый вечер вскоре после захода солнца закрывались громадными,

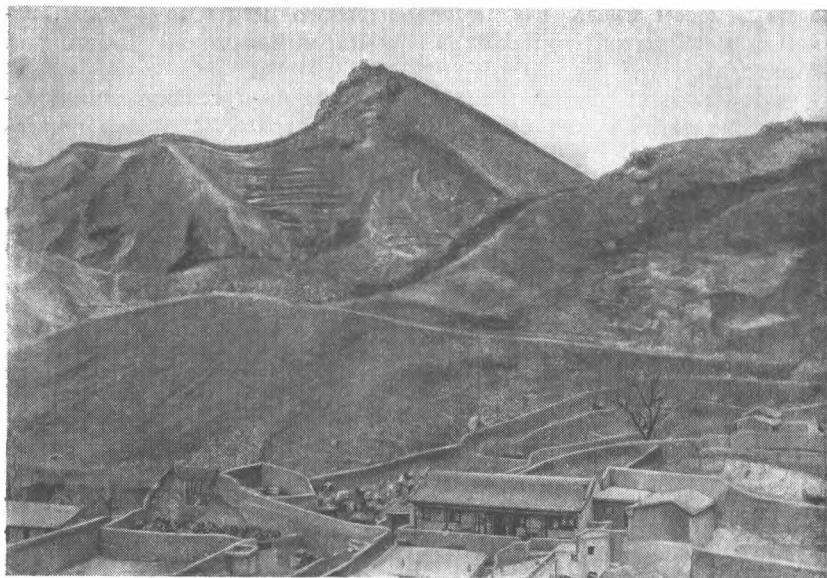

Рис. 10. Вулканические горы возле г. Калгана.

окованными железом дверями и открывались только утром. Запоздавший путник вынужден был ночевать в одной из гостиниц предместья. В Китае все старые города окружены высокой кирпичной или, в худшем случае, глинобитной стеной с зубцами и башнями; с двух или с четырех сторон в стене ворота, которые на ночь закрывались. Но так как жизнь давно уже вышла за старинные стены и за воротами выросли большие предместья с лавками и постоялыми дворами, то это закрытие ворот на ночь не мешало проезжим, а городские жители умели попасть в позднее время и через ворота за известную мзду караульным.

Калган, по-китайски Чжан-зя-коу, крупный торговый центр на границе Монголии и Китая, поэтому густо населен и оживлен. Вокруг города, в долинах и на склонах вулканических гор, везде были видны прилепившиеся фанзы поселян,

ремесленников и рабочих, небольшие поля, огороды, садики, отдельные деревья (рис. 10). Ко многим домикам можно было добраться только пешком по тропинкам. Я познакомился с ними, так как мне предстояло переснаряжение каравана. За это время я экскурсировал по горам, дома упаковывал коллекцию, собранную на пути из Кяхты, для отправки ее на родину вместе с чаем, а по вечерам писал для Географического общества отчет о законченной части путешествия с характеристикой Восточной Монголии.

Мой хозяин убедил меня, что европейцу-путешественнику неприлично ехать в китайской телеге или верхом, а нужно нанять

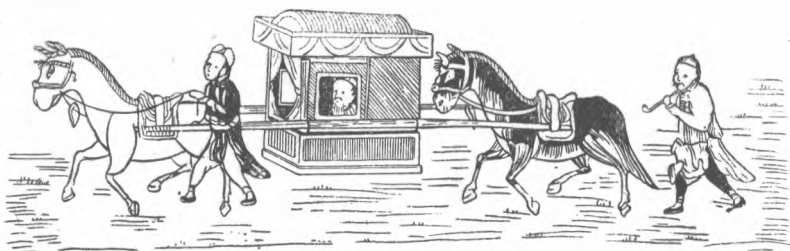

Рис. 11. Китайские носилки на мулах (рис. китайского художника).

носилки; по незнакомству с Китаем я согласился. Эти носилки представляли собой сиденье с крышей на столбиках и занавесками со всех сторон, прикрепленное к длинным оглоблям или жердям (рис. 11), концы которых спереди и сзади клали на оседланных мулов. В этом неповоротливом экипаже можно удобно сидеть, даже полулежать и, раздвигая занавески, смотреть вперед и по сторонам, а в случае надобности, скрываться от любопытных. Но влезать в носилки и слезать с них, когда они подняты на седла, очень неудобно, поэтому я настоял на найме еще одной верховой лошади, чтобы иметь возможность производить свои наблюдения. На другой лошади ехал Цоктоев.

Весь багаж также был разбит на вьюки для мулов очень своеобразным, принятым во всем Китае способом, о котором нужно сказать здесь. Вьючное седло представляет деревянный полуцилиндр с выдающимися бортами (рис. 12). Вьюк в виде ящиков, чемоданов или тюков привязывается к двусторонней лесенке, поровну с каждой стороны, и погонщики требуют, чтобы ваши ящики и пр. имели попарно одинаковый вес. Когда багаж привязан к лесенке, подводят мула, два человека поднимают ее и кладут на полуцилиндр описанного седла, ничем не привязывая. Этим способом караван из нескольких животных

готовится к отъезду в самое короткое время. По приезде на ночлег также быстро снимают лесенки, а те части багажа, которые вам нужны ежедневно — тюк с постелью, чемодан с одеждой, ящик с канцелярией и кухней — отвязывают и вносят в комнату; ненужный багаж остается во дворе, привязанный к лесенкам. В пути погонщики должны только следить за тем, чтобы лесенка не сползала в ту или другую сторону, иначе она может свернуться и упасть. А для того чтобы лесенка не сползала, обе стороны должны иметь точно одинаковый вес.

В день, назначенный для отъезда, погонщики с утра принесли лесенки и долго были заняты сортировкой и взвешиванием багажа, подбирая выюки и увязывая их. Потом во двор въехали носилки с голубыми занавесками, пригнали выючных мулов и верховых лошадей; я простился с гостеприимным хозяином, забрался в носилки, животных завьючили, и мы направились по большой дороге, пролегающей по северной части провинции Чжили в Пекин.

В городских воротах Калгана была небольшая остановка: стража проверила мой паспорт и взяла с погонщиков какие-то деньги за проезд через город. Я впервые видел улицу большого китайского города. Она кишела народом. С обеих сторон тянулись лавки с разными товарами, под навесами других лавок работали портные, сапожники, цырюльники, дымились котлы с рисом, пшеном, вермишелью, жаровни распространяли запах сала и горелого масла. По неровной мостовой с выбоинами толпились китайцы и монголы, разносчики выкрикивали свои товары, стоял гортанный говор и крики. Мы подвигались медленно, погонщики, не переставая, кричали что-то, раздвигая толпу. Встречались легкие и грузовые телеги, вьючные мулы, ослики, нагруженные вязанками хвороста, корзинами с каменным углем, большими плетенками и кувшинами с водой, навьюченные верблюды, величественно шагавшие, не обращая внимания на окружающую суету; пошлепывая губами, они изредка издавали ворчливые звуки.

Главная улица Калгана, называемая Да-мын-цзе, дает полное представление о том состоянии, в котором содержались в то время улицы городов в Китае. Ширина ее местами была едва 4 м; древняя мостовая из крупных плит сохранилась только

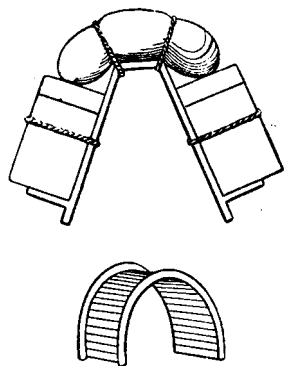

Рис. 12. Вьючное седло и лесенка для увязки багажа.

местами; многовековая езда врезала в плиты глубокие колеи, из которых колеса экипажей невозможно вывернуть, чтобы разъехаться при встрече. На немощенных участках такие же колеи врезаны в лёссовую почву и достигают 40 см глубины. Их ежедневно засыпают всяким мусором, который колеса быстро выбрасывают. По общему обычаю китайцы выбрасывали на улицу все отбросы из лавок, кухонь и мастерских. Канализации в городах еще нигде не было. В сухое время года воздух был наполнен едкой пылью и вонью, а после дождя улица покрывалась глубокой липкой грязью. Хотя для пешеходов имелись тротуары из плит, но они часто достигали только 40—50 см ширины, так что разойтись двоим было трудно; тротуары то поднимались на 1 м над уровнем улицы, то спускались. Они, конечно, не вмещали прохожих, которые заполняли и улицу, как описано выше.

Наконец, мой караван выбрался из городской сутолоки, миновал восточные ворота и пошел по большой дороге, которая тянется вдоль подножия таких же вулканических гор по берегу р. Цзин-хэ; река вырывается из этих гор слева, и мы миновали ее по красивому каменному мосту тотчас за восточными воротами. С дороги еще видна была Великая стена, то поднимавшаяся на вершины гор, то спускавшаяся на седловины. Каменистая дорога местами врезывается выемками в 2—3 м глубины в холмы, покрытые пашнями. На половине пути мы миновали селенье Ю-лин-пу в долине небольшой речки, вверх по которой виднелись острые вершины хребта Да-ван-шань, уже покрытые снегом. Вспомнились холода монгольского плато, оставшиеся позади; здесь, так недалеко от этих высот, было совершенно тепло.

За речкой мы пересекли цепь скалистых холмов; на подъеме к ним дорога шла долго по глубокой выемке в лёссе. На холмах я заметил рядом с дорогой, выбитой в вулканической породе, остатки старого императорского тракта, вымощенного тесаными плитами. С тех пор как этот тракт забросили, дорога врезалась на 2—3 м в твердую породу. Остатки старых, вымощенных плитами дорог я встречал часто в Китае; они говорили о том, что когда-то заботились о путях сообщения и затрачивали на них много средств. Маньчжурская династия прекратила эти заботы. На этой дороге, врезавшейся в скалу, два экипажа не могут разъехаться, и возчики дожидаются у подножия холмов, пока встречные не спустятся с перевала.

За этими холмами дорога вступила в обширную долину р. Ян-хэ, почти сплошь распаханную; участки полей были обсажены деревьями, нижние ветви которых обрублены. На пашни местами наваян сыпучий песок из русла реки. На дороге мы

часто видели китайцев — собирателей удобрения. Это старухи или мальчишки с корзиной на спине и вилкой или лопаточкой на длинной палке в руках; заметив на дороге лепешку или катыши свежего навоза после прохода каравана, собиратели подхватывают их лопаткой и перебрасывают через плечо в корзину. Навоз идет на удобрение полей или, в сухом виде, для отопления домов.

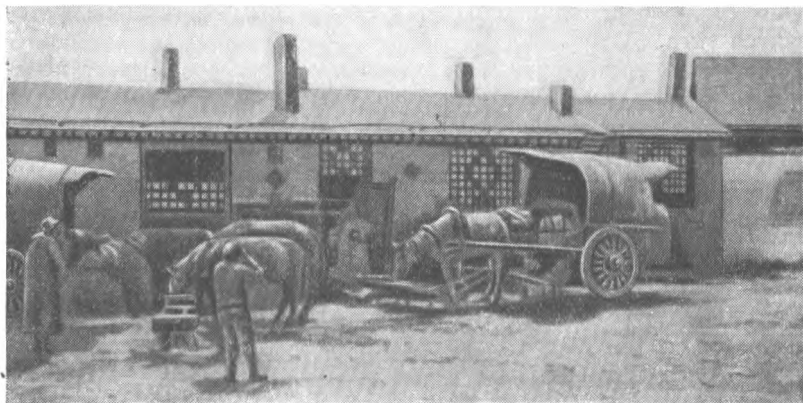

Рис. 13. Китайский постоялый двор и грузовые двуколки.

По этой долине мы к вечеру приехали к большому городу Сюань-хуа-фу и остановились в гостинице. В Китае нет возможности ночевать в поле, в палатке. Если последнюю и можно разбить где-нибудь на пустыре, то для животных корма не найдется почти нигде, а кроме того, мулы и лошади китайцев привыкли к яслям, к зерновому корму и скудной травкой, поlying и всяким бурьяном, который едят верблюды, они довольствоваться не будут. Не найдется также топлива для приготовления пищи, потому что обильный в Монголии аргал в Китае не заживается на дорогах, а лесов и сухих кустов нет

Поэтому нужно познакомить читателя с китайской гостиницей, вернее постоялым двором того времени, наверно и теперь сохранившимся повсюду вне железных дорог в более глухих местностях (рис. 13). Караван въезжает в более или менее обширный двор, по сторонам которого в глубине устроены навесы и ясли для животных, а ближе к улице — номера для людей. Каждый номер занимает 10—15 м, вы попадаете в него через дверь, открывающуюся во двор; рядом с дверью большое или

малое окно; вместо стекол на переплет наклеена беловатая китайская бумага вроде пропускной. Большую заднюю половину номера занимает „кан“ — низкая глинобитная лежанка, которая отапливается снутри или со двора; на кане располагается путешественник со своими пожитками; кан покрыт только соломенной циновкой. Зимой в номере холодно, как на дворе, если кан еще не топился. Когда он натоплен, на нем тепло или даже жарко, так что с непривычки спать неприятно. Если он топится из номера, последний наполняется едким дымом, пока не установится тяга.

В лучших гостиницах в передней части номера бывает кресло, а на кане — низкий столик для еды и ватные валики для изголовья. Но обычно номер не имеет никакой мебели, стены не беленые, а желтого лёссового цвета, и часто вместо потолка крыша из тростника на тонких балках, снаружи покрытая слоем глины. Иногда номер не имеет даже окна и освещается через дверь.

В лицевом к улице здании помещается кухня, столовая, иногда лавка, и живет хозяин. В кухне проезжий может заказать еду, согреть чайник.

Итак, въезжаем во двор гостиницы: погонщики снимают носилки с мулов и ставят на землю, потом снимают лесенки с вьюками и животных отводят в стойла, где они некоторое время будут отдыхать, потом им дадут рубленую солому, посыпанную слегка солью и мукой, а на ночь или утром зерно, большею частью полевой горох, размоченный в воде или слегка разваренный. Овса в Китае нет, и животных кормят главным образом горохом или бобами.

Я вылезаю из носилок, иду в отведенный номер, куда вносят и часть багажа — тюк с постелью, ящик с канцелярией и посудой, складной столик и табурет. Достая чайник, и Цоктоев идет на кухню за кипятком. Пьем чай, сидя на кане, который топится или истоплен. Уже темно, зажигаем свою свечу. Освещения в номере никакого не полагается, или дают светильню в чашке или черепке с маслом вроде лампадки. В те годы электричество и у нас было только в виде фонарей Яблочкова на Литейном мосту в Петербурге, а в глубине Китая не знали ни керосина, ни стеариновых свечей; можно было достать сальные свечи, которые горели тускло иплыли. Поэтому в моем багаже был запас стеариновых свечей на два года.

После чая пишу дневник, номерую собранные образчики пород, которые Цоктоев заворачивает в китайскую оберточную бумагу, вычерчиваю карту. Все это занимает часа два или три, в зависимости от строения местности и обилия выходов горных

пород. Потом Цоктоев приносит ужин, заказанный на кухне или сваренный из своей провизии. После ужина — опять чай. Развертываю на кане свою постель и ложусь. Цоктоев располагается тут же, на кане места достаточно.

Интересно отметить, что багаж, привязанный к лесенкам, всегда оставался на дворе гостиницы под слабым надзором погонщиков, ночью, конечно, спавших. И за все путешествие ни разу не было кражи багажа ни со двора, ни из номера, который заперов почти никогда не имел. Целость имущества и животных у приезжих гарантировалась хозяином гостиницы.

На следующий день мы продолжали путь вниз по долине р. Ян-хэ до городка Цзи-мин-и. Сначала продолжались поля; впереди виднелась длинная горная цепь, через которую прорывается река. На правом берегу реки она носит название Хуан-ян-шань, т. е. хр. Антилопы, который интересен тем, что на его северном склоне лёсс поднимается высоко, а на его поверхности видны до высоты 160 м над рекой сыпучие пески в виде коротких барханных цепей. На левом берегу тот же хребет называется Иен-ян-шань, и к его северному склону примыкают высокие холмы из вулканических пород, через которые переваливает дорога. Колен ее врезаны на 20—25 см в голую скалу, что говорит о древности этой дороги. Второй перевал через эти холмы называется Лао-лун-бей, что значит ребра старого дракона; крупные каменные плиты, торчащие на склоне над дорогой, вероятно, дали повод к этому названию. Спуск с него приводит к селению Шань-хуа-юань, окруженному деревьями. Шань-хуа-юань — высокий цветник, объясняется это название тем, что императрица Сао из древней династии Ляо разводила здесь цветы.

Отсюда началось ущелье реки Ян-хэ в горной цепи; все дно его занято рекой, а дорога лепится по левому склону и местами высечена в скалах; разъехаться двум телегам невозможно, и встречные долго ждут с той или другой стороны. Впереди виден зубчатый профиль горы Цзи-мин-шань, которая круто поднимается над рекой, несколько обособившись от хр. Иен-ян-шань. Она изобилует скалами, среди которых живописно разбросаны здания большой китайской кумирни и небольшие рощи. Место это очень красивое, и император Канси, современник Петра I и также большой реформатор, поднимаясь на гору, сочинил такие стихи:

„Тут тропинка, точно путь птицы, исчезает в пространстве, и неподалеку Великая Стена.

А там река Ян-хэ, точно пояс, охватывает подошву горы“.

Склоны этой горы, которые дорога огибает, сложены из угленосной формации, и население городка Цзи-мин-и, располо-

женного у южного подножия, занимается добычей угля в нескольких копах.

Следующий переход привел нас в г. Хуай-лай. Дорога шла по густо населенной местности через несколько городков и селений, расположенных вдоль подножия скалистых цепей Иен-ян-шаня и следующей к югу Цзин-ву-шаня; она все более отклонялась от р. Ян-хэ, которая, уже под именем Хун-хэ, прорывается длинной, непроходимой тесниной через последний хребет Гун-ду-шань перед Великой китайской равниной. Поэтому дорога идет на восток к единственному удобному перевалу через этот хребет. Последний мы видели уже от Цзи-мин-и в виде высокой зубчатой стены, закрывавшей южный горизонт; но лёссовая пыль, часто наполняющая воздух в Китае, не позволяла рассмотреть его отчетливо и сфотографировать.

На следующий день мы пересекли наискось широкую долину р. Гуэй-хэ, сплошь занятую пашнями, но дорога была в ужасном состоянии — то глубоко песчаная, то усыпанная валунами, то врезанная траншеей в плоские холмы. Встречались многочисленные повозки, выючные караваны, всадники, пешеходы; в одном направлении с нами также шло и ехало много людей, и приходилось только удивляться равнодушию китайцев к мучению животных, тянувших повозки по такой дороге, и беспечности правительства к ее состоянию. В этот день мы приехали рано в село Ча-дао, где пришлось остановиться, так как через хребет предстоял слишком большой переезд, который мог занять целый день. Стены некоторых городов в этой долине насчитывают, по данным истории, более 1000 лет.

Село Ча-дао расположено у третьей ветви Великой стены, которая западнее села тянется по гребню Гун-ду-шаня, спускаясь в седловины и поднимаясь на вершины, каждая из которых увенчана башней (рис. 14).

Село само окружено стенами и представляет маленькую крепость, через которую проходит большая дорога. За воротами сразу начинается подъем к перевалу по правому склону ущелья, сложенному из гранита. На перевале в 2 км от Ча-дао дорога проходит через ворота Великой стены. Эта последняя внутренняя ветвь ограждала от набегов кочевников богатую и густо населенную Великую равнину Китая и его столицу, являясь последним оплотом в случае завоевания неприятелем обеих наружных ветвей и гористой пограничной местности.

Великая стена, которую китайцы называют Ван-ли-чан-чэн, т. е. стена в десять тысяч ли длины (ли — дорожная мера около 500 м), начинается на востоке на границе Маньчжурии, окаймляет провинции Чжи-ли, Шань-си, Шень-си и Гань-су с севера

и кончается на западе крепостью Цзя-юй-гуань у подножия гор Нань-шаня. Качество ее и поэтому современное состояние разрушенности зависят от местности и возможности добыть тот или другой строительный материал. На границе провинции Чжи-ли, вблизи столицы, надзора высшей власти и при обилии камня в горах, она вся сложена из тесаных плит (рис. 14); на грани-

Рис. 14. Великая стена в хр. Гун-ду-шань.

це провинций Шень-си и Гань-су, далеко на западе, где камня по соседству часто нет, стена была просто глинобитная (из лёсса), а башни построены из сырцового, частью из обожженного кирпича. Понятно, что за несколько сот лет она здесь пострадала гораздо сильнее: местами превращена в глиняный вал, местами совсем исчезла, тогда как на востоке ее внутренняя ветвь еще в хорошем состоянии и производит внушительное впечатление.

С перевала дорога круто спускается в безводное зимой ущелье южного склона, окаймленное утесами гранита (рис. 15). К удивлению, дорога была здесь в хорошем состоянии, разработана и выглажена. Как оказывается, министр Ли-хун-чжан, игравший в Китае крупную роль в конце XIX в., выпросил у богдыхана разрешение на исправление дороги за счет особого

сбора с проезжающих. Очевидно, даже китайское долготерпение не выдержало прежнего ужасного состояния дороги в этом ущелье. Путешественник Пясецкий, прошедший по нему в 1874 г., писал, что дорога здесь доступна только для всадников, вьючных животных и китайских телег — этих несокрушимых экипажей, не знающих никаких преград. Приходилось караб-

Рис. 15. Ущелье Нань-коу в хр. Гун-ду-шань.

каться по глыбам гранита, усыпанным остроугольным щебнем, и по обнаженным скалам, в которых колесами были протерты глубокие колеи за время многовекового движения.

На скалах ущелья я заметил в нескольких местах высеченные в виде барельефов и даже статуй изображения будд: одно из них на высоте 40 м, другие в пещерах; на одной скале, под маленькой кумирней Гуаньди, на отвесном уступе видна была надпись „Ом-ма-ни-пад-ме-хум“ на тибетском, санскритском и монгольском языках¹ (рис. 16).

¹ Эту мистическую формулу, кратко называемую «мани», буддийские ламы повторяют бесконечно, перебирая четки. По преданию, она самостоятельно появилась на плитке камня, которая хранится как святыня в

В низовьях ущелья гранит сменяется известняками, слагающими высокую и очень скалистую южную цепь хребта. Склоны ущелья сближаются, и здесь дорога проходит через пять ворот укрепления Цзюй-юй-гуань, стены которого примкнуты к отвесным скалам, так что обойти их невозможно. Этот проход через горы называется Гуань-гоу, а укрепление считалось „первой в мире крепостью“. Ворота сложены из гранита и мрамора с

Рис. 16. Молитва, высеченная на каменной плите.

высеченными на плитах фигурами будд и гениев, цветами и надписями на шести языках. Внутри крепости — несколько маленьких постоянных дворов и жилье небольшого военного караула.

У выхода из ущелья на Великую равнину расположено село Нань-коу, по имени которого часто называют проход и горы, которые очень круто обрываются к равнине. Вне гор дорога сделалась опять плохой, усыпанной крупными и мелкими валунами.

Последний переезд до Пекина пролегал по густо населенной и сплошь возделанной равнине; дорога проходила между голыми в это время года полями, среди которых виднелись отдельные

тибетском монастыре Ерба-лха, в отдельном домике Манихан, в деревянном шкафу с железной решеткой. Ламы объясняют, что она означает прославление божества; европейские ученые переводят ее: «О, драгоценность на лотосе». Мани, выложенное из белых камней на склоне горы или написанное краской на гладкой скале, иногда встречается в Монголии, Джунгарии и Тибете.

рощи с семейными кладбищами, небольшие и большие селения, отдельные фанзы. Попадались грузовые и легковые телеги, караваны верблюдов, мулов и ослов с разными товарами, верховые и пешие. Часто видны были собиратели навоза с корзинкой на спине или на левой руке и с вилкой или лопаточкой. Наконец показалась высокая зубчатая стена Пекина; некоторое время мы ехали вдоль нее по очень пыльной дороге, а затем через большие западные ворота китайской части города и по широкой очень оживленной улице добрались до квартала в маньчжурском городе, в котором расположены, в отдельных дворах, посольства европейских государств. Так как дорога с утра не представляла интереса для геолога, я забрался в носилки и сквозь занавески спокойно наблюдал местность, а в городе — уличную жизнь.

Глава четвертая

В СТОЛИЦЕ КИТАЯ

В русском посольстве. Дорожный костюм и телеграфный шифр. Духовная миссия и ее задачи. Поиски переводчика. Потомки пленных албазинцев. Вид с городской стены на Пекин. Музыкальные голуби. Посещение Фавье. Экскурсия в храмы западных холмов. Посещение храмов Неба и Сельского хозяйства. Пекинские нищие. Бал в посольстве. Отъезд Потанина. Китайская денежная система. Мой выезд.

Русское посольство занимало обширную площадь, усаженную деревьями, и состояло из нескольких одноэтажных каменных домов, в которых жил посол, два секретаря, два драгомана (переводчика), врач, два студента и многочисленный штат прислуги. Мне отвели комнату в одном из домов. Глава экспедиции, Г. Н. Потанин с женой и двумя спутниками, уже приехал; он обогнал меня еще в Монголии, так как ехал по станциям большого тракта, меняя лошадей и делая около 150 км в сутки. Его поместили в другом доме. Повидавшись с ним, я узнал, что он отправляется прямо на юг в провинцию Сы-чуань на границе Тибета, где и поселится на долгое время для этнографических наблюдений, тогда как мне предстояло ехать на запад, чтобы лето посвятить изучению горной страны Нань-шань.

Потанин посоветовал мне заказать себе китайский костюм, чтобы в глубине Китая меньше обращать на себя внимание толпы. В таком костюме я мог сойти за европейского миссионера, которые проживают во всех провинциях и носят китайскую одежду и обувь, даже отпускают косу; к их виду население привыкло, тогда как европейский костюм слишком бросается в глаза. В интересах спокойной научной работы я последовал совету и немедленно заказал серый халат и поверх него черную безрукавку — обычный выходной и дорожный костюм китайца, который и надевал поверх европейской одежды

(рисунки см. в начале книги). Только на обувь я не мог согласиться: китайцы носят матерчатые туфли на толстой соломенной, войлочной или веревочной подошве, непрочные и неудобные для ходьбы по каменным горам, или парадные неуклюжие матерчатые сапоги на еще более толстой подошве, еще менее удобные (рис. 17). Я предпочел носить, как и в Монголии, сибирские мягкие чирки, которые надевались на тонкий войлочный чулок; они были легки и теплы, под халатом мало заметны и

Рис. 17. Уличный сапожник в Пекине (рис. китайского художника).

запасены в достаточном количестве. В качестве головного убора я приобрел войлочную шапочку с ушами, которую носят китайские возчики, а для теплого времени — обычную черную шелковую ермолку с красным шариком, которую носят все горожане. Мне предстояло также переснарядить караван, найти переводчика, упаковать и отправить коллекцию, собранную от Калгана, закончить отчет о пересечении Монголии для Географического общества и получить через посольство настоящий китайский паспорт вместо временного, выданного пограничным комиссаром в Кяхте. Словом, предстояло довольно длительное пребывание в Пекине.

Кроме нашей экспедиции, вскоре прибыл еще профессор-монголист Позднеев с женой, который разъезжал по Монголии, изучая быт, нравы и торговлю в городах и монастырях.

Для меня был составлен специальный шифр, чтобы я мог в случае опасности или затруднений со стороны провинциальных китайских властей сообщать посольству по телеграфу всю

правду, не опасаясь, что телеграмму задержат. Нужно пояснить, что в то время железных дорог в Китае еще не было, но несколько линий телеграфа были уже построены, и телеграммы передавались на английском языке, которому были обучены молодые телеграфисты. Эта предосторожность оказалась не лишней; два раза пришлось прибегнуть к шифру, чтобы сообщить посольству, что местная власть задерживает выплату экспедиционных денег, переведенных мне из Пекина, и телеграммы помогали.

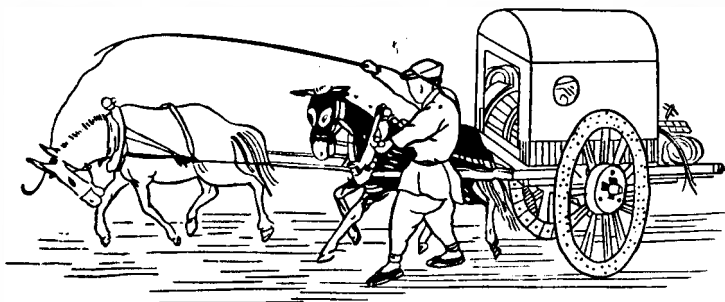

Рис. 18. Легкая крытая двуколка для пассажиров и небольшого багажа (рис. китайского художника).

Наиболее интересными членами посольства были первый драгоман П. С. Попов, известный синолог, т. е. китаевед, переведший с китайского большое сочинение о монгольских кочевьях, затем второй драгоман г. Коростовец, позднее выпустивший книгу „Китай и китайцы“, и почтмейстер Гомбоев, обладатель большой коллекции буддийских религиозных объектов-статуэток всех богов и принадлежностей ритуала. По его просьбе я сфотографировал всю коллекцию большим фотографическим аппаратом, который получил в Иркутске от Горного управления на время до Пекина и отсюда отправлял его обратно.

Соотечественники жили в китайской столице довольно замкнуто, преимущественно в своем кругу. Хотя рядом в том же квартале находились посольства американское, английское, французское, германское, японское и члены их были знакомы и посещали друг друга, но эти отношения носили официальный и, так сказать, обязательный характер. Поэтому приезд наших экспедиций внес большое оживление. Состоялось несколько обедов, экскурсия к знаменитым кумирням в западных горах, посещение духовной православной миссии и храмов в Пекине.

Духовная миссия находилась далеко от посольства в северном конце маньчжурского города. Мы отправились туда в китайских легковых телегах, которые необходимо описать (рис. 18). Они двухколесные (как все повозки в Китае); на оси тяжелых, очень солидных колес большого диаметра расположена

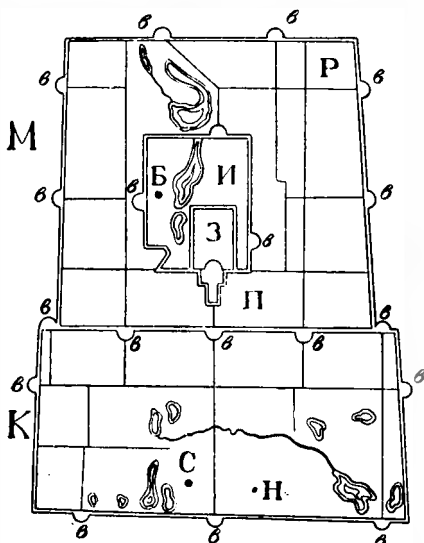

Рис. 19. План Пекина. К — китайский город; М — маньчжурский город; И — императорский город; З — запретный город; П — квартал посольств; Н — храм неба; С — храм Земледедия; Б — Бейтан (католический храм); Р — русская духовная миссия; в — городские ворота.

Улицы показаны только главные.

площадка с полуцилиндрической будкой, открытой спереди, откуда седок и залезает вглубь и сидит, скрестив ноги, или полулежит на матрасе; с боков в будке бывают маленькие окошечки, затянутые черной сеткой, спереди — занавеска. Два человека помещаются в будке свободно, сидя, три — с трудом. В оглобли впрягается мул или лошадь, кучер бежит пешком или примащивается на оглобле между будкой и крупом животного.

В таких телегах мы проехали по главной улице маньчжурского города, которая отличалась от вышеописанной главной улицы Калгана большей шириной, отсутствием всякой мостовой и тротуара; в остальном та же толпа, лавки, мастерские, харчевни, лотки, разносчики, встречные повозки и верховые. Ввиду сухой зимней погоды на улице не было грязи, а разных отбросов не очень много.

Духовная миссия, или Северное подворье, обнимает обширную площадь с несколькими домами, церковью и садом. Она была основана в 1686 г. для русских казаков, взятых в плен при осаде крепости Албазин на Амуре. Пленных привели в Пекин и составили из них роту в числе маньчжурских войск. Миссия кроме опеки албазинцев имела задачу изучать Китай и готовить из студентов переводчиков китайского и маньчжурского языков, необходимых для сношений России с Китаем.

Я рассчитывал, что среди албазинцев я найду переводчика для своего путешествия, так как на пути от Калгана убедился, что Цоктоев, который при найме уверял, что знает и по-китайски, обманул меня; он знал только несколько самых простых слов, как вода, чай, лошадь, еда и т. д. Но миссионеры не заботились о сохранении русского языка у албазинцев, и среди них

Рис. 20. Ворота Тянь-мын из маньчжурского города Пекина в китайский.

не нашлось никого, кто мог бы сопутствовать мне; по-русски понимали и немного говорили только псаломщик и несколько человек прислуги в миссии, которых она, конечно, отпустить не хотела.

В один из праздничных дней мне захотелось побывать на городских стенах столицы и взглянуть на улицы последней сверху. Второй секретарь посольства согласился быть моим проводником. Но сначала нужно дать понятие о плане Пекина (рис. 19); город состоял из двух главных частей: южной китайской (К) и северной маньчжурской (М); внутри последней выделен еще императорский город (И), а в последнем — запретный город (З).

В Китайском городе сосредоточены главная торговля и китайское население, а в южной части расположены храмы Неба (Н) и Земледелия (С) и вблизи них запущенные пруды; в город ведут через стены 7 ворот (в) с разными названиями. Маньч-

журский город был населен маньчжурским войском и придворными, содержал арсенал, склады риса, казармы; в его южной части большой квартал был отведен иностранным посольствам (П). В императорском городе западная половина почти вся занята парком и прудами богдыхана, возле западной стены находится новый католический храм Бей-тан (Б) и развалины старого, а также дворец императрицы-матери; внутри восточной поло-

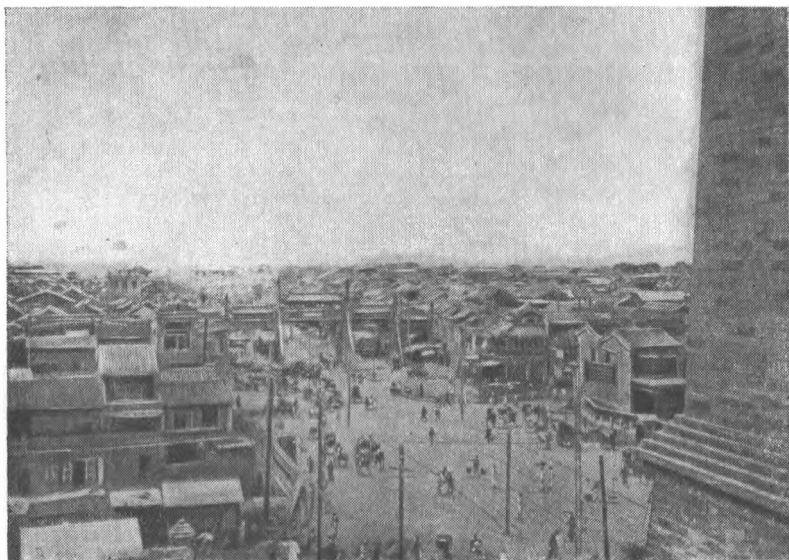

Рис. 21. Одна из главных улиц китайского города Пекина; вдали ворота Тянь-мын.

вины — запретный город с дворцами богдыхана. Он окружен особой стеной с воротами, как и императорский. Маньчжурский город имеет 6 ворот, и кроме того трое ворот ведут через стену, отделяющую его от Китайского города (рис. 20 и 21).

На эту стену, проходящую вблизи посольского квартала, мы и поднялись по откосу; стена имеет 9 м вышины и более 6 м ширины сверху. Она устлана большими плитами, но в пазах между ними везде растет трава и даже кусты; кое-где на ней построены домики для караульных, и при них имеются дворики, цветники и даже мелкие домашние животные. Надежды на красивый вид совершенно не оправдались — повсюду видны были черепичные крыши одноэтажных домов, большие улицы, перепол-

ненные толпой, повозками, сады с оголенными деревьями, узкие переулки и только на юге две высокие пагоды (башни храмов), впрочем плохо различимые из-за пыльного воздуха. Приблизившись к запретному городу, можно было рассмотреть желтые, зеленые и синие крыши дворцов, также одноэтажных, несколько пустынных площадок, заросших травой по сторонам дорожек, вымощенных плитами, тройные ворота и за ними — холмы и деревья парка, а в одном месте готический католический храм; на горизонте со всех сторон — зубцы городских стен и пыльная даль.

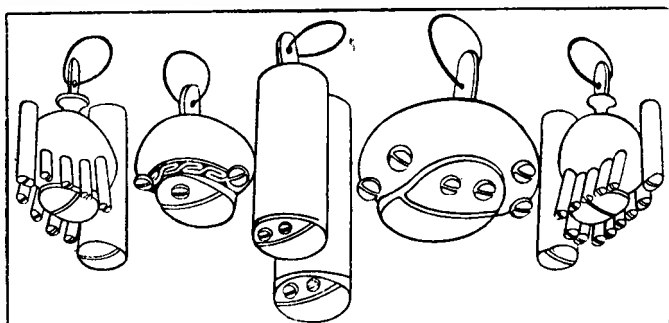

Рис. 22. Формы свистков, прикрепляемых к хвосту голубей.

Во время пребывания на стене, куда городской шум доносился слабо, я обратил внимание на мягкие, слегка дрожащие звуки, доносившиеся сверху, где кружилась небольшая стая голубей. Эти звуки напоминали звуки эоловой арфы, своеобразного инструмента на вершине высокого столба, который можно было изредка встречать и у нас в дачных местностях. Мой спутник пояснил, что эту воздушную музыку издают бамбуковые свистки разной величины, цилиндрические и сферические, с различным числом отверстий, которые прикреплены к хвосту голубей (рис. 22). При полете птиц воздух проникает под напором в свистки и издает звуки, которые можно варьировать, подбирая свистки разного фасона. Китайцы, любители этого спорта, подвешиваются на крышу своего дома и часами слушают нежную, но довольно однообразную музыку, которая то усиливается при быстром полете в одном направлении, то ослабевает на поворотах.

Неудача в отношении переводчика, постигшая меня в русской духовной миссии, побудила обратиться к иностранным миссионерам в Пекине в надежде найти у них китайца, знающего французский язык. Я отправился к епископу Фавье, главе

католической миссии лазаристов. Миссия помещалась в западной части императорского города, возле большой церкви Бейган (т. е. северный храм). Епископ, пожилой человек с окладистой седой бородой, облаченный в китайский костюм и черную шапочку, принял нас очень любезно, сыграл на фисгармонии несколько духовных и светских пьес, но переводчика не мог дать, так как среди его паствы знающих французский язык не было. Позднее, при посещении других католических миссий в Китае, я убедился, что ни в одной из них миссионеры не обуча-

Рис. 23. Уличный парикмахер в Пекине
(рисунок китайского художника)

ли никого из китайцев европейскому языку. Сами они говорили хорошо по-китайски и в переводчиках не нуждались.

Фавье, узнав, что я захватил с собой большой фотографический аппарат, попросил снять внутренность храма. Мы поднялись с ним на хоры, откуда я сделал снимок. Храм был без особых украшений, но производил впечатление своими размерами и строгой простотой очертаний.

В другой раз я ездил верхом вместе с несколькими членами посольства к западным холмам

Си-шань, которые славятся красивыми храмами. Они отстоят от Пекина километров на двенадцать и представляют плоские горы, превращенные в парк с разнообразными кумирнями, воротами, мраморными лестницами и летним дворцом богдыхана. Из-за зимнего времени много деревьев в парках было без листвы, но туи, разные сосны, кипарисы, кедры, вечнозеленые мирты и лавровишни украшали склоны гор. Мы посетили храм 506 будд Пи-юн-сы, к которому ведет длинная мраморная лестница и несколько живописных белых мраморных ворот (рис. 26) с барельефами и надписями. На пороге храма в барельефах изображена вся легенда о жизни Будды, а в главном зале размещены 506 позолоченных статуй, каждая из которых олицетворяет одно из божественных качеств Будды. Но все они поставлены так тесно, что посетитель замечает только то смеющееся, то разгне-

ванное лицо бога, тут символическое животное, там цветок, чашку или чайник в руках бога. Здание храма снаружи имеет три галереи, с которых открывается великолепный вид на со-

Рис. 24. Китайский столяр (рисунок китайского художника).

седние горы и равнину Пекина. Возле храма, во впадине среди отвесных скал, вода нескольких ключей собирается в пруд, в котором отражаются эти скалы, увитые плющом и поросшие мхами;

Рис. 25. Продавец кушанья на улице (рисунок китайского художника).

среди пруда — островок с миниатюрной часовней, окруженной ажурной галлереей, соединенный мостиком с берегом. Этот идиллический уголок осенен ветвями могучих белых сосен и кедров, но запущен и безлюден, как все эти кумирни.

В другой кумирне Бао-цзан-сы изображены в виде статуй муки грешников в аду и блаженство добрых на небе. Набожный посетитель может видеть, как людей жарят, колесуют, распиливают, давят; блаженство представлено в виде статуй, сидящих в созерцательной позе, с руками, скрещенными на животе. Приходится думать, что китайцам были очень хорошо знакомы пытки и страдания.

Третья кумирня Во-фу-сы, или храм спящего Будды, окружена вымощенными дворами и террасами с декоративными растениями, осененными громадными каштанами и софорами (рис. 27). Но в кумирне вместо покойно лежащей фигуры я увидел обычную статую Будды, только положенную на бок и производившую впечатление опрокинутой, хотя, ради внушения посетителям, возле нее поставлены огромные туфли, которые Будда будто бы снял, перед тем как лечь.

По китайским историческим данным, император из династии Тан (в VII веке новой эры) пожертвовал 500 000 фунтов бронзы для отлития этой статуи; но этому трудно поверить, так как статуя имеет только $3\frac{1}{2}$ м высоты и весит гораздо меньше. Если историки не преувеличили дар богдыхана, то приходится думать, что и в те отдаленные времена императоры были окружены хищниками, к рукам которых прилипал щедро отпущенный металл.

Вообще в китайских кумирнях, в противоположность монгольским, количество священнослужителей очень невелико, поэтому они производят впечатление некоторой заброшенности, напоминая скорее музеи, редко посещаемые.

В Пекине мы сделали еще поездку в храм Неба (рис. 28), расположенный в южной части Китайского города; но оказалось, что в него посетителей не пускают, так как купол главного храма сгорел в 1889 г. от удара молнии; колонны и балки его состояли из какого-то особого дерева, которое тщетно ищут в Китае, чтобы восстановить их из того же материала, согласно традиции.

Уцелели обширные мраморные лестницы с парадными арками и красивыми перилами, окружавшие главный храм. Богдыхан три раза в год приносил здесь жертвы Небу в виде бумажных изображений оленей, быков и других животных, которые сжигались в особой печке. В первый раз, в начале зимы, богдыхан давал отчет о своем правлении и сжигал в особой вазе с отверстиями в стенках и крышке смертные приговоры, утвержденные им за год (рис. 29). При втором посещении, в первый месяц нового года, он испрашивал полномочие на управление в течение года, а при третьем, в конце весны, молил о дожде и хорошем

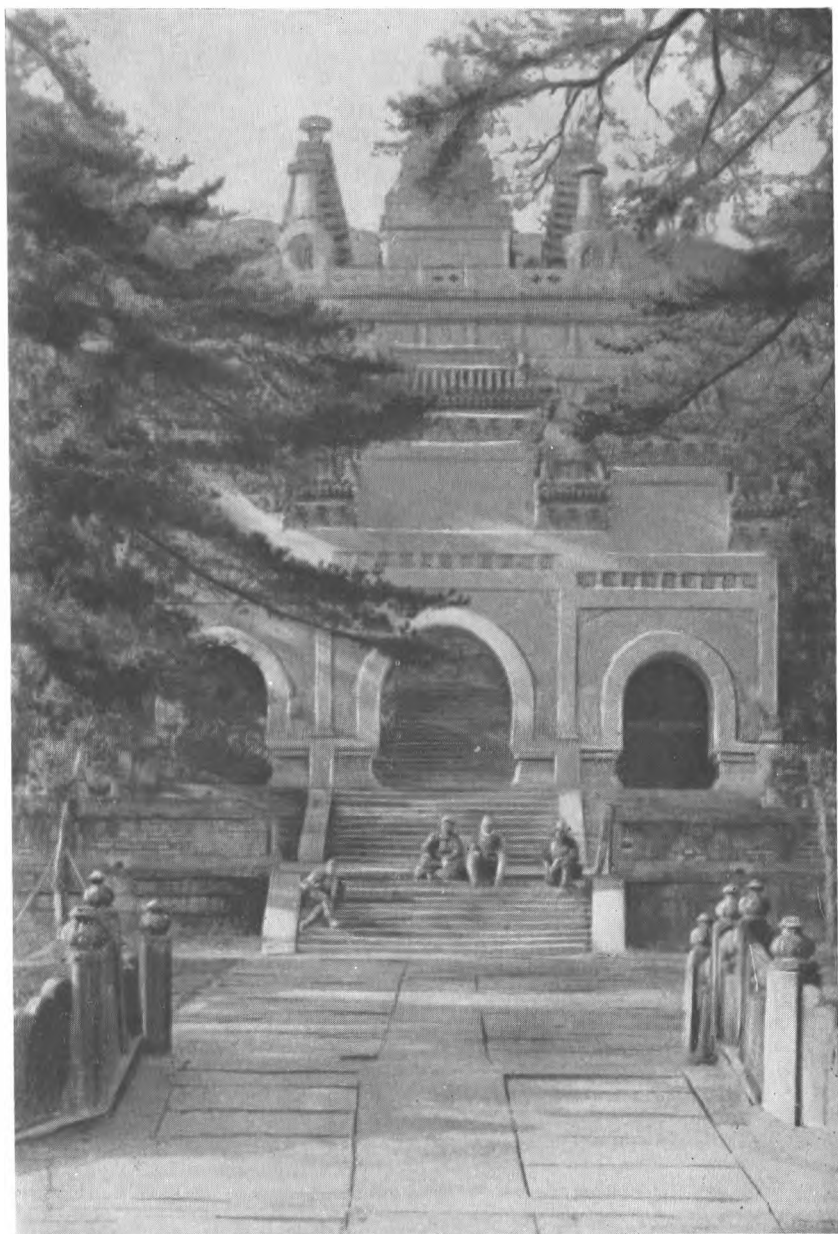

Рис. 26. Лестница и мраморные ворота на подъеме к храму Пи-юн-сы;
на заднем плане видны на вершине храма субурганы двух типов.

(От Кяхты до Кульджи)

Рис. 27. Красные ворота перед храмом спящего Будды.

От Кяхты до Кульджи

урожае. Нужно знать, что богдыхан считался сыном Неба, чем и объясняются эти обряды. Рис. 28 изображает этот храм до пожара. Он построен императором Юн-ло Минской династии в 1421 г.

В другой части Китайского города находится храм Земледелия, с которым был связан другой своеобразный ритуал. Он также построен Минской династией, но ритуал установлен еще

Рис. 28. Вид храма Неба в Пекине (до пожара).

предшествующей Монгольской династией. В первый день второго периода весны богдыхан приезжал в сопровождении трех принцев, девяти сановников и многочисленной свиты; после молитв и жертвоприношений в храме все шли на поле, где был приготовлен плуг с изображениями драконов, запряженный быками; плуг и быки были желтые, священного цвета лёсса, желтой почвы северного Китая. Богдыхан проводил 8 борозд с востока на запад и обратно; справа от него шел министр финансов с кнудом, слева первый мандарин провинции нес семена, которые сеял другой помощник в борозды за богдыханом. Каждый принц проводил 10 борозд, каждый сановник 18; их сопровождали мандарины по рангу. Старики, избранные из лучших земледельцев Китая, оканчивали работу. Собранные осенью семена хранились в

особом магазине и употреблялись только для жертвоприношений. Интересно, что один из храмов этого сооружения посвящен звезде Му-син, т. е. планете Юпитер, что в этом храме богдыхан приносил жертву и что церемония, которая должна была дать народу высочайшую санкцию труда земледельца, введена еще

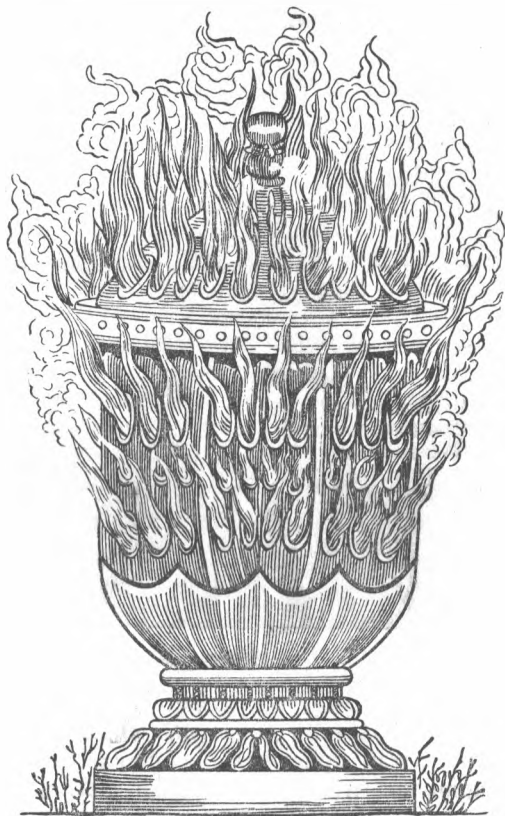

Рис. 29. Ваза, в которой в храме Неба богдыхан сжигал утвержденные им за год смертные приговоры (рис. китайского художника).

Монгольской династией, продолжалась Минской, изгнавшей монголов, и сохранилась при Маньчжурской до революции.

Достопримечательностью Пекина, но только отрицательной, было обилие нищих, которые попадались на всех улицах и производили жуткое впечатление. Их одежда состояла из лохмотьев,

покрывавших только часть тела, несмотря на зимний холод. Кожа, выступавшая во многих местах, имела цвет почти черный и, казалось, покрывала только кости скелета. Волосы висели космами и, вероятно, кишели насекомыми. Одни сидели на земле возле стен, иногда среди сновавшей взад и вперед толпы, протягивая костлявые руки к прохожим; другие бормотали молитвы, перебирая четки; третья спали сидя или, скорчившись, лежа. Среди них были старики и молодые, мужчины и женщины. Особенно много их было на широком мосту перед воротами из Китайского города в Маньчжурский, который европейцы даже прозвали мостом нищих. Меня предупредили, чтобы я не вздумал подать кому-нибудь милостыню, так как последствием ее было бы то, что целая ватага начала бы следовать за мной с криками и просьбами о помощи. Трудно представить себе, чем существуют эти несчастные, так как китайцы относились к ним совершенно безучастно.

Рождество и первые дни нового года были временем годовых балов в европейских посольствах. В конце декабря очередной бал состоялся и в русском посольстве. Не имея в своем багаже парадного костюма в виде фрачной пары, я скромно сидел в уголке большого зала, в котором танцевали русские, французы, англичане, американцы с нарядными дамами в балльных, сильно декольтированных платьях. Главный интерес представляла толпа китайцев, собравшаяся во дворе и наблюдавшая через большие окна европейские танцы, которые в то время, ввиду замкнутости китайской семейной жизни, многие зрители считали неприличными из-за общения оголенных женщин с посторонними мужчинами.

На следующий день после этого бала уехал Г. Н. Потанин с женой и спутниками; они разместились в двух легких китайских повозках вышеописанного типа, на третьей — грузовой — был сложен багаж. Все были одеты в китайские костюмы, кроме одного из спутников, буддийского ламы, который ехал в своем желтом халате. Им предстоял далекий путь, недель шесть, до западной части провинции Сы-чуань на границе Тибета. Повозки были наняты до г. Си-ань-фу, столицы провинции Шень-си, где кончалась колесная дорога, и через горы Восточного Куэн-луня нужно было ехать в носилках на людях и верхом.

В начале января и мои сборы были кончены, китайский паспорт, разрешавший мне путешествие по всему Китаю, получен, повозки наняты, деньги, переведенные Географическим обществом, превращены в принятые в Китае слитки серебра. Ввиду своеобразия денежной системы того времени о ней нужно сказать несколько слов. В Пекине и в других городах, где много

европейцев, в ходу были американские и мексиканские серебряные доллары и золотые монеты, но в глубине Китая единственную монету составляли чохи — латунные кружки с квадратным отверстием, которые нанизывались на бечевку. Стоимость каждой составляла $\frac{1}{7}$ копейки на наши деньги, так что на китайский лан, около 2 рублей, приходилось от 1400 до 1500 штук, что составляло изрядный вес. Чохами расплачивались за ночлег, фураж, мелкие покупки. Иметь 1000 рублей в форме этой монеты было невозможно, это составило бы несколько пудов. Поэтому нужно было везти с собой серебро в виде слитков, стоимостью в 5, 10 и 50 лан, от них по мере надобности

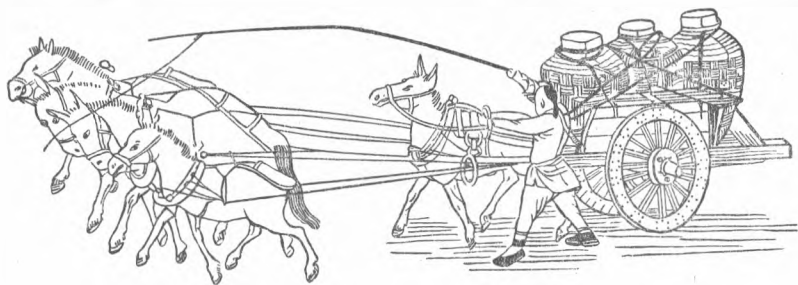

Рис. 30. Грузовая открытая двуколка с плетеными сосудами для вина и солений (рис. китайского художника).

отрубать кусочки в 1, 2 или 3 лана, которые взвешивались на особых маленьких весах. Ими платили более крупные суммы, а также разменивали их у менял на чохи. Эти слитки и составляли второй вид денег в Китае. Кроме того, в ходу бывали бумажные деньги, выпускаемые не государством, а торговыми фирмами и банками в разных городах. Их принимали только в том же городе и его окрестностях, так что для путешественника они были неудобны, тем более, что среди них часто попадались фальшивые, различить которые мог бы только опытный местный житель.

Неудобства этой денежной системы в виде чохов и рублевого серебра увеличивались еще тем, что разменный курс лана на чохи колебался по городам и временам года, на чем, конечно, паживались менялы, обманывая путешественника, а также тем, что среди чохов попадались фальшивые железные или неполновесные, которые в связке трудно было заметить, а при расплате получатели их отбрасывали.

Итак, я получил изрядный вес серебра в слитках разной величины, которые рассовал по своим чемоданам и ящикам

во избежание кражи и из-за их веса, затем несколько связок чохов и приобрел китайские весы в виде маленького безмена с чашечкой и гирькой для отвешиванья кусочков серебра.

Я направлялся в г. Лань-чжоу, столицу провинции Гань-су, чтобы летом начать исследование прилегающей к этой провинции горной страны Нань-шань.

Ехать можно было через г. Си-ань-фу, т. е. по пути, выбранному Потаниным и представлявшему главный тракт на запад; но этот путь был уже изучен геологом Рихтгофеном, а в мою задачу входило продолжать его исследования на запад. Поэтому я выбрал более северный маршрут, дважды пересекавший Желтую реку и пролежавший по окраине монгольской страны Ордос. До г. Тай-юань-фу, столицы провинции Шань-си, местность была изучена Рихтгофеном, далее же совершенно не известна. Ввиду этого план путешествия был составлен так: до г. Тай-юань-фу были наняты две китайские грузовые повозки для того, чтобы проехать эту часть пути скорее; в этом городе тот же посредник должен был доставить вьючных и верховых животных, так как далее путь шел часто по местам, лишенным колесных дорог, а мне нужно было вести уже систематическую работу. До столицы Шань-си я собирался вести только беглые наблюдения для знакомства со строением местности, проверки и дополнения данных Рихтгофена. Проезд в носилках из Калгана в Пекин показал мне, что этот способ путешествия для геолога не удобен; китайская повозка в этом отношении удобнее, так как вылезать и влезать в нее можно без посторонней помощи, необходимой для носилок.

Итак, в начале января во двор посольства прибыли две неуклюжие крытые двуколки на двух громадных прочных колесах (рис. 13 и 30), которые выдерживают бесчисленные ухабы китайских больших дорог. В них распределили весь багаж, в одной поместился я, в другой Цоктоев вместе с посредником, хозяином транспорта.

Распростившись с гостеприимными соотечественниками и облачившись в китайский костюм, я направился в глубь Китая, к сожалению, без переводчика, выучивши только самые необходимые слова для объяснений на постоялых дворах.

Глава пятая

ПО СЕВЕРНОМУ КИТАЮ. ОТ ПЕКИНА ДО ЮЖНОЙ ОКРАИНЫ ОРДОСА

Путь по Великой равнине. Семейные кладбища. Продовольствие. Плоскогорье Шан.-си. Подземные жилища. Город Тай-юань-фу. Вьючный караван. Любопытство китайцев. Фабрика бумаги. Опять в горах. Угольная шахта. Перевоз через Желтую реку. Плато Шень-си. Добыча соли. Пыльная туча. Великая стена. Земледельцы на окраине пустыни. Овраг р. Сяо-хэ и ее богатства.

Я выехал из Пекина 3 января после обеда.

Первые 10 дней мы ехали по Великой китайской равнине, представляющей мало живописного, в особенности зимой при отсутствии зелени. Почва равнины состоит из лёсса, и все здесь серо-желтое — дорога, пыль, вздымаемая колесами и копытами, поля, еще не засеянные, стены домов в селениях и городах. Весной, когда все зелено, картина, конечно, другая. Равнина на восток уходит за горизонт — она тянется до Желтого моря, а на западе ограничена довольно высокими горами на расстоянии от 5 до 40 км от дороги, но из-за непрозрачности воздуха, наполненного лёссовой пылью, эти горы были еле видны. Несмотря на январь, снега не было ни на равнине, ни на горах.

Равнина густо заселена и сплошь возделана. Через каждые несколько километров встречались селения или города, а в промежутке — пашни, сады, кумирни, семейные кладбища в рощах среди полей. В Китае общественные кладбища имеются при городах, но в сельской местности каждая семья или, вернее, род имеет свое кладбище, для которого отведено место среди принадлежащего роду поля. И так как культ предков соблюдается свято, и могилы рода содержатся хорошо, то мертвые в сущности занимают много места в ущерб живым. Мертвых не закапывают в могилы, а ставят в очень массивных гробах из тол-

стых досок на поверхности и засыпают землей или обкладывают камнями, кирпичом, сырым или обожженным. Эти семейные кладбища обычно обсажены деревьями, а у более богатых тут же возведена маленькая кумирня со статуей божества, перед которой в определенные дни совершают моление, зажигают курительные свечи и ставят маленькие жертвы.

Эта равнина не представляла интереса для геолога, и я तो-ропился проехать поскорее первые 600 ли (около 300 км) до городка Хуо-лу, где мой маршрут поворачивал на запад в горы. Поэтому мы выезжали еще до света, в 4—5 час. утра, ехали до полудня, останавливались часа на два для отдыха на постоялом дворе и опять ехали до темноты или дольше. Таким образом удавалось проезжать только 35—40 км в день, так как тяжелые повозки двигались шагом и нередко останавливались, пропуская встречных или для передышки. В повозку были впряжены три мула: один в оглоблях и два в пристяжку. Возчик то шел пешком, то присаживался на оглоблю, а я в повозке мог лежать, читать или спать, когда надоедала однообразная местность или было темно. Ночевали на постоялых дворах того же типа, который уже описан, и часто страдали от холода, пока не разогреется кан. Я сначала пробовал довольствоваться пищей, которую можно было получить на постоялом дворе; она состояла из жидкой пшенной каши или вареных кусочков теста, или гуамяни — вермишели из гороховой муки, которая сдабривалась соусом из зеленого лука, чеснока или черного уксуса. Это обычная пища массы китайцев, к которой редко добавляется вареный рис. Последний на юге Китая составляет главную пищу, тогда как на севере его заменяет пшено. По особому заказу можно было получить поджаренное мелкими кусочками мясо.

Молочных продуктов в Китае почти нет: отсутствие лугов не позволяет держать коров, и даже козы разводятся только в гористых местах, где они находят корм на склонах, неудобных для распахки. Молоко продается иногда в аптеках (козье, ослиное, даже женское), а о твороге, сметане, масле пришлось забыть на все время путешествия по собственно Китаю и в случае надобности поджарить пищу пользоваться растительным маслом. Пресная и мало питательная пища скоро надоела, и я предпочел вернуться к походной, которую имел в Монголии. Цоктоев покупал мясо и вечером каждый день варил суп, заправленный какой-нибудь крупой из дорожных запасов или гуамяню. Обед во время дневной остановки состоял из остатков холодного мяса и чая. К чаю покупали хлеб, который в Китае представляют или маленькие круглые булочки, сваренные паром, или плоские печеные, по желанию, с начинкой из сушеных

слив или каких-то ягод; те и другие из пшеничной муки. Рожь в Китае не сеют. Овощи и фрукты, вероятно, ввиду зимнего времени, в продаже отсутствовали.

Отмечу дешевизну продуктов: наш походный стол, достаточно сытный, обходился нам двоим всего в рубль в день и только немного дороже, чем кушанья на постоялом дворе, причем в эту сумму входила и плата за кипяток для чая и за огонь для варки супа.

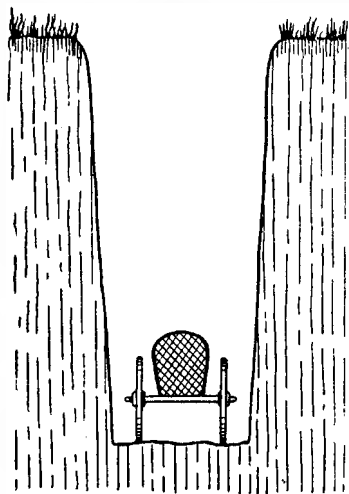

Рис. 31. Дефиле дороги в лёссе.

Проезд по равнине занял 8 дней; на этом пути мы миновали два больших города — Бао-дин-фу и Чжен-дин-фу, в которых постоялые дворы были несколько лучше; в комнатах, кроме двери, было и окно, конечно, с бумагой вместо стекла, кан был покрыт войлоком и, пока он согревался, в комнату вносили жаровню с углем. Уголь для согревания комнат изготавливается в виде шариков из смеси глины (лёсса) и каменноугольного порошка; эти шарики горят медленно, накаляясь без дыма, и дают много тепла. Этот способ очень распространен в Китае, и,

познакомившись с ним, я потом требовал жаровню с шариками везде, где было возможно, т. е. где поблизости были угольные копи. Плохое состояние дорог было причиной того, что уже на расстоянии более 100 км от колеи уголь не по средствам большинству населения, которое отапливает жилища соломой, навозом, мелким кустарником и зимой мерзнет.

От Хуо-лу большая дорога в Тай-юань-фу повернула на запад, в горы провинции Шань-си. В сущности — это высокое плоскогорье, которое обрывается уступами на восток к Великой равнине; эти уступы расчленены размывом на горные гряды и группы. Местность стала живописнее, скалистые гряды поднимались среди холмов и долин, появились рощицы, кустарники: дорога стала труднее, с подъемами и спусками, и грязнее. Здесь я прекратил езду в темноте и по временам вылезал из повозки, чтобы изучать состав гор и собирать образчики. Это плоскогорье богато каменным углем и железной рудой. Часто встречались ослики и мулы, нагруженные корзинами с углем, полосовым

железом, чушками чугуна, носильщики с хрупкими чугунными котлами и горшками на коромыслах.

Местность также густо населена, и почва везде возделана, где возможно; холмы и склоны покрыты лёссом, и дорога часто представляет собой глубокую траншею или дефиле, врезанное в лёсс, не вырытое человеком, а постепенно выбитое колесами и копытами в этой мягкой почве, которая рассыпается в пыль, уносимую ветром. Так в течение веков мало-помалу углубляется дорога, иногда на 10—20 м, и идет между двумя желтыми отвесными стенами (рис. 31). В этих дефиле две повозки не могут разехаться; если дефиле длинное, то кое-где оно искусственно расширено, и здесь нужно ждать проезда встречной повозки, о чем возчики извещают громким криком. В коротких дефиле также предупреждают криком о въезде, чтобы встречные подождали.

Мы уже так часто видели лёсс и говорили о нем, что нужно, наконец, пояснить подробнее, какая это порода. Лёсс, желтозем, по-китайски хуан-ту (желтая земля),— это смесь мелких песчинок и частиц глины и извести, т. е. по составу это известковый суглинок; цвет его серо-желтый или буро-желтый; он очень мягкий, его легко можно резать ножом и давить между пальцами. Но, вместе с тем, он вязкий и хорошо держится в обрывах, даже в 5—10—20 м высоты. Лёсс пронизан мелкими порами и вертикальными пустотами в виде тоненьких трубочек, оставшихся после истлевших растительных корешков; поэтому лёсс хорошо фильтрует воду, а кусок лёсса, брошенный в воду, долго выделяет пузырьками воздух, содержавшийся в пустотах. Благодаря своему составу, содержанию извести и других солей и пористости лёсс очень плодороден. В северном Китае лёсс покрывает толщей в 10—20 и даже 100—200 м склоны гор, плоскогорья и равнины; это остатки прежнего еще более мощного лёссового покрова, в который текучая вода дождей, ручьев и рек врезала уже многочисленные лога, овраги и долины и расчленила его на отдельные более или менее крупные части. Лёсс — господствующая почва Северного Китая; им покрыты горы, поля и дороги, из него в смеси с водой лепят ограды полей, стены зданий и делают кирпичи, черепицу, горшки; в толще лёсса вырывают подземные жилища. Лёсс играет огромную роль в жизни китайца; поэтому желтый цвет — священный и национальный цвет Китая. О происхождении лёсса мы скажем, когда познакомимся со всеми районами его развития.

Уже среди уступов плоскогория, где толща лёсса достигает местами 20—30 м, появились подземные жилища, составляющие характерную особенность страны лёсса (рис. 32). В обрыве этой мягкой породы выкапывают вглубь галлерею, шириной в

4—5 м, длиной в 8—10 м и вышиной в 3—4 м; лёсс прекрасно держится и в своде, и в стенах без подпорок. Спереди галлерею закрывают стеной из кирпича-сырца или обожженного, сделанного из того же лёсса; в стене — дверь и, рядом, окно. Внутри готово; в нем летом прохладнее, чем в доме, а зимой теплее, потому что толщина лёсса защищает и от прогревания и от охлаждения. Рядом выкапывают вторую галлерею для домашних

Рис. 32. Фасад пещерных жилищ в обрыве лёсса; справа — для людей, слева — для скота.

животных с отдельным выходом или же дверью в жилую галлерею. Перед дверью устраивают ровную площадку, на которой складывают навоз, молотят хлеб, выполняют домашние работы, тут же бродят куры, свиньи. Целый ряд таких пещер друг возле друга составляет поселок, а если лёсс опускается крупными ступенями по склону, то на каждой ступени располагаются пещеры, и дворики перед ними находятся над галлереями соседнего вниз яруса.

В таких подземных селениях (рис. 33) бывают и постоянные дворы, и позднее, путешествуя, мне приходилось ночевать в лёссовой пещере; тут же, в соседней пещере, помещались и наши животные.

Пещеры служат десятилетиями без ремонта: если свод начинает сдавать и из него вываливаются глыбы, пещеру бросают. Единственный недостаток этих жилищ — при сильных землетрясениях они нередко разрушаются и засыпают своих жильцов. Во время сильного землетрясения в 1920 г. в лёссовой стране

провинции Гань-су погибло несколько сот тысяч обитателей пещер, так как оно случилось ночью.

На третий день езды мы опять увидели Великую стену; это ее южная ветвь, которая тянется вдоль границы провинций Чжили и Шань-си, делая крупные извилины, то по гребню крайних гор перед Великой равниной, то отступая вглубь на уступы плоскогорья, попрежнему поднимаясь на вершины и спускаясь

Рис. 33. Пещерные селения в лёссе на плато провинции Шань-си.

на седловины. Мы миновали ее в воротах Ку-гуань, где расположена таможенная застава. Подобные заставы имелись в Китае на каждой провинциальной границе и взимали пошлины за ввоз и вывоз товаров. Мой паспорт избавил меня от осмотра обеих повозок. Ворота в Великой стене и здесь расположены очень целесообразно со стратегической точки зрения; дорога идет здесь по тесному ущелью речки, которое стена запирает полностью, так что заставу обойти нельзя.

Уступы плоскогорья, расчлененные на горы, занимают большую половину расстояния между Хуо-лу и Тай-юань-фу, и мы только через три дня после заставы поднялись на высшую часть плоскогорья, достигающую 1100 м. Здесь местность приобрела более плоский рельеф и почти сплошь покрыта толщей лёсса, в которую местами врезаны глубокие овраги. Эта толща везде по склонам разбита на уступы, занятые пашнями. Естественное

свойство лёсса образовывать на склонах террасы-уступы используется и усиливается человеком, так как ровная поверхность ступеней гораздо удобнее для распашки, чем косогор, а дождевая вода задерживается и впитывается в почву, тогда как на косогорах она стекала бы быстро вниз; террасы отделены друг от друга отвесными обрывами в 1—3 м и, кроме того, ограждены небольшим валиком. Этот остроумный способ китайских земледельцев возможен потому, что лёсс почти во всей толще имеет один и тот же состав плодородной почвы, тогда как у нас при террасировании косогоров пришлось бы часто удалять растительную почву и вскрывать подпочву или даже твердые породы.

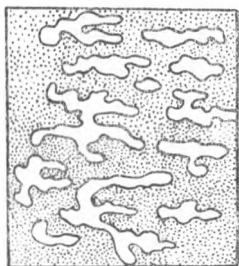

Рис. 34. Журавчики
(известковые стяжения)
в лёссе.

На высшей части плоскогорья деревьев было уже мало, они попадались только рошицами на кладбищах и у кумирен и порознь на пашнях, так что вид был открытый; на севере и на юге поднимались еще метров на 100—200 плоские вершины; на востоке гряды и группы гор, расчлененных

уступов тянулись до горизонта, а на западе врезывались ветви глубокой долины и бесчисленные овраги среди террас лёсса. По этой долине мы спускались два дня, причем дорога часто пролежала в глубоких дефиле лёсса. В его толще здесь попадались целые горизонты журавчиков (твердых стяжений извести), созданных грунтовой водой и имеющих самые прихотливые формы в виде корней хрена, часто соединенных друг с другом в целую сеть (рис. 34).

На одном из ночлегов на этом спуске наши извозчики меняли оси у телег. Как это ни странно, но на дорогах в следующей к западу части провинции Шань-си колеи были шире, чем на дорогах, пройденных нами из Пекина; поэтому нужно было раздвигать колеса телег, так как иначе одно колесо ехало бы по выбитой колее дороги, а другое — вне ее и животным было бы труднее тащить телегу. Это раздвигание колес достигалось переменой осей у телег, и на постоялом дворе мы видели целую коллекцию осей с надписями имен их владельцев. На обратном пути каждый возчик находил свою ось и снова производил смену, которая избавляла от смены экипажей.

Спустившись на дно обширной долины, которая отделяет восточное плоскогорье Шань-си от западного, мы повернули к городу Тай-юань-фу, где предстояла смена повозок, служивших

нам 16 дней, на вьючных животных. Ради этого пришлось устроить дневку, которую я использовал, чтобы посетить итальянскую католическую миссию в надежде найти переводчика-китайца, знающего по-французски. Но я опять обманулся: среди христиан переводчика не нашлось, и приходилось продолжать путь, не имея возможности беседовать с населением.

Из Тай-юань-фу мы выехали вьючным караваном; багаж, привязанный к лесенкам, повезли мулы, я ехал верхом на муле, посредник и Цоктоев — на ослах, а два погонщика при вьюках шли пешком. Но так как вскоре начиналась никем еще не исследованная местность, т. е. систематическая работа для меня, то переходы приходилось делать не такие большие, как при езде в телегах, именно от 20 до 30 км, редко больше. Три дня мы ехали по долине между плоскогорьями, густо населенной и сплошь возделанной; селения и городки попадались часто, рощи кладбищ и кумирен, деревья на межах пашен оживляли пейзаж.

На межах китайцы большею частью сажают деревья иву, вербу и др. и часто обрезают ветви до значительной высоты, употребляя их на плетение корзин, которые служат для перевозки угля и других грузов. Из прутьев же плетут большие сосуды в 2—3 ведра емкости и более. Эти сосуды обливают каким-то черным лаком и получают посуду, в которой хранят и перевозят жидкости — водку, рисовое вино, масло, а также соленые овощи.

С запада вдоль дороги тянулись обрывы западного плоскогорья, также расчлененного на горные гряды с зубчатым гребнем, сложенные из каменноугольной свиты. В ущельях кое-где находились угольные копи, и на ночлегах в гостиницах не было недостатка в топливе из описанных угольно-глиняных шариков. Благодаря моему китайскому костюму уличная толпа не обращала на меня большого внимания, принимая меня за миссионера, к виду которого китайцы привыкли. Изредка только приходилось слышать произнесенный громко или вполголоса эпитет ян-гуйцзе, т. е. заморский чорт, как называют европейцев, даже не желая их обругать, а по привычке, вместо ян-жен, т. е. заморский человек, иностранец. На постоянных дворах любопытные иногда заходили в отведенную мне комнату, наблюдали, как я пью чай, как и чем пишу, но вели себя не назойливо; их особенно удивляло, зачем я собираю камни. О геологии они, конечно, не имели понятия, а при незнании языка объяснить значение ее было невозможно. Поэтому я говорил, что в нашей стране таких сортов камня нет, и я собираю их, чтобы посеять дома. Это было им понятно и даже льстило их патриотизму.

Если любопытных набиралось слишком много, Цоктоев их выпроваживал. При наличии в комнате окна, конечно,

заклеенного бумагой, в последней скоро оказывалось много дырочек, незаметно проделываемых языком, и через каждую смотрел чей-нибудь глаз.

На этом пути я видел часть процесса изготовления оберточной бумаги из рисовой соломы, копны которой покрывали целые поля. Очевидно, в этой долине имеется достаточно воды в виде рек, стекающих с западных гор, чтобы затоплять весной поля, на которых сеют рис. Солому разваривают в котлах и полученную из нее густую кашу разливают в маленькие квадратные формы, где она высыхает. Для окончательной просушки готовые листы прижимают на открытом воздухе к валам, сбитым из лёсса, с круто наклоненными боками, вышиной в 2—2,5 м, хорошо выглаженным; на них видны были высухавшие листы один возле другого. Эта бумага — буро-желтого цвета и низкого качества — довольно ломкая. Возле одного селения, занятого выделкой бумаги, таких валов было очень много.

В ущельях рек, глубоко врезанных в западные горы, в целом ряде мест находятся угольные копи, и мы постоянно встречали караваны ослов и мулов, нагруженных углем разного качества, в крупных и мелких кусках, и полученного из него хорошего кокса.

На четвертый день мы свернули с большой дороги, идущей по этой долине дальше на юг, в широкую боковую долину, направленную на запад. Теперь хорошо видна была сильная расчлененность западных гор, которые оканчивались высоким обрывом. Можно было различить, как толстые пласты, вероятно, известняков, слагающие вершины гор, к восточному склону круто загибаются и уходят вглубь (рис. 35). Наша дорога углубилась в западное продолжение этих гор, и мы сделали перед ночлегом довольно высокий перевал, а на следующий день еще один и спустились в долину речки, впадающей в Желтую реку, по которой шли четыре дня. На этом пути я видел шахту, из которой добывали уголь. Она имела около 40 м глубины, 2 м в диаметре и ничем не была креплена. Над ее устьем стоял большой барабан, рукоятку которого вертели 12 человек; на барабан был намотан канат, к каждому концу которого была привязана плоская корзина; при вращении барабана одна корзина опускалась, другая поднималась. В этих корзинах поднимали добытый в шахте уголь, а также спускали и поднимали горнорабочих. Я хотел спуститься и посмотреть подземные работы, но рабочие отказались спустить меня. Как я узнал позже, китайские горняки очень суеверны и боятся, что посещение постороннего человека, в особенности же женщины или заморского чорта, вызовет какое-нибудь несчастье. А так как подземные работы ведутся у них

почти без крепления, то обвалы случаются нередко, и посетитель, незнакомый с подземными ходами, действительно может вызвать обвал по неосторожности.

В последний день этого пути дорога ушла из долины речки, превращавшейся в непроходимое ущелье, и сделала крутой перевал через горы, покрытые толщей лёсса, в долину Желтой реки ниже г. У-бао-чен. Эта могучая река течет здесь почти в ущелье, врезанном в твердые песчаники и сланцы, покрытые лёссом.

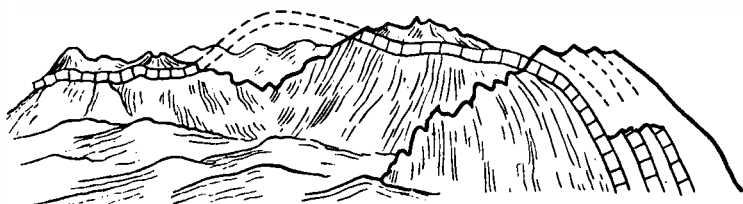

Рис. 35. Вид гор, окаймляющих с запада большую долину г. Тай-юань-фу.

Ввиду быстрого течения она поздно замерзает, и нам предстояла переправа; по реке плыло уже много льда. Переправляют в плоскодонных больших лодках очень грубой работы, напоминающих короткое и широкое корыто с тупым носом и такой же кормой; они сколочены из толстых досок, кривые весла привязаны веревками к бортам, руля нет. Мой караван разместился в двух лодках, и перевозчики перевезли нас очень быстро. Правда, что ширина реки здесь всего около 100 м и была еще сужена большими заберегами льда (рис. 36).

За рекой мы попали в очень глухую часть провинции Шень-си, представлявшую плато, покрытое большой толщей лёсса и глубоко расчлененное долинами притоков Желтой реки. Два с половиной дня дорога высоко поднималась на плато и опять спускалась в ущелья речек, где из-под лёсса обнажались толщи зеленых песчаников и глин. Только за г. Суй-де-чжоу дорога пошла вверх по долине речки Сяо-ли-хэ и сделалась менее утомительной для вьючных животных. По этой долине мы шли $4\frac{1}{2}$ дня. Селения попадались довольно часто, постоянные дворы самые скромные. Население здесь, как и вообще в стране лёсса, занято земледелием, но далеко не все склоны гор были террасированы. В нескольких местах производилась также добыча каменного угля.

Я заметил также оригинальную добычу соли китайцами. Из неглубоких колодцев на дне долины вычерпывают слабый рассол

и поливают им кучи лёссовой почвы, сгребаемой тут же. Затем эту почву разбрасывают тонким слоем по выровненной площадке и опять неоднократно поливают, пока на комьях лёсса после испарения воды не появятся густые выпветы соли. Очевидно, пористый лёсс является градирной для обогащения бедного рас-сола путем испарения воды. Затем этот лёсс сгребают в кучи

Рис. 36. Правый берег Желтой реки ниже г. У-бао. Утесы пестрых песчаников и река во время ледохода.

и наваливают в плоские чаны с отверстием на дне и снова поливают. Густой рассол стекает по каплям в подставленные сосуды и вываривается в чугунных котлах, подогреваемых каменным углем в лачугах, стоящих тут же на дне долины. Полученная соль довольно белая, но на вкус мало соленая, вероятно, содержит много извести.

На этом пути, еще на перевалах между Желтой рекой и г. Суй-де-чжоу, пришлось видеть, как ветер приносит лёссовую пыль из пустыни. На северо-западном горизонте появилась серая дымка, и через полчаса она двинулась на нас и откутала все окрестности при полном безветрии. Она была так густа, что недалекие вершины были еле видны, а более далекие совсем скрылись; солнце потускнело и стало чуть красноватым, а небо — серо-голубым в зените и серым на горизонте. Вскоре с

северо-запада начался ветер, который сначала дул порывами, затем все сильнее и сильнее и бушевал всю ночь до рассвета. Таким образом, туча тонкой пыли двигалась впереди ветра, который, очевидно, нес ее из больших песков Ордоса. Такое же движение пыли впереди ветра я наблюдал еще не раз в Китае и затем в Джунгарии, и оно показывает, каким способом мелкая пыль выносятся из пустынь в окружающие степи, где оседает и нарастивает толщу лёсса, представляющую накопление подобной же пыли пустыни за минувшие многие тысячелетия.

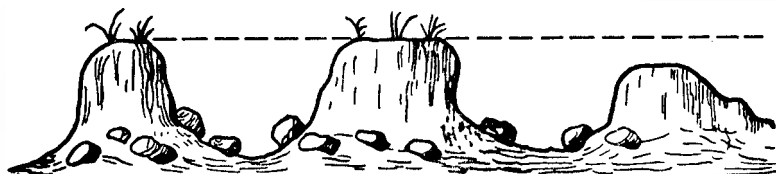

Рис. 37. Развевание толщи лёсса.

Толща лёсса слагает в этой части провинции Шень-си верхние $\frac{3}{4}$ — $\frac{4}{5}$ склонов долин и достигает от 80 до 100 м мощности. Под ней в верховьях долины, по которой мы ехали, продолжались выходы зеленых, желтых и серых песчаников, переслаивающихся с толщами глин и мергелей; местами им подчинены пласты угля, судя по качествам которого и по остаткам растений, заключенным в глинах, это уже более молодые отложения мезозойского возраста, а не палеозойские, которые слагали плоскогория Шань-си. Самые верхние члены этой толщи представляли буро-красные песчаники, наслоение которых показывало, что это скорее всего отложения наземные — древние дюны, образовавшиеся на берегах усыхавших озер.

Так как вершина долины ушла на юго-запад, наша дорога повернула на запад и перевалила через два высоких увала, сверху донизу состоявших из лёсса. На плоской поверхности увалов попадались скопления мелкого сыпучего песка, принесенного ветрами из пустыни Ордоса, которая была хорошо видна с последнего увала и представляла уходившие на север до горизонта барханные пески. На этом увале мы находились опять на высоте около 1600 м, т. е. выше, чем на плоскогорьях Шань-си и Шень-си, и так же высоко, как в Монголии перед спуском к Калгану.

Спустившись с этого увала, мы встретили опять Великую стену, так как подошли к границе собственно Китая. Здесь

стена представляла просто глинобитный (из лёсса) вал в 2—4 м ширины, вероятно, сильно сглаженный непогодами. Башни также одни были глинобитные и сильно разрушенные, другие — из кирпича, лучше сохранившиеся. В одном месте длинный клин сыпучего песка, надвинувшийся из Ордоса, уже перевалил через стену и наглядно демонстрировал нашествие песков на страну лёсса.

Рис. 38. Китайский поселок на южной окраине Ордоса, заносимый барханами.

Несомненно, что во время постройки стены пески далеко не доходили до нее, так как строители не могли не знать, что стена, засыпанная песком, теряла свое стратегическое значение защиты от конных орд кочевников. Это показывает, что с тех пор пески сильно надвинулись из пустыни.

За стеной дорога пересекала холмистую местность из лёсса, частью засыпанного песком; здесь можно было наблюдать разные формы развевания лёсса ветрами в виде отдельных кочек, бугров и площадок с обрывистыми боками, у подножия которых лежали глыбы лёсса, скатившиеся вниз (рис. 37). С холмов мы спустились в долину небольшой речки и далее шли на запад вдоль подножия высоких лёссовых увалов по полосе, хотя принадлежащей Ордосу, т. е. Монголии, но уже заселенной китай-

скими колонистами. Небольшие селения и отдельные фермы, пашни, группы деревьев (ивы) тянулись вдоль дороги. Но земледелие сильно страдает от наступающих на эту местность песков, грозная серо-желтая полоса которых тянется на горизонте. На пашнях почва сильно песчаная, а вокруг стен зданий и дворов, а также деревьев песок нередко образует целые холмы. Рано или поздно земледельцам придется выселиться из этой местности, которую окончательно завоюет пустыня (рис. 38).

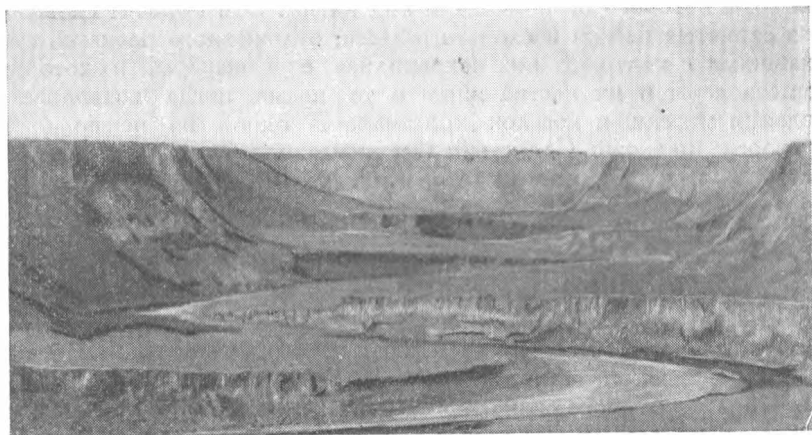

Рис. 39. Долина речки Сяо-хэ в Сяо-чао, врезанная в толщу слоистого лёсса и песков.

Для отдыха и завтрака я остановился на постоялом дворе маленького селения. Во время завтрака неожиданно в комнату вошел миссионер-европеец. Оказалось, что недалеко отсюда расположена католическая бельгийская миссия Сяо-чао и миссионер, прослышав про караван европейского путешественника, идущий на запад, выехал навстречу и пригласил меня отдохнуть в миссии. Я был уже больше месяца в пути, в обществе Цоктоева и китайцев, поэтому естественно перспектива провести пару дней в миссии была привлекательна. После отдыха мы направились в миссию.

Миссия Сяо-чао расположена на равнине, занятой пашнями, недалеко от речки Сяо-хэ, долина которой врезана на 30—40 м в эту равнину. Внутри участка, обнесенного глинобитной стеной, расположены церковь простой архитектуры, одноэтажный дом в китайском стиле, в котором живут миссионеры, еще несколько

фанз прислуги, стояла для животных и большая площадь огорода. Мне отвели отдельную комнату, Цоктоев помещался с прислугой, возчики и животные каравана приютились в поселке христиан возле миссии.

Я отдыхал в Сяо-чао 5 дней из-за новогодних праздников, соблюдаемых всеми китайцами, собирал сведения об Ордосе и делал экскурсии в окрестности. Особенно привлекала долина р. Сяо-хэ, в обрывах которой видно было геологическое строение равнины южного Ордоса у подножия лёссового плато, высоты которого ограничивали вид на юг. Эти обрывы сложены из слоистых песков и слоистого лёсса; отложенного речками, стекавшими с плато. В них сохранились еще пещеры, в которых миссионеры и их паства жили в то время, когда возводились здания миссии и поселок христиан. В одной из пещер была устроена церковь. Слоистый лёсс менее устойчив, чем неслоистый, слагающий толщи плато, и потолок пещер приходилось укреплять досками и жердями во избежание обвалов. В этом слоистом лёссе (рис. 39) попадались кости ископаемых животных. Я видел в миссии череп длинношерстого носорога, который жил в Сибири в большом количестве в четвертичный период, во время последней ледниковой эпохи, и проник, следовательно, так далеко на юг. По словам миссионеров, в одной монгольской кумирне Ордоса находится в качестве объекта поклонения череп еще более крупного животного, может быть, мамонта. Позже моего путешествия французский миссионер-геолог Тейльяр де-Шадрэн в тех же толщах раскопал богатую коллекцию костей четвертичных млекопитающих и остатки первобытного человека, жившего здесь в эпоху отложения толщ неслоистого лёсса.

Миссионеры жаловались мне на плохую воду. В речке Сяо-хэ вода очень грязная; во дворе миссии выкопали колодец, глубиной в $32\frac{1}{2}$ м; воды в нем было достаточно, но она была чуть солоноватая и расстраивала желудок, пока он к ней не привыквал. В другом колодце для полива огорода вода была еще хуже. Миссионеры просили меня указать, как добыть воду получше. Я мог сказать им только, что вода постепенно, по мере пользования колодцем, будет улучшаться, так как соли, содержащиеся в водоносном слое песка под слоистым лёссом, мало-помалу выщелачиваются. Доказательством является второй колодец; из него черпают воду только летом для огорода, и поэтому она более солонa. Получить воду с меньшей глубины в этой местности нельзя, так как толща слоистого лёсса ее не содержит и водоносен только песок, залегающий под ней.

Но колодец не разрешал вопроса об орошении полей этой местности, которые, как и поля на лёссовых плато провинции

Шень-си и Гань-су, часто страдают от засухи. Урожай всецело зависит от весенних и летних дождей, которых в иные годы почти не бывает, и вся эта страна начинает голодать. Пустыня Ордоса расположена слишком близко к этой части страны лёсса внутри большого изгиба Желтой реки, и ее горячее дыхание губит хлеб на полях.

Глава шестая

ПО СЕВЕРНОМУ КИТАЮ. ЮЖНЫЙ ОРДОС, АЛАШАНЬ И ВОСТОЧНЫЙ НАНЬ-ШАНЬ

По окраине Ордоса. Хуан-фын. Великая стена и умирающие города. Пионеры пустыни. Антилопы. Желтая река. Город Нин-ся. Экскурсия в Алашанский хребет. Путь вдоль Желтой реки. Еще пионеры пустыни. Окраина Алашанских песков. Через Восточный Нань-шань. Поля, усыпанные камнем. Чудо техники. Город Лань-чжоу. Финансовые и транспортные затруднения

Я хорошо отдохнул у гостеприимных миссионеров на окраине Ордоса и 13 февраля отправился дальше. Нужно сказать несколько слов о зимней погоде в Северном Китае. Несмотря на январь и февраль, т. е. середину и конец зимы, погода была вполне благоприятная для путешествия. По ночам держались морозы, но небольшие, градусов 5—10, редко до 15; днем в ясные дни было совсем тепло, в пасмурные — около нуля, за исключением ветреных дней, когда было холоднее. Снег за все время выпадал только один раз еще на плато Шань-си, небольшой, и быстро исчез, сделав только дорогу по лёссу грязной. Отдельными пятнами он лежал еще на склонах гор в долине Желтой реки, где забереги льда и ледоход напоминали о зиме. На плато Шень-си и на окраине Ордоса нигде не было снега. Летом здесь было бы хуже — сильная жара, густая пыль лёсса, а в случае дождя — глубокая липкая грязь на дорогах. Осенью и весной не так жарко, но часты пыльные ветры, сильные колебания температуры и, после ветра, дождь и грязь. На окраине Ордоса ветер дул почти ежедневно, более или менее пыльный; один раз шел снег.

Выехав из миссии, мы миновали р. Сяо-хэ по утлому мосту и поднялись на другой ее берег. Погода была неприятная, сильный ветер дул навстречу, воздух был наполнен пылью, солнца

не было видно. Между рекой и городком Нин-тяо-льян дорога пересекает пески, надвинувшиеся из пустыни в виде отдельных барханов и коротких цепей их. Здесь мы попали в настоящую пыльную бурю, и нам пришлось одеть очки с боковой сеткой, защищающие глаза от песчинок, которые несутся в воздухе. Мы ехали в песчаном тумане, который ветер срывал с барханов. Впрочем, это был только хуан-фын, т. е. желтый ветер, по определению китайцев; более сильный, когда от массы пыли становится темно, они называют хый-фын, т. е. черный ветер. Эти

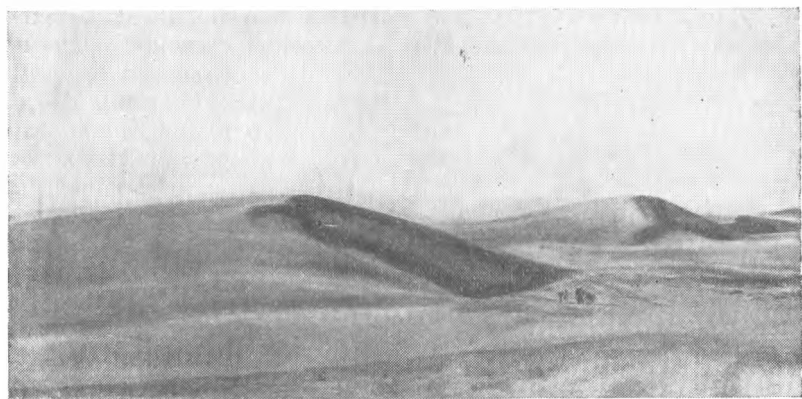

Рис. 40. Цепь высоких барханов возле г. Динь-бянь на южной окраине Ордоса. У подножия для масштаба мул и осел.

пески отвоевали уже от культуры всю площадь между речкой и городком, шириной около 7—8 км; в промежутках между барханами можно было еще различить следы борозд пашен и валики по межам; кое-где попадались погибающие деревья. Пески были нанесены ветрами с северо-запада, где в Ордосе расположена огромная площадь их. В этот день ветер дул с юго-запада, и можно было наблюдать, как быстро он переформировывал барханы, созданные господствующими северо-западными ветрами, выдувая глубокие борозды на гребнях и перемещая рога.

Городок Нин-тяо-льян небольшой и отчасти состоит из развалин; на него уже надвинулись пески с запада и северо-запада, образующие холмы до 3—5 м высоты на дворах и улицах; некоторые дома уже скрылись в песке до крыши или до половины стен, и городку в близком будущем грозила гибель.

В течение восьми дней мы двигались по окраине Ордоса. Дорога то поднималась на плоские лёссовые высоты, выдвигав-

шиеся с юга со стороны плато, остававшегося на горизонте, то шла по равнине вдоль подножия плато, принадлежавшего уже провинции Гань-су. Все время вдоль дороги тянулась Великая стена, представлявшая собой местами простой сглаженный вал, местами же более или менее высокую стену с отдельными брешами; на известных расстояниях друг от друга поднимались то глинобитные, то кирпичные башни в разной степени разрушения. В этой местности стена давно уже потеряла всякое значение и никем не охранялась и не поддерживалась.

На этом пути мы миновали четыре города: Ан-бянь, Цзуандин, Динь-бянь и Хуа-ма-чен; снаружи они производили внушительное впечатление, окруженные высокой стеной с зубцами,

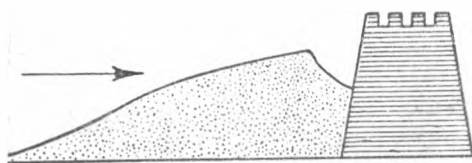

Рис. 41. Песчаный нанос у стены г. Хуа-ма-чен в Ордосе.

с большими башнями над воротами. Когда-то в них стояли гарнизоны войск для отражения нападений кочевников Ордоса. Но эти времена давно миновали. Вместо гарнизонов остались маленькие отряды из десятка-другого солдат,

проводивших время в бездействии и курении опиума. Внутри городских стен — развалины, пустыри и только вдоль главной улицы отдельные скромные лавки. Местность бедная, слабо населенная земледельцами из-за частых неурожаев; хотя почва на лёссовых увалах плодородная, но дождей мало, а искусственное орошение невозможно. Все эти города производили впечатление совершенно ненужных, умирающих, ворота содержались небрежно, своды их разрушались.

Справа от дороги, на большем или меньшем расстоянии, тянулись сплошные барханные пески южного Ордоса, местами подступавшие к Великой стене, местами отделенные полосой солончаков. Перед г. Динь-бянь мы пересекли длинную полосу барханов, выдававшуюся большим языком, на юг, в глубь широкой долины в лёссовом плато. Отдельные барханы достигали высоты в 15—20 м и имели типичную форму с рогами у крутого подветренного склона (рис. 40). У г. Хуа-ма-чен северо-западная стена была сильно занесена песком, надвинувшимся на нее большими барханами, достигавшими местами высоты стены (рис. 41). Через стену песок переносится и в город, засыпая улицы и дома. Эти „пионеры пустыни“, высланные песками Ордоса на завоевание новых пространств, ясно доказывали, что

через известное время вся эта окраина будет поглощена пустыней, если не будут приняты меры для закрепления песков, что потребовало бы больших затрат, возможных только в будущем. Селения на этом пути встречались не часто, были маленькие; некоторые были брошены и представляли развалины. Попадались отдельные фанзы и маленькие постоянные дворы. Вблизи г. Хуа-ма-чен за Великой стеной расположено несколько соляных озер, в которых китайцы и монголы добывают самосадоч-

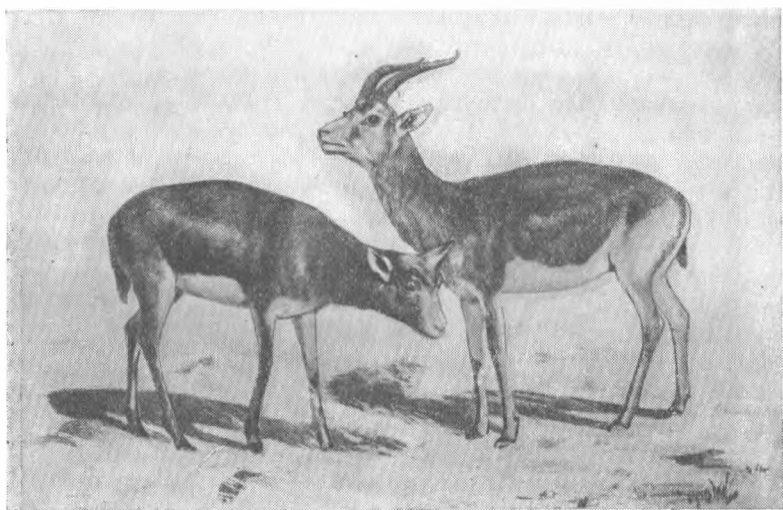

Рис. 42. Хуан-янг (желтая коза) — антилопа хара-сульта (дзерен по-монгольски) в Ордосе.

ную соль. В первое из этих озер впадает ручеек с заметно соленой водой, который пересекала наша дорога. За этим городом Великая стена в одном месте делится на две ветви, а по соседству находятся развалины укрепления Гао-бин-пу. В этой малонаселенной местности мы ежедневно встречали небольшие стада антилоп, которые паслись за Великой стеной на солончаках и равнинах и подходили иногда совсем близко к стене. К ним удавалось подойти на выстрел, и я добыл несколько штук, что было очень кстати, так как на постоянных дворах и в городах мяса в продаже не было. Весной антилопы уходят в пески, где, благодаря дождям, в котловинах появляется свежая трава. Осенью и зимой они (рис. 42) держатся на степи южной окраины Ордоса, где корма больше.

На последнем переходе к Желтой реке мы миновали развалины двух городов; здесь непосредственно за Великой стеной тянулись сплошные пески Ордоса (рис. 43). Дорога поднялась на низкий кряж Аршан-ула, с которого открылся вид на долину Желтой реки. На противоположном берегу виднелись рощи, селения, поля, представлявшие резкий контраст с унылой местностью, по которой мы шли от Сяо-чао. На западном горизонте сквозь пелену пыли можно было различить зубчатый гребень Алашанского хребта.

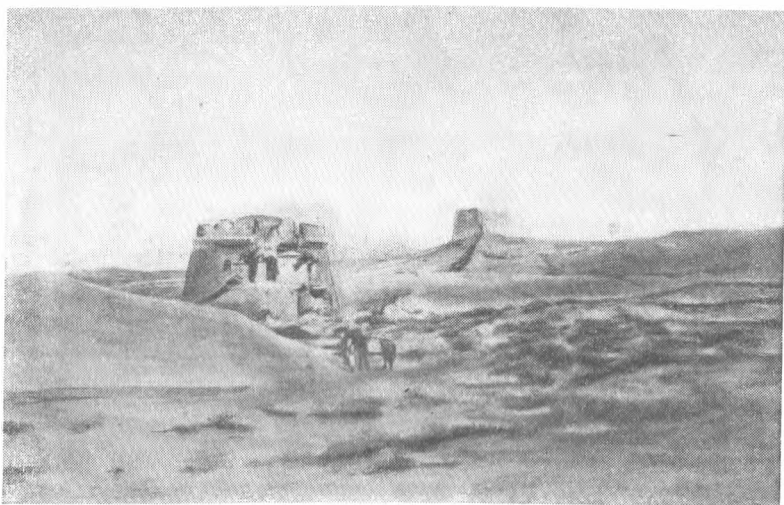

Рис. 43. Остатки Великой стены, засыпаемые сыпучими песками на южной окраине Ордоса.

Желтая река собиралась сбросить ледяной покров. Немного южнее видны были уже полыньи, на которые садились для отдыха стаи уток, летевших на север, отмечая наступление весны. Мой караван перешел реку по льду, который местами трещал под ногами мулов. Ширина реки в этом месте достигала 800 м. Если бы мы опоздали на день, пришлось бы ждать не меньше недели, пока пройдет лед и установится переправа. За рекой пошли пашни, рощи, каналы, по которым вода из реки была выведена для орошения полей. Мы въехали в большой город Нин-ся и остановились в доме нашего посредника, везшего нас из Пекина. Он был очень рад моему предложению остаться в

городе несколько дней, чтобы я мог налегке сделать экскурсию в Алашанский хребет.

На следующий день я отправился вдвоем с Цоктоевым с легким выюком на двух мулах, на которых примостились и два китайца из наших возчиков. Миновали широкую культурную полосу, которая тянется вдоль Желтой реки, орошена выведенными из нее каналами и занята полями, рощами и поселками, а также пустырями, заполненными спущенной с полей водой или покрытыми густыми выцветами солей, которую вода извлекает из почвы и оставляет при испарении. Затем началась пустыня, которая окаймляет подножие хребта; на ее песчано-глинистой почве, усыпанной галькой, только кое-где торчат чахлые кустики. Но развалины города Пй-са-чен, расположенные на расстоянии около 3 верст от культурной полосы, доказывали, что последняя прежде была шире; тут же пролегал земляной вал без башен, которые местные жители также величают Великой стеной; второй вал с развалинами башен мы миновали еще в пределах культурной полосы.

С выездом в пустыню перед нами открылся Алашанский хребет во всем своем диком величии. Он круто поднимается над плоскими холмами, окаймляющими его подножие; формы его сильно расчленены глубокими ущельями, гребень зубчатый. Высшая часть расположена против и немного севернее г. Нин-ся. Несмотря на зимнее время на горах нигде не видно было снега; высоко на склонах местами темнел редкий лес.

Мы переночевали в маленьком поселке среди пустыни, существующем очевидно только на счет проезжих по этой дороге, ведущей в г. Фу-ма-фу, столицу Алашанского князя; возле поселка полей не было. На следующий день продолжали путь и вскоре поднялись на холмы предгорий к устью ущелья; здесь, несмотря на каменистую почву, усыпанную валунами, много площадок было расчищено под пашни, обсаженные деревьями, а в устье ущелья оказалось и селение, отвоевавшее у пустыни свои поля благодаря возможности орошения их водой небольшой речки, текущей с гор. Валунные пашни были тщательно сложены в стенки, ограждающие участки полей. Подобные же маленькие селения китайцев видны были и в устьях соседних ущелий.

Ущелье, по которому мы ехали, вскоре сузилось и было безлюдно и бесплодно, так как все дно его усыпано галькой и валунами и во время дождей, вероятно, заливается водой бурного потока; на крутых склонах появились хвойные и лиственные деревья, в тени которых местами еще белел снег. Вскоре одна ветвь ущелья ушла на запад, врезаясь в высокие зубчатые горы; дорога повернула на северо-запад, в другую ветвь,

ведущую к перевалу. Не дойдя до последнего, мы ночевали в уединенном постоялом дворе, над которым поднимались голые скалистые склоны и зубчатый гребень хребта, расчлененный на острые шпицы и башни (рис. 44). По соседству была китайская угольная копь в виде штольни, длиной около 200 шагов, ничем

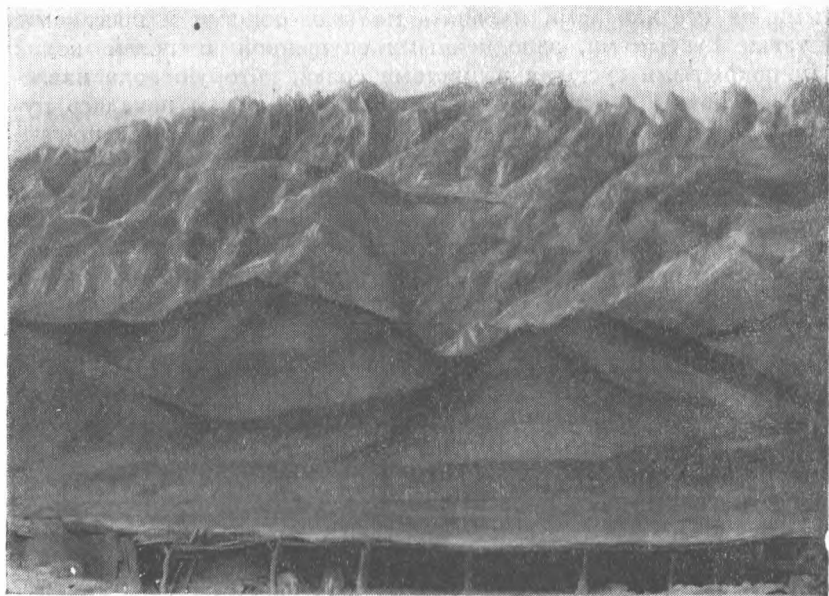

Рис. 44. Зубчатый гребень Алашанского хребта и постоялый двор в ущелье по дороге из Нин-ся в Фу-ма-фу.

не крепленная. Пласт угля в 2 м, местами до 4 м, мощности, невысокого качества, был почти превращен в графит в связи с огромным давлением в опрокинутой складке. Этот уголь служил только для выжига извести из известняков, залегающих рядом. Копь работала только в свободное от полевых работ время.

На следующий день мы поднялись на перевал по крутому склону, изрытому глубокими оврагами и скудно поросшему лесом; в оврагах лежал снег, по склонам соседних гор видны были скудные альпийские луга и редкий лес из японского можжевельника, ели, сосны, карликовой туи и кустов, беспощадно вырубаемый китайцами из Нин-ся и монголами. С перевала должен был открыться обширный вид на равнины Алашаня и огромные пески Тынгери в их южной части, но оттуда дул сильный

ветер, и вся местность скрылась в пыли. Мы заночевали на постоялом дворе на западном склоне, надеясь на следующий день закончить осмотр его до подножия.

Но пыльный ветер из пустыни разразился за ночь снегом, который продолжал падать; наши китайцы заявили, что лучше вернуться немедленно, так как большой снег совсем скроет тропу на перевале, и они не найдут дорогу. Пришлось повернуть обратно и идти на перевал в густом тумане и под снегом, часто сбиваясь с дороги. Но за перевалом, в верховьях восточного ущелья, снег прекратился, а дальше даже не выпадал.

Перевал имеет 2540 м абс. высоты и поднимается на 750 м над равнинами Алашани и на 1500 м над долиной Желтой реки. Высшие вершины хребта достигают, по Пржевальскому, в этой части его 3000 и 3300 м. По наблюдениям того же путешественника, охотившегося две недели в хребте, в нем обитают марал, кабарга и горный козел (куку-яман), волки, лисицы, зайцы, а из птиц: гриф, коршун, галка, дрозд, куропатка и ушастый фазан. Кабаргу и марала истребляют охотники, первую из-за мускуса, марала из-за рогов, так как и то и другое имеет большое применение в китайской медицине. Маралов бьют весной, когда молодые рога еще мягкие, налитые кровью. Этот промысел развит и в южной Сибири, особенно на Алтае, где маралов ловят и содержат в больших огороженных питомниках, а весной спиливают у самцов рога, которые экспортируются в большом количестве в Китай.

По возвращении в Нин-ся, мы направились по большой дороге вдоль Желтой реки, по населенной и орошаемой местности, которая благодаря этому не знает неурожаев, как лёссовые плато к востоку от реки. Было начало марта, и полевые работы были в полном разгаре; везде пахали, боронили и сеяли „белое“ зерно — пшеницу, просо, кукурузу, которые успевают в июне; после их уборки сеют „черное“ зерно — горох и бобовые, успевающие в сентябре. Установилась вполне весенняя погода, и китайцы работали на полях обнаженные до пояса. Можно было удивляться тщательной обработке земли; после пахоты каждую глыбу почвы разбивали деревянными молотками на мелочь, потом еще дробили и выравнивали поле боронами, снабженными вместо зубьев пучками хвороста, а после посева укатывали поле каменными цилиндрическими или призматическими валиками.

Пролет уток и мелкой птицы уже кончился, летели вдоль Желтой реки стаи журавлей, лебедей и диких гусей, полет которых на север напоминал о родине, находившейся в той же стороне. Желтая река в меридиональных частях своего течения

по обе стороны Ордоса является любимым путем больших стай перелетных водоплавающих птиц, так как дает им возможность отдыхать и кормиться перед огромным перелетом через Монголию, где озера соленые, а рек до Урги нет, если не свернуть западнее к нагорью Хангай. Перелет гусей дал возможность подновить запас провизии, так как антилопы, добытые в Ордосе, были уже съедены.

Несколько дней дорога шла по этой благодатной полосе. К западу от нее на горизонте тянулся еще южный конец Алашанского хребта, сильно понизившийся и представлявший голые, скалистые горы, на склонах кото-

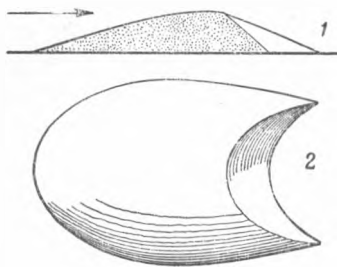

Рис. 45. Типичный бархан;
1 — продольный разрез; 2 —
вид сверху.

рых в бинокль можно было даже различить, как залегают пласты горных пород, образующие разнообразные складки. Понизившийся хребет уже слабо защищает культурную полосу от песков Алашанской пустыни; западные ветры приносят оттуда песок, образующий скопления и отдельные барханы среди полей, почва которых становится более песчаной. Один бархан был настолько типичен, что я об-

мерил его (рис. 45); его форма показала, что он создан западно-северо-западными ветрами.

На третий день пути дорога пересекла невысокую цепь гор, протянувшуюся от Алашанского хребта до Желтой реки, которая пересекает его по длинному, но неглубокому ущелью. За этими горами вдоль реки возобновилась культурная полоса, но гораздо более узкая, ограниченная с запада обрывом столовой возвышенности, над которой еще западнее поднимаются плоские горы Ие-тоу-шань, все еще представляющие продолжение Алашанского хребта. В этой узкой культурной полосе принос песка с запада был еще заметнее, обрыв столовой возвышенности местами совершенно засыпан песками, доходящими в виде барханов до дороги. На правом берегу Желтой реки все время также тянутся горы Нью-тоу-шань с плоскозубчатым гребнем; их западный склон сильно разрезан оврагами.

Долина Желтой реки затем поворачивает на запад, ограничивая с юга горы Ие-тоу-шань, которые сильно засыпаны наступающими с запада песками. Выше г. Чжун-вей культурная полоса вдоль реки кончается, и на всем протяжении до г. Лань-чжоу река пересекает несколько хребтов системы Нань-шаня,

часто образуя пороги; в долине ее мало места для поселения. Наша дорога также уходила от реки, пересекала опять Великую стену и переваливала через большую площадь барханных песков, составляющую окраину сплошной песчаной пустыни Тын-гери, которая занимает южную часть Алашани и здесь доходит до Желтой реки. По этой окраине и вдоль подножия северной цепи Нань-шаня мы шли три дня от г. Чжун-вей; местность пустынная, с редкими и небольшими поселками; на одном из ночлегов брали даже деньги за воду для людей и животных, так как ее доставляют из источника за 4—5 км. Северная цепь Нань-шаня представляет довольно плоские горы, безлесные и безводные. Затем дорога повернула почти на юг, и шесть дней мы пересекали эти горы. Нань-шань состоит из ряда отдельных горных хребтов, но ни один из них не имеет общего названия на всем протяжении. Местное население — китайцы, монголы, тангуты — дают названия только некоторым частям каждого хребта или отдельным вершинам. Китайцы называют также всю систему „Нань-шань“, т. е. южные горы. Поэтому европейским путешественникам приходилось давать названия каждому хребту в отдельности. Северную цепь я назвал хребтом Рихтгофена в честь известного геолога, исследовавшего большую часть Китая, автора прекрасного сочинения „China“.

Эта восточная часть Нань-шаня не живописна; плоские горы, с пологими склонами, покрытыми лёссом и поросшими травой и мелкими кустами; они даже не образуют определенные цепи, а расплываются в широкие группы и короткие гряды; только в одном месте к западу от дороги остался высокий, но короткий кряж Ши-чо-цзе-шань, поднятый на 1500 м над дорогой и состоящий из двух цепей, на которых еще лежал снег. Селения встречались редко на небольших ручьях и ключах, из которых орошались участки полей; но чаще они добывали воду из колодцев. Между горами местность представляла широкие котловины и холмы. Ближе к г. Лань-чжоу населенность увеличилась, и было видно много пашен, уже засеянных, но еще без всходов. Я обратил внимание на то, что лёссовая почва их довольно густо усеяна галькой и мелкими валунами и усеяна нарочно; земледельцы добывают их шурфами, глубиной в 4—8 м, из слоя галечника, подстилающего лёсс. Как я узнал в Лань-чжоу, это оригинальная мера от засухи, от которой часто страдает этот край: галька предохраняет почву от быстрого высыхания, а также от развевания ветрами. Китайцы полагают, что только известные породы камней обладают этим свойством, и поэтому сортируют добываемую гальку; кроме того, они считают, что камни со временем теряют это свойство и гальку

нужно заменять свежей. Англичанин Рокгилль, прошедший по этой же дороге, также заметил этот своеобразный обычай и отметил, что камнем усыпают, главным образом, поля, засеянные маком для получения опиума, что камни сохраняют в почве сырость и предохраняют ее от развевания (до всхода растений) и что их нужно менять каждый год.

Последний переход был наиболее интересен; вблизи Желтой реки начались глубокие овраги, и на их склонах из-под лёсса

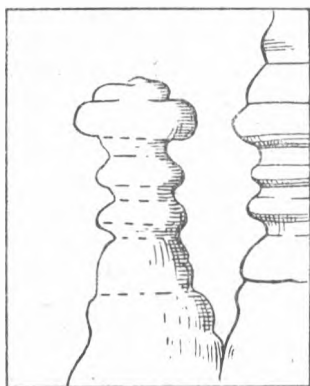

Рис. 46. Столбы выветривания и развевания в красных песчаниках.

выступали красные песчаники, глины и конгломераты, образуя различные утесы в виде стен и башен (рис. 46). Затем мы спустились в долину Желтой реки против г. Лань-чжоу и перешли реку по мосту, единственному в то время в Северном Китае и считавшемуся чудом техники. Это чудо состояло из целого ряда лодок (понтонных), не укрепленных на якорях, а соединенных друг с другом толстыми канатами и цепями, привязанными к столбам на берегах. Поэтому мост силой течения был изогнут в виде дуги, и помост, лежавший на канатах, не мог быть закреплен, а состоял из настила жердей и тонких бревен, которые раздвигались и

плясали под ногами животных. Ширина реки была около 200 м; вода — мутная, буро-желтая.

Миновав мост, мы обогнули стены города с запада и юга и остановились в бельгийской миссии, расположенной в восточной части южного предместья.

Лань-чжоу, столица провинции Гань-су, большой и оживленный город, расположенный на правом берегу Желтой реки, на абс. высоте около 1550 м, т. е. на высоте монгольского плато над Калганом. Широкая долина с юга ограничена крутыми обрывами предгорий хр. Гуань-шань, покрытых лёссом и достигающих 400—500 м над долиной, которые были хорошо видны с плоской крыши миссии. На нижней части склона, где из-под лёсса выступают третичные красные песчаники и конгломераты, расположены буддийские кумирни и отдельные домики, а у подножья — целые селения (рис. 47).

Большое затруднение оказалось при получении денег, переведенных из русского посольства в Пекине в Лань-чжоу на даль-

нейшие расходы по путешествию. Деньги были переведены вскоре после моего отъезда, но в ямыне китайского генерал-губернатора Гань-су отрицали получение их.

Вся процедура справок по разным ямыням города, где можно было предполагать распоряжение из Пекина, отправка телеграммы в посольство и получение денег заняли 10 дней.

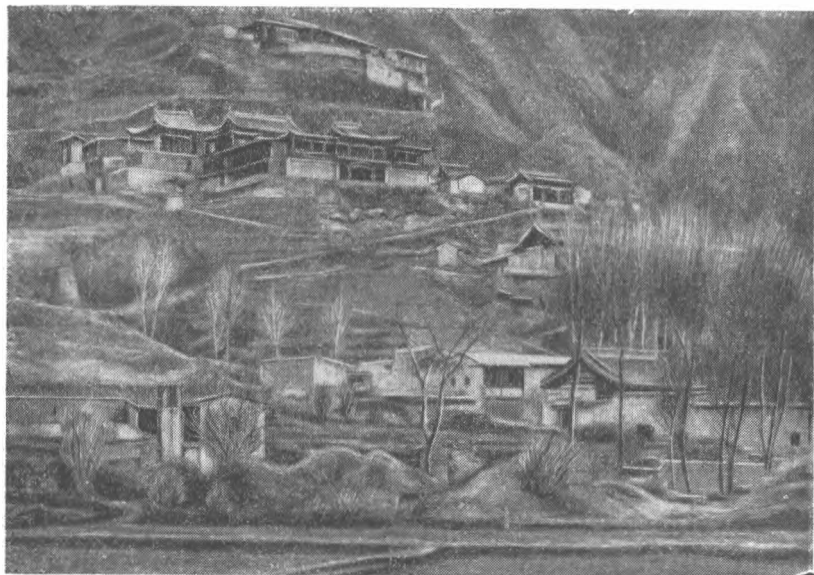

Рис. 47. Обрыв предгорий хр. Гуань-шань к долине Желтой реки у г. Лань-чжоу: у подножия обрыва китайские кумирни.

Второе затруднение состояло в приискании нового посредника для дальнейшего пути. В Лань-чжоу происходил насильственный наем перевозочных средств для доставки военных припасов и принадлежностей телеграфа в Кульджу, на западной границе Китая. Деньги, ассигнованные правительством на оплату транспорта, по обычаю сильно растаяли в карманах мандаринов, пока дошли до Лань-чжоу. Поэтому возчиков заставляли везти казенный груз за самую ничтожную плату, еле достаточную для прокорма животных и людей. На всех постоянных дворах полицейские караулили прибывавшие караваны и повозки и препровождали их в ямынь. Слух об этом, конечно, разошелся по окрестностям, и караваны сгружали кладь в ближайших

деревнях и прятались до окончания этой напасти. Поэтому для меня удалось найти возчиков с достаточным количеством мулов с трудом и за дорогую цену и ходатайствовать еще в ямыне, чтобы не захватили нанятых животных, когда они придут в

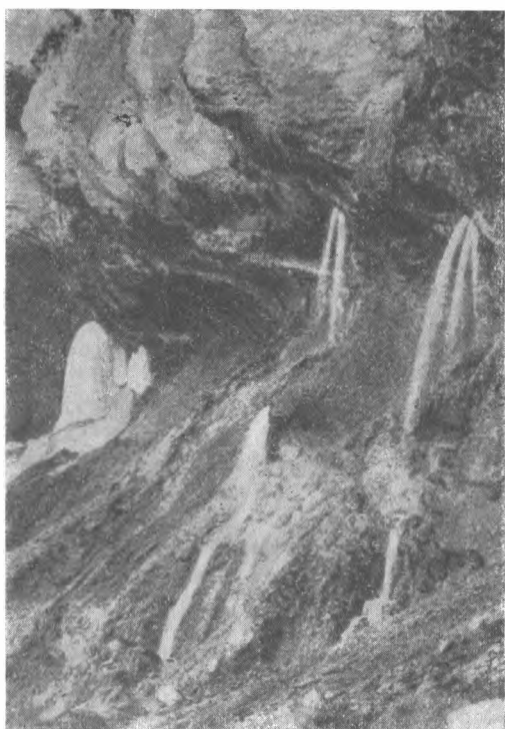

Рис. 48. Источники, вытекающие из-под красных конгломератов в нижней части обрыва хр. Гуань-шань против г. Лань-чжоу.

город. Эти хлопоты заняли еще 5 дней, так как ранее получения денег я не мог начинать переговоры и назначать день отъезда.

Из-за этих хлопот не удалось сделать более далекие экскурсии, и только один раз мы с миссионером прогулялись к кумирням нижней части правого склона долины, где я осмотрел выходы красных песчаников и конгломератов, интересные тем,

что из них в разных местах вытекают источники (рис. 48), вода которых вертит колеса небольших мельниц, а затем идет на орошение полей многочисленных селений на дне долины. Для водоснабжения города на берегу Желтой реки поставлено огромное колесо, к ободу которого прикреплены кувшины; колесо вертит сила течения, а вода из кувшинов сливается по жолобу в канал, по которому она течет за городскую стену в

Рис. 49. Колесо для водоснабжения города на берегу Желтой реки.

бассейны, где отстаивается. Но так как колесо поставлено на определенном уровне, то при мелководье оно уже не может черпать воду, и тогда нанимают людей, которые черпают воду ведрами в реке и льют ее в жолоб. Это своеобразное водоснабжение большого города возможно только в Китае, где труд человека ценится очень низко (рис. 49).

Глава седьмая

ПО ОАЗИСАМ ПРОВИНЦИИ ГАНЬ-СУ

Отъезд из Лань-чжоу. Живописные холмы. Китайское войско. Соляной промысел. Долина р. Чагрын-гол. Перевал через Нань-шань. Город Лян-чжоу. Резиденция Си-сянь. Неудачный колодезь. Китайские углекопы и их заработок. Пояс оазисов. Миссия Сю-дья-чуань. Еще углекопы. Пища бедного китайца. Город Гань-чжоу. Дорога в Су-чжоу. Первый европеец в г. Чжен-фань. Пыльная буря. Окраина пустыни. Бельгнец в роли китайского мандарина.

Наконец мои сборы в Лян-чжоу кончились. Теперь мне предстоял путь по западной части Гань-су, сначала через горные цепи Нань-шаня, а затем по культурной полосе, вдоль северного подножия этой горной системы до г. Су-чжоу, откуда я собирался начать исследование Нань-шаня. Этот же путь с некоторыми изменениями я вторично проделал весной следующего года и, во избежание повторений, соединяю наблюдения обоих лет в одной главе.

Утром 30 марта вновь нанятый возчик, избегнувший благодаря этому реквизиции под перевозку телеграфной проволоки, пригнал своих мулов в миссию, завьючил их, и мы тронулись в путь. Обогнули город, миновали мост „чудо техники“, несколько верст ехали вдоль левого берега Желтой реки у подножия холмов и затем свернули в глубь их. В этой части они оказались еще интереснее, чем на нашем пути в Лань-чжоу. Глубокие долины прорезали не только толщу лёсса, но и подстилающие третичные красные песчаники, глины и конгломераты, которые образовали на склонах холмов разнообразные столбы, башни и карнизы.

В одном месте среди долины стоял высокий холм, похожий на древний замок, сооруженный человеком, вроде парижской Бастилии, с угловыми башнями и стенами красного

цвета и желтой крышей, которую образовала толща лёсса (рис. 50).

В довершение картины нас обогнал в этой долине отряд китайских солдат, который двигался под звуки барабанов и дудок в облаке пыли словно на штурм этой крепости. Солдаты шли не в строю, а толпой, вразброд; они были одеты в черные или синие куртки, такие же панталоны и обуты в обычные башмаки из ткани с толстой подошвой; на спине и груди каждого

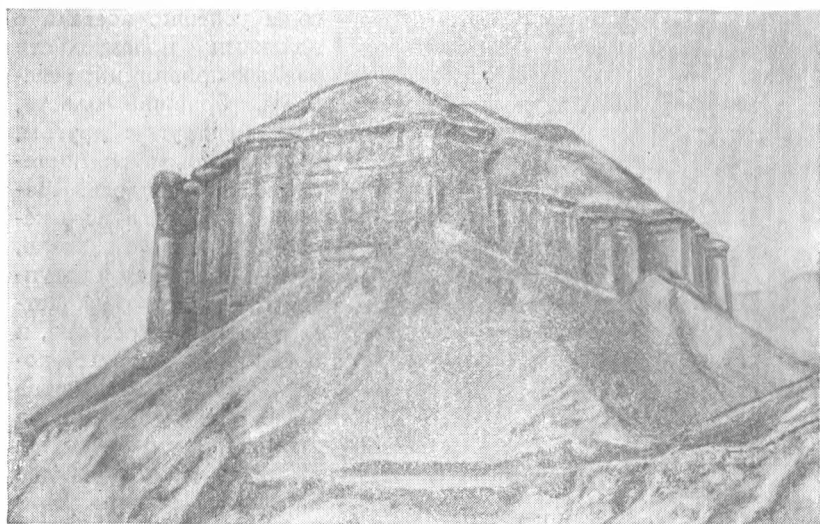

Рис. 50. Холм красных песчаников, покрытых лёссом, напоминающий древний замок, в горах к северу от г. Лань-чжоу.

были нашиты крупные иероглифы, черные или красные на белом или желтом фоне (рис. 51). Головной убор одних состоял из платка или повязки вроде тюрбана, у других из черной ермолки обычного типа, у третьих из шляпы, похожей на кокошник. Оружие было разнообразное — у одних пики, у других ружья разных образцов, у третьих даже лук и стрелы в колчане. Офицер ехал верхом на некотором расстоянии позади, очевидно, спасаясь от пыли, которую поднимал его отряд.

При виде этого войска и его вооружения я вспомнил характерную китайскую пословицу: „Из хорошего железа не делают гвоздей, из хороших людей не делают солдат“. В те годы китайское войско было наемное и вербовалось из людей, соблазненных скудным жалованьем при почти полном безделье. Немудрено,

что это войско терпело поражения при столкновении с армиями европейцев, а позже и японцев и имело скромные успехи только в гражданской войне при подавлении восстаний тайпингов, дунган и др., впрочем затягивавшихся на целые годы. Приведенная пословица характеризует миролюбие народа, его отвращение к военному делу. Но с тех пор многое в Китае изменилось.

Рис. 51. Китайские солдаты в конце XIX столетия (рисунок китайского художника).

Красная армия, организованная после революции, целые годы успешно воевала с войсками правительств разных провинций; генералы, бравшие власть, воевали друг с другом, и качество войск постепенно повышалось. Наконец, японское вторжение в Китай показало, что миролюбием и уступками только возбуждается жадность агрессора, и после нескольких лет колебаний правительство начало сопротивление, а весь народ, охваченный патриотизмом, поднялся на защиту родины. Войско превратилось из наемного в добровольческое из лучших людей и доказало, несмотря на

превосходство японцев в технических средствах, что окончательный успех зависит от морального состояния армии.

По такой местности, сложенной из красных третичных отложений, покрытых лёссом, и расчлененной на холмы, мы шли два дня. На второй день видели добычу соли посредством испарения солоноватой воды источников, заимствующих соль из третичных отложений, в плоских бассейнах, расположенных уступами на дне долины; в них осаждался сначала гипс, затем сернокислый магний (кизерит) и (сверху) поваренная соль, которую выгребали и складывали небольшими кучами для просушки, а затем хранили в землянках, стенки которых были сложены из плит гипса и кизерита, выломанных из бассей-

нов для их очистки перед новым наполнением. Во всей этой местности вода в колодцах селений и ручейках также была солоноватая.

На третий день дорога вышла в долину большой реки Чагрын-гол, достигавшей 1—2 км ширины и сплошь занятой пашнями, селениями и фруктовыми садами, за исключением самого дна, где река течет, дробясь на рукава между островами и болотистыми лугами. Дорога была частью обсажена ивами и тополями. Горы обоих склонов плоские, покрытые лёссом, но

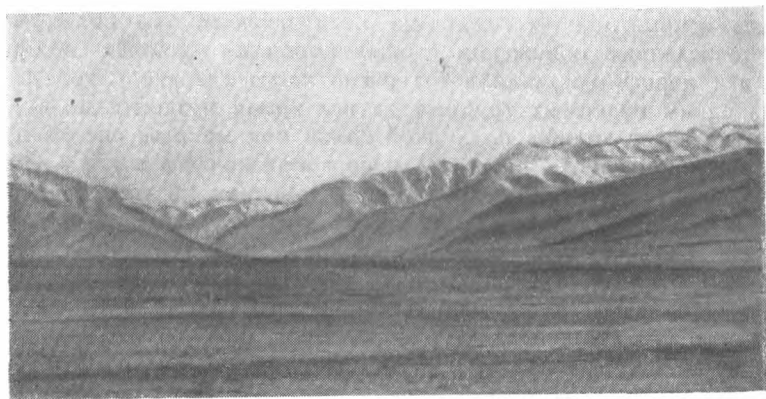

Рис. 52. Цепи Восточного Нань-шаня. Вид на юг, вверх по правому притоку р. Чагрын-гол.

от г. Пин-фань повышались, на них видны были выходы красных и зеленых пород; на склонах местами живописно расположены кумирни. Вдали на севере тянулся высокий Момо-шань, скрытый тучами. Долина местами суживалась и становилась мало населенной. Вдоль дороги тянулась Великая стена, сложенная из кирпича-сырца, с редкими глинобитными башнями и многочисленными брешами. Затем горы еще повысились, и в боковых долинах правого склона, направленных на юг, открыли вид на несколько рядов зубчатых цепей, на которых лежало еще много снега (рис. 52).

В одном из селений, где мы хотели ночевать, все постоянные дворы были заняты солдатами отряда, сопровождавшего генерал-губернатора Гань-су в его поездке в Су-чжоу; пришлось разбить палатку среди развалин на окраине и ближе познакомиться с грубостью и назойливостью наемного войска, жалким состоянием его вооружения и пестротой одежды.

Из долины Чагрын-гола дорога поднялась на перевал через хр. Момо-шань, один из кряжей самой северной цепи Нань-шаня — хр. Рихтгофена; подъем не труден, хотя перевал достигал 3000 м абс. высоты. В это время надвинулись густые тучи, скрывшие окружающие горы, а на спуске нас захватила сильная метель — 5 апреля ст. ст. — и заставила раньше остановиться на ночлег. Снег продолжался и на следующий день, и лёссовая почва дороги превратилась в глубокую липкую грязь. Дорога шла по узкой долине северного склона, но горы были скрыты тучами. Мой мул все время скользил по грязи, что делало езду очень неприятной. Я предпочел идти пешком, тем более, что многочисленные обнажения горных пород на склонах долины вблизи дороги заставляли бы очень часто слезать. Этот день был одним из самых трудных за все время путешествия — несколько часов ходьбы по липкой грязи под мокрым снегом при напряженной работе. Снег шел и во время ночлега в г. Гу-лань-сянь, а на следующий день, когда мы вышли из гор, он перешел в дождь. Только к последнему переходу к г. Лян-чжоу погода разъяснилась, тучи разошлись, и с равнины перед городом открылся великолепный вид на зубчатую северную цепь Нань-шаня, на $\frac{2}{3}$ покрытую свежим снегом и протянувшуюся в обе стороны за горизонт. Бросилась в глаза разница в успехах весны здесь и в Лань-чжоу, расположенном на той же абс. высоте, но на 2° южнее и под защитой гор от ветров из Монголии.

В Лань-чжоу уже две недели тому назад цвели абрикосы и персики, распустились почки, а на полях зеленели всходы хлеба. Около Лян-чжоу только что пробивалась молодая трава, а деревья были еще голые, а это под 38° с. ш., т. е. на широте Греции, Южной Италии и Испании и 8/20 апреля, но зато на абс. высоте 1560 м и на окраине пустынь обширной Монголии.

На следующий год, также в апреле, я пересек Восточный Нань-шань по более восточному пути от г. Пин-фань до г. Да-цзин, откуда вышел в г. Лян-чжоу вдоль северного подножия гор. Этот маршрут дал много для изучения геологии гор и их рельефа, но мало общеинтересных впечатлений. Цепи Нань-шаня в этой части ниже, склоны более пологие, покров лёсса развит больше, местность менее населенная, встречалось много развалин. Как я узнал, малонаселенность этой части Нань-шаня, а также южной окраины Ордоса к западу от миссии Сяо-чао — последствие многолетнего восстания дунган и его усмирения, во время которого погибло много людей и целые селения опустели. Судя по описанию пути через Восточный Нань-шань путеше-

ственника Пясецкого, за 20 лет, истекшие с тех пор, страна еще не вполне оправилась от этих последствий.

На этом пути погода также не очень благоприятствовала нам: один раз нас захватила в дороге сильная гроза с проливным дождем, а у северного подножия северной цепи нас встретил пыльный ветер из Алашанской пустыни, горы скрылись в пыли. Он дул два дня и принес наконец дождь и снег — обычное явление в Центральной Азии и на ее окраинах, особенно весной, когда погода резко меняется в короткое время. Кроме того, при переходе через оросительный канал с одного выюка упала в воду сума с собранной коллекцией, и пришлось остановиться на ночевку уже в полдень, чтобы поскорее развернуть и высушить образчики и их ярлычки. Северное подножие и в этой части страдает от заносов песка из пустыни.

В г. Лян-чжоу мы оба раза останавливались в бельгийской миссии, и я ездил 15 км за город на запад в сел. Си-сянь у подножия гор, где находилась резиденция бельгийского епископа викариата Гань-су, которому нужно было сделать визит и поблагодарить за содействие, оказанное мне. Во время пребывания в резиденции я сделал экскурсию в соседние горы Си-лян-шань. В резиденции нет ни колодца, ни проточной воды, а воду берут из маленького пруда, пополняемого дождевой и снеговой водой. Пробовали рыть колодец, прорыли уже 30 м, не встречая водоносного слоя, когда несчастный случай — обвал, задавивший одного рабочего, заставил прекратить работу. Колодец рыли китайцы, которые в горных работах проявляют большую беспечность, почти не употребляя крепления для выработок. Епископ просил меня указать более благоприятное место, но я мог только объяснить, что вокруг резиденции, расположенной у подножия высокой цепи Нань-шаня, грунтовую воду наверное можно встретить только на большой глубине под наносами песков и галечников, отложенных потоками с гор, толщину которых определить на-глаз невозможно. Проще было бы вывести воду каналом из р. Да-хэ, вытекающей из гор западнее резиденции, но эта речка вся расходовалась на орошение полей соседних селений.

Вернувшись в Лян-чжоу, я решил освободиться от наемных средств передвижения, стеснявших мою работу; поэтому большую часть багажа отправил на двух нанятых телегах прямо в г. Су-чжоу в сопровождении китайца, рекомендованного мне миссионерами, а сам купил лошадей и в сопровождении Цок-тоева и другого китайца, говорившего немного по-русски, выехал с легким выюком сначала опять в Си-сянь, чтобы пройти оттуда

в горы для осмотра каменноугольных копей. В этих копиях уголь добывают наклонными шахтами, проведенными по падению пластов угля, которые то утолщаются до 1—1,2 м, то утоньшаются до 35 см, поэтому и шахты очень узки и извилисты. Я попробовал спуститься в одну шахту: она уходила вглубь под углом в 60—70°, то расширяясь до 2—3 м, то превращаясь почти в щель, по которой приходилось извиваться между выступами камня. Лестницей служили колышки, вбитые в трещины и эти выступы, отполированные ногами рудокопов. Крепления не было, если не считать распорки и обрубки, которыми кое-где были подперты камни, угрожавшие падением.

На глубине нескольких сажен стало уже темно. Я убедился, что дальнейший спуск без проводника и освещения слишком рискован, и вылез назад. Но эта попытка показала, в каких ужасных условиях китайцы добывали уголь; они выносили его в небольших корзинках, вмещающих не более пуда. Для освещения в глубине служили ночники — черепки с маслом и фитилем. Добытый уголь насыпали в длинные мешки, вмещающие 4—5 пудов, что составляло вьюк осла или половину вьюка мула. За такой мешок на месте платили 50 чохов. Чтобы выручить эту сумму, китаец должен был 4—5 раз спуститься в свою ужасную шахту, наломать уголь и столько же раз подняться с корзиной. Но эта сумма наверно не попадала даже полностью в руки рудокопа, так как шахты были большею частью в аренде у мелких капиталистов, которые нанимали рабочих. Как мне сказали, дневной заработок колебался от 150 до 250 чохов, т. е. 20—37 копеек. Хотя жизнь в Китае в то время была очень дешева, но на такой заработок можно было существовать с семьей только с трудом.

Окончив эту экскурсию, я выехал из гор на большую дорогу, идущую из Лян-чжоу в следующий крупный город этой части Гань-су, именно Гань-чжоу. Она пролегает по населенной и культурной полосе между подножием Нань-шаня и цепью более низких гор, имеющих разные названия, но вообще обозначаемых Бей-шань, т. е. северные горы, в противоположность южным, Нань-шаню. Эти горы отделяют культурную полосу, обеспеченную водой рек и речек, текущих из высокого и снегового Нань-шаня, от маловодной Алашанской пустыни. По дороге много селений, немало развалин, два городка; пашни и рощи чередуются с каменистыми или солончаковыми пустырями. Между городками Юн-чен и Шан-дань почти все пространство между теми и другими горами занято более низкими кряжами и группами гор и холмов, и здесь вдоль дороги тянется Великая стена в обычном разрушенном состоянии.

В этом промежутке среди холмов расположена миссия Сю-дья-чуань; я провел у миссионера 6 дней и вместе с ним совершил несколько экскурсий по окрестным горам, в которых расположено много угольных копей.

Окружающие местность холмы представляют северные предгорья хребта Тей-хуан-шань. Абс. высота миссии 2100 м, т. е. на 600 м выше, чем соседние оазисы на большой дороге. Поэтому здесь было заметно холоднее, и во время экскурсий 25 апреля ст. ст. нас дважды захватил большой снег, пролежавший целый день; пашни на склонах хребта нередко страдают от весенних заморозков. Ветры с северо-запада приносят густую пыль, а восточные, дующие летом с Алашанских песков, удушливую жару. Миссионер охотно вызвался быть моим проводником при экскурсиях, что, конечно, облегчило мою работу. Он показал мне два места, где находилась ископаемая фауна каменноугольного периода, которая позволила определить возраст угленосной формации. От него же я узнал, что углекопы получали от арендатора копей 2000 чохов, т. е. около 3 руб. в месяц, на хозяйских харчах и должны были добывать ежедневно 40 корзин угля, весом около 2 пуд. каждая; такая корзина на месте продавалась за 25 чохов, так что углекоп за два дня отработывал всю месячную плату, а остальные дни работал за свои харчи, за которые хозяин, таким образом, получал около 40 рублей в виде угля. Впрочем, углекоп получал еще масло для ночника, освещающего копь и уголь, который мог добывать для себя сверх указанной нормы.

Пища углекопов, как и большинства китайцев-земледельцев и рабочих, очень простая и однообразная: она состояла из жидкой пшенной каши или из вареных кусочков теста, сдобренных луком или солеными овощами; изредка ее разнообразили картофель, капуста и гуамянь (вермишель из гороховой муки); рис, паровые булочки составляли уже лакомство, а мясо китаец имел только в новогодние праздники.

Одна из копей, благодаря пологому залеганию угольных пластов, была легко доступна для осмотра.

Наклонная шахта представляла довольно просторную галерею, уходившую вглубь и снабженную ступенями, вырубленными в песчанике, подстилавшем уголь. Из этой галлерей в обе стороны шли горизонтальные штреки по углю, в конце которых его и добывали. Отсутствие крепления заставляло оставлять между каждыми двумя соседними штреками промежутков такой же ширины, поддерживавший кровлю, так что половина всего количества угля не вынималась из копи и пропадала. Благодаря однообразной толщине пласта и пологому залеганию эта копь не

производила того жуткого впечатления, как виденные в других местах. Но так как толщина угля доходила почти до метра, то высота штреков была только немногим больше, и по ним можно было ходить сильно согнувшись. Уголь по штрекам вытаскивали мальчики на салазках до наклонной шахты, где пересыпали его в корзины, в которых и выносили наверх.

Я выехал опять на большую дорогу и через два дня прибыл в Гань-чжоу. На этом пути опять можно было сделать наблюдения, что густая пыль в воздухе предшествует сильному ветру.

Рис. 53. Пруды, заросли и кумирня внутри г. Гань-чжоу.

В первый день эта пыль была так густа, что очень близкие северные горы, не говоря уже о более далеком Нань-шане, не были видны. На следующий день с утра подул сильный ветер, который вскоре перешел в бурю, хый-фын; в 20 шагах предметы трудно было различить, и день превратился в сумерки. К полдню буря утихла, и воздух немного очистился.

В Гань-чжоу я заехал в бельгийскую миссию и провел в ней три дня. Остановка была вызвана тем, что по дороге перед миссией Сю-дя-чуань околела одна из лошадей, купленных в Лян-чжоу, а в миссии другая, обе от воспаления легких. Они, очевидно, были уже куплены больными, сбыты проезжему иностранцу. В миссии пришлось уже купить новую лошадь, а для багажа нанять повозку. В Гань-чжоу я хотел купить еще ло-

шадь, но подходящей не нашлось, и я нанял опять повозку для багажа, что позволило ехать дальше скорее, но заставило держаться большой дороги, не отклоняясь далеко в стороны, как на пути из Лян-чжоу в Гань-чжоу.

Упомяну, что на обоих ночлегах, где у меня околели лошади, их смерть доставила местным китайцам большой праздник, так как они съели мясо полностью, не считаясь с тем, что лошади были больные.

Гань-чжоу — большой город среди равнины, обильно орошенной и с многочисленными прудами и озерами, полузаросшими высоким камышом. В городе также много прудов с камышом и каналов (рис. 53). Воду дают в изобилии рукава большой реки Хый-хэ, вытекающей из ледников Нань-шаня. Благодаря обилию воды и растительность богатая, но город нездоровый. Ассенизация отсутствовала, пруды были загрязнены всякими отбросами, даже падалью, и в городе летом свирепствовали лихорадки, тиф, горловые и кишечные болезни.

Интересные сведения о правильном колебании уровня почвенной воды в Гань-чжоу сообщил мне миссионер: в марте и в октябре уровень воды в прудах и колодцах поднимается метра на полтора выше минимума, которого достигает в начале лета и в середине зимы. В это время пол в комнатах становится сырым, а большая дорога в Су-чжоу непроходимой из-за грязи вследствие размокания солончаков. Это, очевидно, следствие весеннего таяния снегов и летнего таяния ледников в горах Нань-шаня. Максимум развития заразных болезней в Гань-чжоу следовал за летним минимумом уровня почвенной воды.

Большая дорога из Гань-чжоу в Су-чжоу представляла мало интересного; местность была хорошо населена и обработана только вблизи Гань-чжоу и следующего городка Гао-тэй, а на остальном пространстве сначала изобиловала площадками сыпучих песков, а перед оазисом Су-чжоу шла два дня по обширной солонцовой степи с солончаками и участками песков; в одном месте из озера даже добывалась соль.

Нань-шань на всем протяжении представляет высокий хребт в 5—6 тысяч м с многочисленными снежными вершинами и короткими ледниками, дающими начало речкам, которые, впрочем, не доходят до большой дороги и даже до окраины солонцовой степи, очевидно, созданной их подземным продолжением, судя по вышеуказанному размоканию в марте и октябре.

Между Гань-чжоу и Гао-тэй впереди Нань-шаня выдвинуты еще три кулисообразно расположенные менее высокие цепи. С другой стороны Бей-шань, т. е. северные горы, тянутся все время на близком горизонте; они очень скалистые, зубчатые,

совершенно пустынные. Сначала они отделены от дороги рекой Хый-хэ, которая затем прорывает их ущельем и уходит в пустыню; далее эти горы подступают совсем близко к солонцовым степям. Пыльная атмосфера часто делала Нань-шань плохо видимым, а два раза пыльная буря скрывала от нас не только его, но и северные горы.

Обширный оазис Су-чжоу менее богат водой и растительностью, чем оазис Гань-чжоу; он орошен довольно большими реками Лин-шуй и Да-бей-хэ, вырывающимися из ущелий Нань-шаня и образующими затем вместе с р. Хый-хэ реку Эцзин-гол, уходящую в глубь Центральной Монголии.

В Су-чжоу я остановился за городом в доме бельгийца на китайской службе Сплингерда, чтобы организовать поездку в глубь Нань-шаня. Но сначала нужно сказать еще о наблюдениях, сделанных при больших боковых заездах в следующем году на том же пути из Лян-чжоу в Су-чжоу.

В этот раз у меня был уже собственный караван из верблюдов для багажа и верховых лошадей.

Из Лян-чжоу я направился на север вдоль течения р. Хун-хэ в г. Чжен-фань на окраине Алашанской пустыни, где рассчитывал обменять уставших верблюдов на свежих. Дорога шла сначала по продолжению оазиса, а затем по окраине луговой и болотной низины, по которой течет река. По правому берегу последней тянется Великая стена, а за ней видны барханные пески Алашани. На третий день мы пришли в город; так как он стоит далеко в стороне от больших дорог, то до меня в нем не был ни один европеец, и его жители встретили меня, впервые за время путешествия, не очень дружелюбно. Хозяева постоянных дворов не хотели пускать к себе караван, отговариваясь отсутствием свободных комнат. В поисках приюта мы пространствовали по всем улицам в сопровождении толпы зевак и, наконец, нашли комнаты на постоялом дворе восточной окраины. Во двор вслед за нами ввалилась толпа и стала осаждать дверь отведенной мне комнатки; когда я запер ее, любопытные стали бросать в нее комья глины. Из опасения крупных эксцессов мне пришлось в первый и единственный раз послать своего китайского слугу со своим паспортом к местному начальнику за помощью; он прислал полицейских, очистивших двор от слишком назойливых зевак и затем карауливших ворота.

Мне не удалось ни обменять верблюдов, ни купить свежих; продавцы боялись, что серебро «заморского чорта» превратится в их руках в чугун. За целый день поисков удалось купить только одного осла, и уплаченные за него кусочки серебра были проверены чуть ли не во всех меняльных лавках городка, где

их ковали и резали, чтобы убедиться, что серебро настоящее. Я хотел найти также проводника к расположенным где-то севернее города угольным копям, из которых в Лян-чжоу привозят особенно хороший уголь, виденный мною у миссионеров. Но никто не хотел наняться, вероятно, по внушению властей, желавших скорее избавиться от беспокойных гостей. Китайцы уверяли, что копи находятся не севернее города, а на большой дороге в Гань-чжоу, по которой я хотел направиться дальше, и что их легко найти.

Таким образом, посещение г. Чжен-фань не дало желаемых результатов и оставило неприятные воспоминания. Но зато на дальнейшем пути в Гань-чжоу я видел окраину пустыни. Этот путь пролегает сначала севернее Северных гор, ограничивающих культурную полосу, а затем пересекает их и выходит к г. Юнчен в этой полосе. Мы направились из Чжен-фаня на запад, и за площадью полей, орошенных из речки, сразу попали в бугристые и барханные пески, исследованию которых была посвящена вторая половина дня. Далее шла пустынная равнина со скудной растительностью и отдельными площадями песков; изредка попадались уединенные постоялые дворы. На одном из них пришлось простоять целый следующий день, так как ночью началась песчаная буря, продолжавшаяся и утром. Воздух был так наполнен пылью и песком, что идти против ветра было невозможно: навстречу неслись целые тучи песка. Под вечер поил дождь, сменившийся снегом (26 апреля ст. ст.), и ветер начал стихать. Эта буря служила ярким опровержением мнения некоторых географов, которые уверяют, что пыль, из которой создается лёсс, не приносится из пустынь и что пыльные бури образуются только там, где человек разрыхлил почву своими пашнями и где пролегают дороги, с которых ветер поднимает пыль. Описанная пыльная буря налетела с северо-запада из пустыни, где нет ни пашен, ни больших дорог и где почва не состоит из лёсса. Подобные же бури я наблюдал неоднократно в разных частях Центральной Азии, где также не было ни пашен, ни колесных дорог.

Через пять дней мы пришли в маленький оазис с городком Нин-юань-пу, орошенный речкой, которая прорывается ущельем через Северные горы и кончается, как и р. Хун-хэ, в небольшом озере дальше в пустыне, но гораздо ближе, чем было показано на картах, которые, вероятно, были основаны на старинных китайских картах, преувеличивавших расстояния. Впрочем возможно предположить, что в старину вода этих речек меньше расходовалась на орошение полей, так как население было меньше, и потому могла выбегать дальше в пустыню.

Пересечение Северных гор, здесь называемых Лун-шань (Драконовы горы), по ущелью р. Юн-нин-хэ, дало много геологических наблюдений, но особого интереса для описания не представило.

Из следующего городка Шань-дань-сянь я сделал еще экскурсию в Северные горы и обнаружил, что здесь позади того хребта, гребень которого виден из культурной полосы, находятся еще горные цепи, пересеченные долиной небольшой речки, начинающейся за передовой цепью, что на северном склоне последней имеется какой-то лес и что равнины Алашани расположены значительно дальше.

Недалеко от г. Шань-дань-сянь обращает на себя внимание колоссальная статуя Будды, высеченная в отвесном обрыве гранитных холмов; она имеет около 15 м высоты, так что голова ее находится на одном уровне с вершинами деревьев, а крыши зданий кумирни Да-хуа-ссы доходят ей только до колен.

На пространстве между Гань-чжоу и Су-чжоу я на второй год сделал экскурсию в глубь цепей, выдвинутых кулисообразно впереди Нань-шаня против г. Гао-тей и прошел далее по подгорной дороге ближе к подножию Нань-шаня. На ней расположены небольшие селения и пашни, орошаемые речками, вытекающими из гор, так что местность более населена, чем солонцовая степь, которую пересекает большая дорога. Но и здесь есть отдельные площади сыпучих песков, материал которых частью принесен из Алашанской пустыни и отложен у подножия горного барьера, отчасти представляет продукт развевания почвы солонцовой степи в сухое время года.

По дороге между г. Шань-дань-сянь и Су-чжоу мы и в этом году испытали несколько пыльных бурь, вслед за которыми выпадал дождь или снег (даже в начале мая). Бури всегда налетали с северо-запада, со стороны пустыни.

Глава восьмая

В ГОСТЯХ У П. СПЛИНГЕРДА

Начальная школа. Сущность китайской учености. Ученые степени и длинный путь их получения. Трудности изучения китайского языка. Иероглифическое письмо. Городская тюрьма и методы наказания. Китайский званый обед. Любимая игра за обедом. Бой сверчков.

В Су-чжоу я, как упомянуто, поместился в ямыне П. Сплингерда, с личностью которого считаю нужным познакомить читателя. Родом бельгиец, он попал в Китай в шестидесятых годах вместе с первыми бельгийскими миссионерами в качестве слуги; затем перешел в прусское посольство в Пекине, выучился говорить по-китайски и сопровождал в качестве переводчика немецкого исследователя Рихтгофена во всех его путешествиях по Китаю. Это дало ему большое знакомство с разными частями государства, а в сношениях с китайскими властями и с населением он обнаружил свои дипломатические способности.

Рихтгофен был очень доволен им и рекомендовал его европейским торговым домам, в качестве агента которых он несколько лет скупал шерсть и кожи в Монголии, продавал хлопчатобумажные товары и приобрел репутацию честного и одаренного человека. Ли-хун-чжан, генерал-губернатор провинции Чжили и крупный сановник при дворе богдыхана, которого называли китайским Бисмарком, обратил внимание на Сплингерда и помог ему получить должность таможенного чиновника в г. Су-чжоу, где ему поручался также разбор тяжб между китайцами, монголами и тюрками. Таким образом, бельгиец сделался китайским мандарином, заведывал также городской оспопрививочной станцией и считался городским хирургом, так как у миссионеров научился более простым операциям. Он женился на китайке, воспитаннице миссионеров, и имел трех сыновей и семь дочерей.

Среди китайского населения он пользовался репутацией справедливого и бескорыстного чиновника; после десятилетнего

Рис. 54. Знатная девушка в парадном костюме с веером пребывания его в Су-чжоу население поднесло ему парадный зонт с многочисленными лентами, на которых были написаны имена подносителей (рис. 60).

Сплингерд как судья хорошо знал китайские законы, а как наблюдатель, видевший почти весь Китай, кроме крайнего юга, был знаком с китайскими нравами и обычаями, со всем укладом жизни от простолюдина до мандарина. Он много рассказывал мне о своих наблюдениях, и в этой главе я передам кое-что характеризующее Китай XIX века.

В Су-чжоу мой багаж прибыл в наемной телеге, я сам — на купленных лошадях. Мне предстояло изучение горной системы Нань-шаня, где не было постоянных дворов и возможности найма животных и где все дороги были не колесные, а вьючные. Соответственно с этим нужно было организовать свой караван — купить верблюдов для багажа, прикупить лошадей, найти проводника, сделать запас сухарей. Во всем этом Сплингерд оказал существенную помощь и даже отпустил со мной в эту поездку, из которой я должен был вернуться к концу лета в Су-чжоу, своего старшего сына, чтобы приучить его к путешествиям. К сожалению, этот сын знал только китайский язык; Сплингерд не имел досуга, а также, вероятно, и педагогических наклонностей, чтобы передать своим детям знание своего родного французского языка, которым он еще вполне владел, а жена его — китаянка — его почти не знала. Мы отправлялись в страну, населенную в значительной части монголами, а Цоктоев знал по-монгольски.

Снаряжение каравана заняло более двух недель, которые я провел в доме Сплингерда; у него же я оставлял на хранение лишний багаж и все коллекции, собранные в течение четырех месяцев на длинном пути от Пекина. В Су-чжоу я получил почту из России, пересланную из Пекина, на которую нужно было ответить; необходимо было также сообщить Географическому обществу о ходе путешествия и его главных результатах.

По моей просьбе Сплингерд показал мне китайскую начальную школу, через которую проходят все мальчики в городах и селениях. Она помещалась в соседней кумирне, занимая небольшую комнату, двери которой выходили во двор, затененный большими деревьями, и были открыты по случаю теплой погоды. Чтобы не смущать учеников, мы остановились у дверей. Против двери у задней стены, в одном из углов, стояла доска, высотой в метр, на которой были начертаны крупные китайские иероглифы, содержавшие имя Конфуция и похвалы ему. В другом углу висела длинная полоса бумаги с изображением бога мудрости. Перед ней и перед доской в металлических чашечках, наполненных песком, были воткнуты курительные свечи. У стены в кресле сидел учитель за небольшим столиком, на котором лежали толстая книга и бамбуковая тросточка.

Школьники сидели на полу, застланном циновками, скрестив ноги; перед каждым был столик в роде скамеечки с чашечкой туши, кисточкой и тетрадкой. Учитель, худощавый старик с тонкими усами и тощей бородкой, в черной ермолке с красным шариком и большими очками в роговой оправе, прочитывал из книги монотонным голосом какую-нибудь фразу, а затем все ученики хором повторяли ее несколько раз, заучивая на память. Фразы состояли из различных поучений философского учения Конфуция, как например (из разных мест книги):

Люди от рождения по природе своей хороши.

В практической жизни они разнятся друг от друга.

Существуют три основные силы: небо, земля, человек.

Существуют три источника света: солнце, месяц, звезды.

Человечность, справедливость, приличия, мудрость, истина.

Нужно держаться этих пяти главных добродетелей.

Обоюдная любовь между сыном и отцом, согласие между

мужем и женой.

Повторив несколько раз одну и ту же фразу, ученики старательно изображали в своих тетрадках, состоявших из желтоватой бумаги, похожей на пропускную, иероглифы, из которых слагалась эта фраза; они писали их кисточкой тушью. Это продолжалось довольно долго, так как каждый иероглиф состоит из нескольких черточек и точек в разных сочетаниях; самые простые состоят из 2—3 черточек, в сложных до 20 черточек и точек в строго определенном положении. Если нехватает одной из них или положение ее иное, иероглиф произносится уже иначе и изображает другое понятие. Поэтому нужно писать точно и аккуратно.

По окончании письма ученики подходили и по очереди подавали тетрадки учителю, который просматривал написанные иероглифы. Если некоторые были изображены неверно, он поправлял их, а в случае нескольких ошибок бамбуковая тросточка прогуливалась по спине ученика, и бедняга возвращался на свое место, чтобы переписать еще раз.

Проследив некоторое время за этим однообразным учением, мы ушли, и Сплингерд рассказал мне следующее: первичную школу проходят по возможности все мальчики в городах и селениях; только в мелких поселках и уединенных фанзах в глуши, не имеющих средств держать учителя, дети часто остаются неграмотными. Но эта грамотность не высокого качества; дети заучивают философское учение Конфуция, содержащееся в не-

скольких книгах, и знакомятся при этом с изображением двух-трех тысяч наиболее употребительных иероглифов; они могут написать заученные изречения и продекламировать их наизусть.

Таким образом упражняется только зрительная и слуховая память. Ни математика, ни география, ни история не преподавались в этих школах. Разговорному языку, простому счету ребенок учился, между прочим, в семье, где наблюдал также в большей или меньшей степени применение правил морали, почитания родителей и пр., изложенных в учении Конфуция. Громадное большинство китайцев оставалось при этих знаниях на всю жизнь. Впрочем, в первой книге Конфуция Сян-цзы-ван содержится замечания этого философа о природе человека, об истории, литературе и естественной истории, существовавшие 1000 лет тому назад. Эта книга содержит 1668 иероглифов, изображенных на 178 строках, и на ее изучение тратят несколько лет. За ней следовала книга классиков в 1000 письменных знаков, требовавшая еще несколько лет, чем и заканчивалось обучение.

Более состоятельные родители после этого пристраивали сына к какому-нибудь купцу, чтобы он совершенствовался в счете и письме и приобретал торговую сноровку.

Необходимо сказать, что в те годы в Китае не было высших школ, подобных европейским университетам, как не было и средних школ, подобных европейским. Все такие школы начали появляться только в начале XX века, так что приведенные характеристики относятся к последнему периоду жизни дореволюционного Китая.

Поэтому современный читатель сочтет архаизмом, сравнимым только с тем, что имело место в средние века в Европе, высшие степени образования, которые достигались в Китае в это время. Желаящие получить первую из четырех степеней подвергались экзамену в своем уездном городе, власти которого назначали тему для письменной работы и давали день на ее выполнение; экзаминатором являлся литературно образованный чиновник, имевший звание „улучшателя учености“. Имена выдержавших испытание и получивших звание „иен-мин“ вывешивались в экзаменационном зале; число их редко превышало 5% явившихся на экзамен. Они имели право поступить в школу, находившуюся в окружном городе; окончив ее, они подвергались новому испытанию на звание „фу-мин“, с более строгими требованиями. Выдержавшие готовились к третьему испытанию в присутствии ученого из главного города провинции, который раз в год объезжал окружные города и проводил в них экзамены, дававшие право на звание „сю-цзай“, аналогичное степени бакалавра и освобождавшее от телесного наказания.

Следующее ученое звание „цзюн-жень“, вроде кандидата, получалось после испытания в главном городе провинции. При впуске в экзаменационный зал явившиеся подвергались обыску, чтобы они не могли пронести в карманах, обуви, складках одежды или письменных принадлежностях миниатюрное издание классиков или заранее написанное сочинение. В зале их рассаживали в отдельные каморки, у дверей и окон ставили караульных. Вечером, по сигнальному выстрелу, всех выпускали; то же повторялось еще один или даже два дня. Пищу испытуемые приносили с собой. На первый день испытания задавали четыре темы из первых четырех книг Конфуция, причем одну тему следовало изложить гекзаметром в поэтической форме. Наименьший размер сочинения составлял 100 иероглифов, красиво написанных. На второй день давали темы из пяти классиков. Темами вообще являлись изречения из классиков и их комментаторов, и нужно было указать, откуда взята тема, и развить ее согласно правилам риторики. После этого экзамена, продолжавшегося иногда два дня, давался перерыв на сутки, и затем явившимся вновь, т. е. считавшим, что они подали удовлетворительное сочинение, задавали 5 вопросов — по управлению государственными должностями, по применению законов, по истории, географии и темным местам в классиках и философах.

Испытательной комиссии в составе 10 человек давалось 25 дней для просмотра представленных сочинений. Но в многочисленных провинциях на эти испытания являлось до 5000 человек, каждый из которых подавал 13 сочинений. Понятно, что сотни сочинений оставались непрочитанными. Имена выдержавших испытание объявлялись в полночь 10 числа 9 месяца глашатаем с высшей башни города; на следующий день списки их раздавались на улицах, рассылались во все города провинции и вывешивались при орудийных салютах в зале испытаний. Затем следовал банкет от города, на котором мандарины прислуживали чествуемым, а у входов стояли слуги в фантастической одежде с ветвями маслин — символом литературных успехов — в руках.

Высшую ученую степень „цзинь-ши“, вроде доктора, получали по экзамену в Пекине, столице Китая, куда являлись получившие звание цзюн-жень в провинциях. Обстановка испытания была подобна вышеописанной (рис. 55), темы аналогичные, но экзаминаторы имели высшие ранги, и выдержавшие представлялись богдыхану, который давал трем избранным награду. Ввиду больших расстояний в Китае и плохих путей сообщения на испытания в Пекин приезжали только кандидаты, имевшие достаточные средства. Из выдержавших этот экзамен уже немногие стремились получить самую высокую степень „гунь-

ши“, т. е. ученого, которой должны были предшествовать еще годы литературных и философских занятий, так что ее добивались многие только в старости. Но и в испытаниях на звание

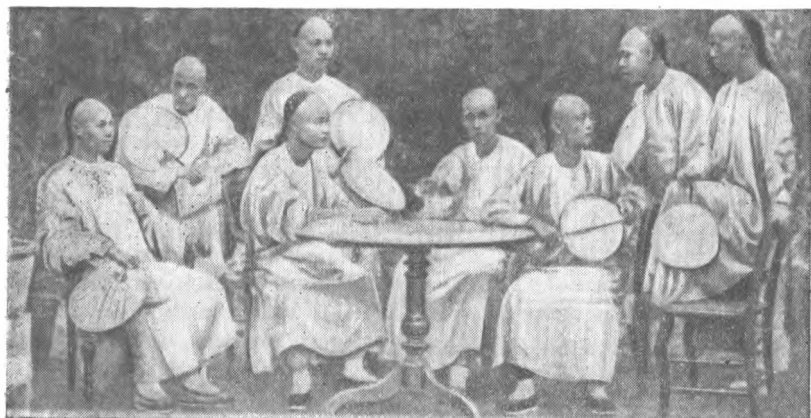

Рис. 55. Вверху — экзаменаторы; внизу — группа экзаменуемых на высшую ученую степень.

бакалавра, кандидата и доктора нередко принимали участие пожилые люди или даже старики; бывали случаи, что отец, сын и внук экзаменовались на то же звание одновременно.

Этот институт испытаний был учрежден для поднятия образованности и для того, чтобы высшие должности доставались

только образованным людям. Но должности и даже ученую степень в Китае все же получали за деньги, и это совершенно обесценивало смысл этого учреждения, и многие бакалавры, кандидаты и доктора оставались долго или всю жизнь безработными.

Трудность изучения китайского языка и письменности обусловлена особенностями иероглифического письма. Каждый иероглиф представлял не

букву, как в европейских языках, а целое понятие. Этим объясняется громадное число иероглифов, достигающее 100 000; даже общеупотребительных, знание которых необходимо для чтения и письма в житейском обиходе, от 2000 до 3000. Многие из них состоят из 10 — 20 значков — черточек и точек — в определенном положении; если пропустить один из них или написать его неправильно, иероглиф получит другое значение. Первоначально китайские иероглифы, подобно египетским, представляли схематическое изображение понятия в виде четвероногого, птицы, рыбы, человека, орудия

1 人	10 北	19 折
2 山	11 南	20 一
3 天	12 店	21 三
4 田	13 站	22 九
5 水	14 門	23 十八
6 馬	15 問	24 八十
7 麻	16 山問	25 一百
8 西	17 門	26 一
9 東	18 大	27 昔

Рис. 56. Китайские иероглифы.

и т. п., но постепенно превратились в комбинацию черточек и точек. Для европейца трудность языка увеличивается тем, что многие понятия, изображаемые различными иероглифами, имеют почти тождественное произношение; китайцы различают их интонациями, трудно улавливаемыми ухом европейца, или же о точном значении слова приходится догадываться по смыслу фразы. Китайская грамматика очень проста: слова не изменяются ни в падежах, ни в спряжениях, и соблюдается только определенный порядок в расположении подлежащего, сказуемого, прилагательного, наречия, позволяющий понимать смысл фразы.

Например фразу „я хочу есть“ нужно сказать „я хотеть есть“ и нельзя сказать „я есть хотеть“. На рис. 56 изображены некоторые иероглифы более простых начертаний. Приведем их значение и произношение.

Человек — жень (1). Гора — шань (2). Небо — тянь (3), а поле также тянь (4). Вода — шуй (5). Лошадь — ма (6) и конопля также ма (7). Запад — си (8) и некогда (когда-то) — си (27); редкий также си. Восток — дун (9), шевелить также дун. Север — бей (10), юг — нань (11). Гостиница — дьянь (12), скверный (13) и подстилка также дьянь. Интересно сопоставление иероглифов ворота — мынь (14), промежутка — цзянь (15) и двойного иероглифа пропасть — шань-цзянь (16), состоящего из иероглифов горы и промежутка (пропасть — это промежуток в горе). Сяо значит маленький и насмехаться, хао — хорошо, волос и номер, но все это — разные иероглифы. Шань — гора, как мы видели, но зарница также шань (17), а пишется совершенно иначе. Большой (18) и бить (19) произносятся одинаково — да.

Цифры также изображаются иероглифами одиночными, двойными и тройными: 1 — игэ (20); 2 — лянгэ; 3 — саньгэ (21); 4 — сыгэ; 5 — угэ; 6 — люгэ; 7 — цигэ; 8 — пагэ; 9 — цзю (22); 10 — шигэ; 11 — ши-игэ; 12 — ши-эргэ; 18 — ши-пагэ (23); 20 — эр-шигэ; 21 — эрши-игэ; 30 — саньши; 100 — и-бай (25); 1000 — и-дяо или и-цзянь (26). Иероглифическое изображение цифр, конечно, очень затрудняет арифметические действия.

Сказанное, я думаю, дает достаточное общее понятие о постановке народного образования в Китае в конце XIX века и о трудности изучения китайского языка не только европейцами, но и самими китайцами.

По моей просьбе, Сплингерд показал мне также городскую тюрьму. В одном из переулков он постучал в маленькую дверь в высокой глинобитной стене и что-то крикнул. Дверь открылась, нас пустили и сейчас же закрыли ее. Мы прошли через небольшой дворик, одну половину которого занимала фанза тюремщиков, и через вторую дверь попали на большой двор, окруженный высокой глинобитной стеной; к ней были прислонены многочисленные отдельные каморки, более похожие на стойла конюшни. Двери их были открыты, и арестанты свободно бродили по двору. У каждого левая рука была прикована цепью к спине, правая свободна, чтобы он мог сам готовить себе пищу, пояснил мой спутник. Каждому арестанту выдавали в день 2 фунта пшена и 3 копейки на покупку топлива. То и другое проходило через руки сторожей, к которым, конечно, прилипала часть. Качественной одежды не выдавали, все арестанты были в своей, нередко представлявшей собой лохмотья.

В этой тюрьме содержались только осужденные преступники. Тюрьму, в которой сидят подследственные, Сплингерд мне не хотел показать; по его словам, она ужасна. В общей камере, единственную мебель которой составляла грязная циновка на земляном полу, содержались в тесноте десятка два человек; на некоторых были одеты орудия пытки — деревянные доски (канги) с отверстием для головы (рис. 57), а иногда и для рук, подобные тем, которые я видел в Урге. У других руки были прикреплены в растянутом положении к железной палке, под-

Рис. 57. Преступник в канге (рис. китайского художника).

тянутой цепью к шее, и т. п. В камере яма для нечистот; ужасающая вонь и насекомые.

А следствие затягивалось на месяцы, и люди чахли, часто безвинные, по оговору или недоразумению, в этом аду, как называли китайцы эту тюрьму, служившую также корыстным целям подкупных судей. Не мудрено, что бывали случаи своеобразной мести: человек, сильно обиженный кем-либо, совершал самоубийство у дверей своего врага в твердой уверенности, что последний будет привлечен властями к следствию по подозрению в убийстве и попадет надолго в этот ад.

В качестве орудий пыток употреблялись, кроме железных палок и деревянных воротников, еще бамбуковые палки и плети, тиски для сдавливания запястья и пальцев и кожаные хлопушки, которыми били по щекам или губам. Последние законом не были разрешены, но применялись. Пытаемых заставляли стоять коленями на цепях, щебне, соли или даже битом стекле. Но можно ли удивляться тому, что в Китае, в котором в конце XIX века было еще много средневековых порядков, применялись при следствии пытки, если в настоящее время в империалистических „христианских“ государствах воскрешены ужасы инквизиции для политических противников в тюрьмах и концентрационных лагерях, а жестокое преследование всех инакомыслящих предписано высшей властью?

Упомяну еще своеобразные приемы наказания: тюремщика, виновного в побеге арестанта, приковывали к последнему на

некоторое время в случае его поимки. Кредитор имел право вселиваться со всей семьей в квартиру своего должника, а если это не помогало — забрать его движимое имущество или продать с аукциона дом и землю.

На мой вопрос, применяются ли еще в Китае такие способы казни, как распиливание тупой пилой или размалывание между жерновами, Сплингерд рассмеялся. „Подобно вам я видел в детстве картинки, изображающие эти способы казни и думаю, что их первоисточником являются картины мучений грешников в аду, которые можно встретить в некоторых буддийских кумирнях для устрашения верующих. Но в судебной практике эти способы, насколько я знаю, никогда не применялись“. — „В Китае еще много устарелых обычаев, злоупотреблений и преступлений, — прибавил он, — и главной причиной их я считаю продажность всех должностей, деморализующую правящий класс. Переворот неизбежен, и вы, вероятно, еще увидите обновленный Китай“.

Сплингерду было 56 лет, когда я гостил у него. Его предсказание сбылось даже скорее, чем он думал. В 1911 г. родилась республика, но старые устои долго еще сопротивлялись новому учению, чему способствовало нашествие японцев и покровительство американских милитаристов; и только в 1949 г. восторжествовала демократическая народная республика.

Сплингерд однажды захотел угостить меня настоящим китайским обедом. Конечно, отдаленность Су-чжоу от моря не позволила подать полный ассортимент блюд, характеризующих китайский парадный стол; акульи плавники, трепанги (морские кубышки) и креветки отсутствовали, но остальное было соблюдено.

В приемной хозяина мы уселись в кресла за квадратный стол, и слуги из ресторана, поставившего обед, начали подавать кушанья. Сначала подали чай. Китайцы пьют его из чашек без ручек, вроде небольших полоскательных с крышкой, имеющей с боку вырезку, так что можно пить не снимая крышку; чай пьют без сахара, слабый и душистый. Пока мы пили небольшими глотками, на стол поставили десятка два блюдец с разными закусками: разнообразные пикули, ломтики редьки, ветчины, утиные лапки (собственно плавательные перепонки), кусочки мяса с уксусом и красным перцем, бобовая мазь и соленые яйца — все это было нарезано маленькими кусочками, чтобы можно было захватывать палочками, которые китайцы употребляют вместо вилок. Наиболее странные для европейца были: бобовая мазь из сои, коричневого цвета, кисло-соленого вкуса, напоминающего старый сыр; соленые яйца, у которых желток был бурого цвета, а белок — синего, чуть поосвечивающий. Их

варят в соленой воде, обмазывают известью и закапывают на два года в землю; они слегка пахнут аммиаком и не представляют ничего привлекательного, но китайцам нравятся. Обедаящие брали своими палочками любые закуски из общих блюдец. Хлеб в виде вареных на пару булочек, нарезанных тонкими ломтиками, был также подан (рис. 58).

Рис. 58. Китайский званый обед (рис. китайского художника).

Затем закуски убрали и подали каждому в тех же чайных чашках, но без крышек, суп из ласточкиных гнезд — обязательное кушанье на парадном обеде. Эти гнезда морские ласточки вяют, как говорят, из водорослей, на трудно доступных береговых скалах; они ценятся на вес серебра; суп представлял почти бесцветную солоноватую жидкость, в которой плавают несколько волокон, по виду и вкусу похожих на визигу. Китайцы уверяют, что этот суп полезен для сохранения силы молодости. К супу подали небольшие фарфоровые ложки вроде совочков.

После этого супа по этикету следовало подать второй суп с акульими плавниками и трепангами, но хозяин извинился: в Су-чжоу их достать не удалось.

Затем подали жареного поросенка: на блюдечке, поставленном перед каждым из гостей, мясо было нарезано мелкими кусочками, и все покрыто румяной, хрустящей кожей. В качестве приправы были кусочки каких-то черных грибов, древесных, как пояснил мне учитель.

Третье блюдо состояло из стружек соленой морской рыбы, а в виде приправы — вареные молодые ростки бамбука, на вкус напоминавшие спаржу.

Четвертое блюдо представляло поджаренные в масле ломтики свежих огурцов и вареную редиску. Последняя в вареном виде, облитая сухарями, поджаренными в масле, в большом ходу у китайцев и на вкус похожа на цветную капусту.

Далее следовала сильно разваренная курица с приправой из зеленых листьев китайской капусты, которая не завивает круглые кочаны, как наша, а растет длинным столбиком из толстых листьев.

Седьмое блюдо состояло из жареных пирожков с различной начинкой — из ягод джигды, сушеных абрикосов, арбузных очищенных косточек, грецких орехов.

Во время обеда пили китайскую водку, выгоняемую из проса; она плохо очищена, пахнет сивухой, но очень крепкая. Ее наливают горячей из маленьких чайников, стоящих на огне, в крошечные чашки, вмещающие один глоток.

Десерт состоял из китайского печенья — мелких пирожных или конфет, разного фасона, но почти одного вкуса, так как в их состав входит плохо очищенный сахарный песок, приготовляемый из сахарного тростника. К десерту подали рисовое вино — желтое, слегка мутное, но вкусное питье.

Последним блюдом, по обычаю, был отварной рис: каждому гостю — по целой чашке; его также нужно было есть палочками. Но в этом случае чашку подносят к губам и палочками только подталкивают крупинки риса в рот.

В Кяхте мне говорили, что последним блюдом китайского обеда являются остатки всех предшествующих блюд, которые сваливаются в сосуд, похожий на наш самовар, но без крана, разогреваются и в этом же сосуде подаются на стол. Сплингерд пояснил, что в глубине Китая такое блюдо мало кому известно, тогда как вареный рис для дополнения всего остального — обязателен.

Особенностью китайского обеда является также то, что время от времени гостям подают салфетку или просто тряпку, смоченную в горячей воде; ею обтирают лицо, что действительно освежает человека.

Закончив обед, мы закурили. Мандарин и учитель курили китайские водяные трубки вроде восточного кальяна, но с маленьким резервуаром, который держат в руке, и с порцией

табака на 2—3 затяжки. Табак для них готовится особенным образом; он красно-коричневого цвета и смешан с какой-то солью, поддерживающей слегка влажное состояние в сухом климате. Я курил голландскую трубку и табак из Маньчжурии, подаренные мне миссионерами в Сяо-чао.

Рис. 59. Приемная комната богатого китайца
(рис. китайского художника)

Мне показали также игру, которой китайцы развлекаются во время обеда. Она состоит в том, что двое играющих одновременно показывают известное число пальцев на поднятой руке или обеих руках и одновременно произносят фразу, в состав которой входит это число, в виде какого-нибудь любезного пожелания, например:

- Четыре времени года богатеть (желаю)!
- Семь здоровых сыновей иметь!
- Пять добродетелей украшать (вас)!

Эти фразы выкрикиваются во всю глотку одновременно, причем оба смотрят друг другу на руки, и тот, кто раньше произнесет фразу, заключающую число, равное сумме показанных обоими пальцев, считается выигравшим, а проигравший должен выпить чашечку вина. При этой игре входят в такой азарт и так кричат, что со стороны можно подумать, что идет ожесточенный спор, который кончится дракой.

После обеда любезный хозяин устроил нам другое развлечение, показав бой сверчков — очень распространенную в Китае забаву. Он пригласил двух обладателей сверчков из своих знакомых купцов. На стол поставили большую чашку с ровным

Рис. 60. Мандарин с женой у дверей своего ямына.

дном и отвесными боками, которая и представляла арену боя. В эту чашку выпустили сначала одного сверчка, потом другого. Сверчки одного пола относятся враждебно друг к другу и, заметив врага, немедленно вступают в бой; схватывая друг друга челюстями, они дерутся до тех пор, пока один не обратится в бегство или не будет выброшен из чашки. Владельцы сверчков и зрители держат пари и, говорят, проигрывают целые

состоянии. Сверчков ловят особыми приборами и содержат в чашке с крышкой, в которой имеется глиняный домик — жилище, одно блюдечко для риса и другое для воды. Руками их не трогают, а ловят в трещинах и щелях домов и пересаживают колпачком из проволочной сетки в чашку. Цена сверчка не менее рубля, а хороших бойцов значительно дороже.

Сравнительно с кровавыми боями быков и петухов, которыми развлекаются в Европе, бои сверчков, конечно, представляют невинную забаву и соответствуют миролюбивым наклонностям китайцев.

Су-чжоу — последний и самый западный город провинции Гань-су внутри Великой стены. Поэтому товары, привозимые из обширной западной области Син-цзянь, вне собственно Китая, облагаются пошлиной в Су-чжоу. Сплингерд стоял во главе таможни. Провинциальная власть в лице генерал-губернатора Гань-су очень ценила Сплингерда за его честность на посту, который мог быть источником больших доходов при затрудненности фактического контроля. Кроме того, в Су-чжоу приезжали с товарами таранчи (тюрки) из Син-цзяня и монголы с Эцзингола; между ними и китайцами возникали тяжбы, которые разбирал Сплингерд, имевший большой опыт в торговых делах.

Вот почему этот бельгиец так долго удержался на своем посту в этом пограничном городе, тогда как вообще китайские мандарины редко оставались на том же месте дольше 3—4 лет.

Глава девятая

ЗАПАДНЫЙ НАНЬ-ШАНЬ И ЦАЙДАМ

Западные ворота собственно Китая. Каньоны р. Да-бей-хэ. Пустынные цепи. Последний оазис. Р. Су-лей-хэ. Большой снеговой хребет. Долина диких лошадей. Куланы. Поиски проводника. Хребты Гум-больдта и Риттера. Окраина Цайдама. На озере журавлей. Аудиенция у монгольского князя. Переговоры о проводниках. Второе посещение князя за просто. Его боянь фотографии. Продажа берданки. Предложение проводника в Лхассу. Охранное письмо.

К концу мая, благодаря существенной помощи Сплингерда, мой караван для путешествия в глубь горной системы Нань-шаня был организован: куплены верблюды, для багажа, докуплены лошади, заготовлены сухари и дзамба и найден проводник.

Нань-шань представляет самостоятельную горную систему, связанную на западе отдельной длинной цепью Алтын-тага с громадной системой Куэн-луня, а на юго-востоке примыкающую к последней в бассейне верхнего течения Желтой реки. Она поднимается несколькими рядами горных цепей, несущих вечно-снеговые вершины и вмещающих два больших озера, Хара-нор и Куку-нор, между пустыней Алашани и обширной впадиной Цайдама, которая отделяет ее от нагорья Тибета. Изучение Нань-шаня составляло одну из главных задач моего путешествия, так как хотя в этих горах уже побывали Пржевальский, Потанин и Грум-Гржимайло, но значительная площадь оставалась совершенно неизвестной, а в отношении геологического строения имелись только данные, собранные венгерцем Лочи во время экспедиции графа Сечени 1877—1879 гг. и касавшиеся главным образом восточного конца этой системы.

Я предполагал пройти из Су-чжоу прямо на юг к верховьям р. Бухаин-гол, пересекая все цепи Нань-шаня, затем объехать оз. Куку-нор и на обратном пути сделать второе пересечение

цепей на пути из г. Синина в Гань-чжоу. Такой маршрут давал возможность изучить наиболее высокую и неизвестную среднюю часть Нань-шаня. Но выполнить этот план удалось только во второй его части, так как в Су-чжоу не нашлось проводника к Бухайн-голу; пришлось сделать первое пересечение гораздо западнее, что сильно удлинило маршрут, утомило животных и вызвало лишние расходы, преждевременно истощившие взятые с собой средства. А кроме того, наиболее неизвестная часть

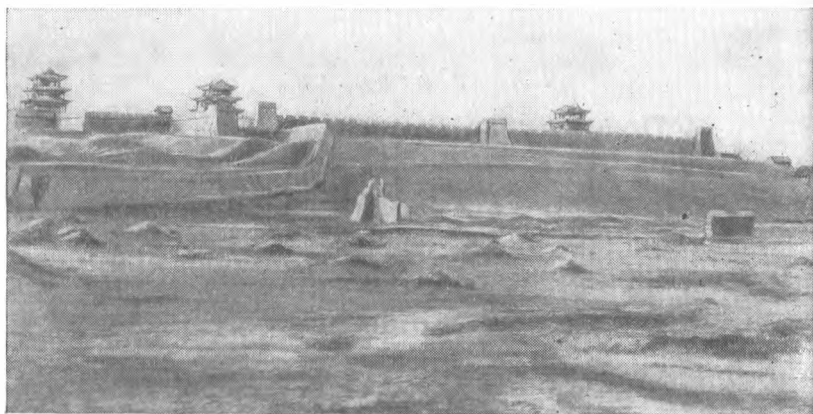

Рис. 61. Город Цзя-юй-гуань с восточной стороны.

Нань-шаня осталась неизученной, что заставило год спустя вторично направиться в эти горы в ущерб другой части плана путешествия.

25 мая караван в составе пяти человек (я, Цоктоев, старший сын Сплингерда, китаец из миссии в Лян-чжоу и китаец-проводник) выступил из Су-чжоу на запад по большой дороге в Син-цзянь. Пять дней мы шли еще по продолжению культурного пояса, протянувшегося вдоль северного подножия Нань-шаня, но здесь гораздо более бедного водой и представляющего отдельные небольшие оазисы с маленькими селениями у источников и небольших горных речек, разделенные пустынными площадями. В первый день мы дошли до укрепления Цзя-юй-гуань (рис. 61), представляющего самые западные ворота в Великой стене и последний городок провинции Гань-су и собственно Китая. Стена, ограничивающая с севера оазис Су-чжоу, загибается резко на юг и южнее укрепления доходит до р. Да-бэй-хэ, большого потока, питаемого снегами Нань-шаня. Выйдя из гор,

эта река врезывается каньоном, глубиной в 60—80 м, в толщу галечников и песков, слагающих равнину горного подножия. Стоя на берегу этого глубокого каньона, можно понять, почему эта равнина к юго-западу от Су-чжоу лишена растительности и населения и превратилась в пустыню: вода течет слишком глубоко, и нельзя не только вывести ее на равнину, но и добыть грунтовую воду близ поверхности земли; каньон слишком глубоко дренирует всю эту площадь.

На шестой день мы подошли к подножию хр. Рихтгофена, первой цепи Нань-шаня, и по ущелью, сухому в это время года, начали подниматься на перевал. Эта цепь, которая тянется непрерывно от Желтой реки и еще на меридиане Су-чжоу представляет вечноснеговые вершины, здесь уже понизилась до 3000 м и распалась на скалистые группы пустынного характера; нет ни леса, ни проточной воды, ни населения, хотя мы видели несколько угольных копей и маленький горшечный завод, вероятно, действующий только в те месяцы, когда нет полевых работ. За этой цепью мы вышли в широкую котловину, орошенную р. Су-лей-хэ, которая несет воду ледников высшей части среднего Нань-шаня, а входит в эту котловину и выходит из нее по непроходимым ущельям, промытым ею в горах. К удивлению, в этой пустынной котловине оказался небольшой оазис с пашнями и фанзами земледельцев, которые построили утлый мост через реку. Без этого моста река была бы непроходима; она мчит мутным бешеным потоком в 20—25 м ширины в каньоне, глубиной в 15 м, промытом в грубых галечниках ее собственных древних наносов. Оазис орошен не ее водой, а ее левым притоком, р. Си-хэ, вверх по которому мы направились дальше. Вторая цепь Нань-шаня, хр. То-лай-шань, западнее ущелья р. Су-лей-хэ кончается, превратившись в низкие горы.

Обогнув эти горы по р. Си-хэ, мы очутились в широкой долине между второй и третьей цепями; последняя предстала перед нами, покрытая сверху донизу свежим снегом, выпавшим ночью. Судя по ее высоте, она должна иметь вечноснеговые вершины, иначе было бы непонятно ее китайское название Да-сюэ-шань, т. е. большой снеговой хребет. Эту цепь мы должны были перевалить, но только западнее, где она понижается, и потому шли три дня на юго-запад, приближаясь к ее подножию и вдоль него, оставляя вправо обширную степь, ограниченную на севере плоскими горами конца хр. Рихтгофена. На этой степи, хорошо орошенной речками из снеговых гор, не видно было китайской оседлости; о том, что она прежде была населена, говорят развалины городка у подножия северных гор, через которые

проходит дорога в г. Ань-си. В этой стороне далеко на горизонте, благодаря чистому воздуху после дождя, можно было различить высоты первых гор Бей-шаня, т. е. Хамийской пустыни.

Первый переход в глубь Да-сюэ-шаня оказался неудачным: проводник забыл дорогу и повел нас не по тому ущелью, по которому идет путь к перевалу. На второй день мы попали в теснину, дно которой было завалено крупными глыбами и залито водой речки, доходившей до брюха лошади. Проход между глыбами был так узок, что верблюды с выюками не могли пройти; пришлось их развьючивать и переносить вещи на руках. Немного далее видна была вторая, еще худшая теснина. Проводник сознался в своей ошибке, и мы повернули назад, потеряв два дня, но зато познакомившись на деле с непроходимостью цепей Нань-шаня вне определенных путей.

Через день мы прошли через Да-сюэ-шань далее к западу по вполне удобному перевалу, достигавшему почти 4000 м абс. высоты и позволившему оценить, что хребет в этой уже пониженной части достигает еще 4200—4300 м, а восточнее, в вечно-снеговой, не ниже 5000 м.

После оазиса на р. Су-лей-хэ мы уже не встречали людей, хотя долины и горы представляли немало привлекательного для кочевников. Зато в изобилии попадались следы и помет крупных диких животных: яков, куланов, аргали (горных баранов) и куку-яманов (горных козлов). В ущелье мы видели даже небольшой табун куланов, спустившийся к речке на водопой, но обратившийся в поспешное бегство при виде нас.

За хребтом Да-сюэ-шань мы попали в долину р. Е-ма-хэ, т. е. реки диких лошадей, как китайцы называют куланов. Действительно, за бродом через эту реку мы увидели большой табун этих животных, не менее сотни голов, и моя берданка, остававшаяся без дела несколько месяцев со времени охоты на антилоп на окраине Ордоса, помогла уложить одного кулана: это было очень кстати, так как мы уже недели две не имели мясной пищи. Куланы были довольно пугливы и близко к себе не подпускали. Они быстро мчались по степи вокруг нас, описывая большой круг, и пришлось стрелять в бегущих на расстоянии около 500 шагов.

Кулан — красивое животное светлобурой масти, ростом с небольшую лошадь; брюхо белое, а вдоль спины идет черная полоса; грива короткая, уши длиннее, чем у лошадей, но гораздо короче, чем у осла; хвост зато жиденький, почти как у осла; таким образом, это животное соединяет признаки осла и лошади и, в общем, всего более похоже на домашнего мула. Куланы великолепно бегают и не боятся высоких гор, хотя

больше держатся в долинах. Их небольшие крутые копыта имеют снизу толстый ободок, напоминающий подкову, и не боятся ни гальки равнин, ни щебня осыпей. В Нань-шане куланы живут большими табунами (рис. 62).

Сообщу кстати, что в этой же части Нань-шаня, в северной цепи, мы видели представителей другого рода однокопытных — джигитаев, но только мельком, так как они быстро скрылись. Они серой масти, и уши у них длиннее, чем у куланов. Их можно считать дикими ослами, тогда как куланы ближе к лошадям.

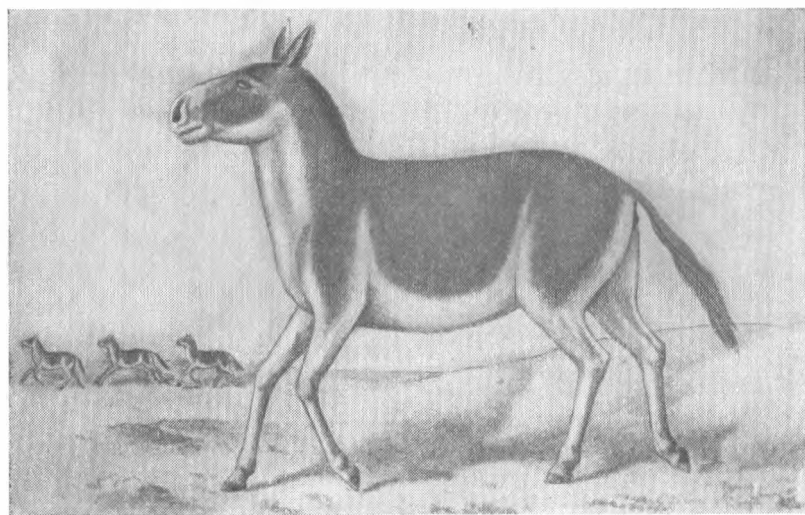

Рис. 62. Кулан.

На следующий день мы перевалили через хр. Е-ма-шань, четвертую цепь Нань-шаня; горы эти довольно плоские, хотя перевал имел 4100 м. С них мы спустились в долину р. Шара-гольджин, ограниченную с юга пятой цепью — хр. Гумбольдта, открытым и наименованным Пржевальским; эта цепь с рядом снеговых вершин видна была уже издали, с перевала в Да-сюэ-шане, так как плоский Е-ма-шань не закрывал ее.

В долине Шара-гольджин нам нужно было найти монголов и взять нового проводника, так как ведший нас из Су-чжоу дороги дальше не знал. Монголов мы нашли, но провести нас на р. Бухайн-гол и к оз. Куку-нор они отказались. Они уверяли, что вся долина р. Бухайн-гол и берега Куку-нора населены

тангутами, которые нападают на всех проезжих и грабят их. Из описания четвертого путешествия Пржевальского я знал, что тангуты вытесняют монголов и становятся хозяевами на Куку-норе, но этот путешественник, три раза бывший на Куку-норе и в низовьях Бухайн-гола, здесь не имел столкновений с тангутами, а имел их с ними дальше, в Тибете. Приходилось думать, что тангуты, ставши хозяевами на Куку-норе, решили не пропускать никого в свои владения. Монголы предлагали провести нас к ставке князя Курлык-бейсе в Цайдаме, который мог уже дать проводника на Куку-нор. Это опять удлиняло

Рис. 63. Хр. Гумбольдта из долины р. Шара-гольджин, с севера.

маршрут и удорожало путешествие, но пришлось согласиться, так как идти без проводника в высокогорную местность, совсем не показанную на картах, было слишком рискованно, не говоря уже о том, что, попав к тангутам без проводника и переводчика, мы могли очутиться в безвыходном положении. У Пржевальского был хорошо вооруженный военный конвой, внушавший уважение, а наш караван из 5 человек с одной берданкой и одним охотничьим ружьем мог сделаться легкой добычей тангутов. Монгольский дзангин не соглашался дать проводника даже по прямой дороге к Курлык-бейсе, которая пересекает земли тангутов, а предложил вести нас по кружной дороге и за очень высокую поденную плату.

Простояв три дня на Шара-гольджине из-за поисков проводника и его приготовлений к дороге, мы отправились дальше. Два дня заняло пересечение хр. Гумбольдта (рис. 63), вечно-снеговая часть которого осталась восточнее нашего маршрута.

Перевал имел 4400 м высоты и, судя по растительности, состоящей только из мхов, был немногим ниже границы вечного снега. У южного подножия мы потеряли почти целый день: ночью исчезли все наши лошади, и утром пришлось разослать всех людей на поиски, а самому остаться караулить палатки. Потеря средств передвижения, которую можно было объяснить кражей, поставила бы нас в тяжелое положение, заставив возвращаться пешком в Су-чжоу, так как денег на покупку новых

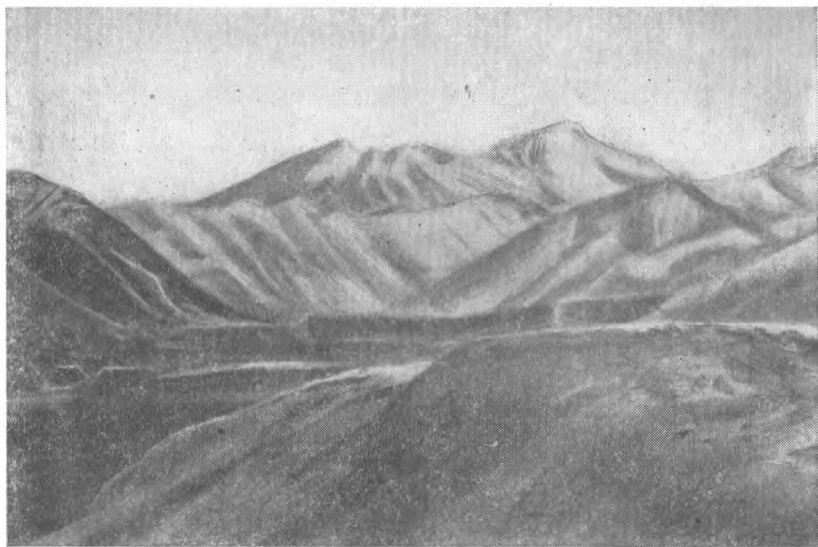

Рис. 64. Южная цепь Южно-Кукунорского хребта в месте ночлега после выпадения снега.

лошадей у монголов Шара-гольджина у меня с собой не было. Скудость экспедиционных средств, отпущенных на первый год Географическим обществом, вообще отразилась на успехе работ этого года, как увидим ниже. Лошадей нашли только после полудня в одном из ущелий южного склона хребта, куда они сбегали в поисках лучшего корма. Поэтому мы в этот день прошли только 5 верст до р. Халтын-гол, где корм был лучше, чем на прошлом ночлеге.

Эта долина обнаружила, что Пржевальский ошибся, считая, что хребты Гумбольдта и Риттера соединяются друг с другом восточнее его маршрута. Долина Халтын-гола уходила далеко

на восток, и хр. Гумбольдта оставался к северу от нее, а хр. Риттера, на котором видны были огромные ледники, тянулся южнее этой долины. Это открытие было весьма важно, так как опровергало имевшиеся сведения об этой части Нань-шаня — о положении двух вечных снеговых цепей.

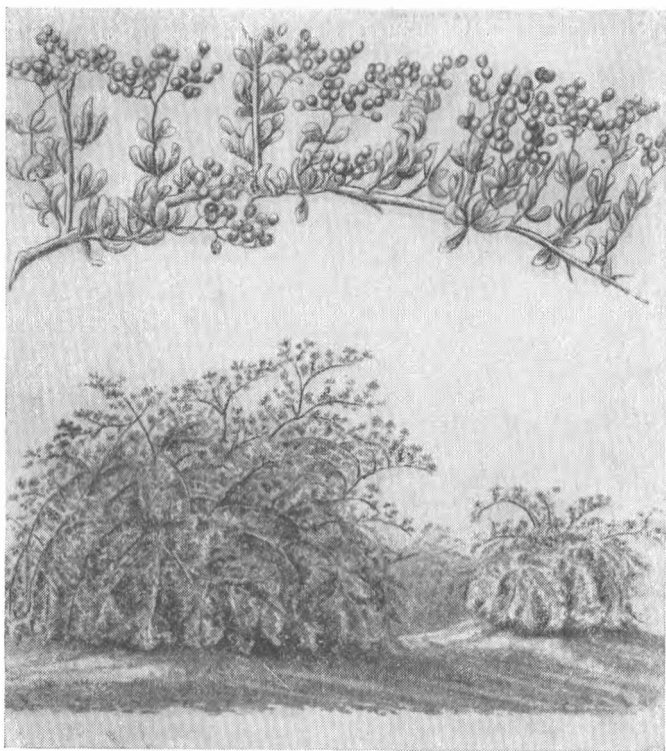

Рис. 65. Хармык: внизу куст,верху — ветка с ягодами.

Ошибка Пржевальского объяснялась тем, что он пересек долину р. Халтын-гол значительно западнее, чем я. В этой долине, вблизи моего пути, от хр. Риттера отделяется скалистый отрог, доходящий до самой реки, и издали, с запада, этот отрог мог показаться частью хр. Риттера, которая доходит до хр. Гумбольдта и соединяется с последним. С моего пути было ясно видно, что оба хребта разделены широкой долиной и являются совершенно отдельными цепями Нань-шаня. Это подтвердили

Роборовский и Козлов, посетившие Нань-шань годом позже, а также англичанин Литтльдэ, прошедший вверх по р. Халтынгол.

Еще 16 дней шли мы до ставки Курлык-бейсе; сначала пересекли западную часть хр. Риттера, в предгорьях которой опять встретили стадо куланов и добыли взрослого и жеребенка. Затем долго шли по долинам, расположенным по южной окраине Нань-шаня между последней — седьмой — из его снеговых цепей и более низкими горами, ограничивающими с севера обширную равнину Цайдама. В этих долинах пересекли несколько речек, шли по солончакам на берегах двух соленых озер Ихэ- и Бага-Цайдамин-нор; у последнего открыли углекислый минеральный источник. На одном из последних переходов я сильно отстал от каравана, увлекшись геологическими наблюдениями и к ночи не успел догнать его; пришлось ночевать вместе с Цоктоевым,

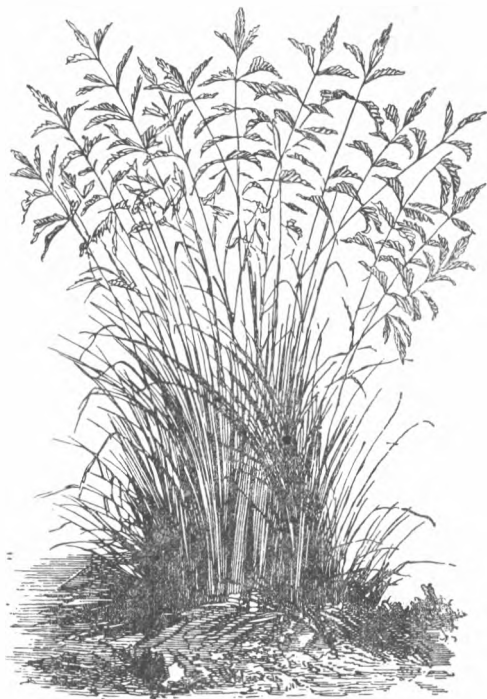

Рис. 66. Дэрису (чий), характерный знак монгольских степей.

довольствуясь одним чаем, и спать под открытым небом на потнике и с седлом вместо подушки; хорошо, что снег выпал не в эту, а в следующую ночь. На следующий день Цоктоев ездил искать караван, который прошел по другой дороге и ночевал далеко западнее. Впереди нас ехал отряд монгольского войска, направлявшийся к ставке князя на смотр; он затоптал следы нашего каравана, и поэтому мы проехали место, где последний свернул в сторону.

На пути, по долинам с озерами окраины Цайдама, мы изредка встречали монгольские юрты, первые после р. Шара-гольджин; и в юртах у оз. Ихэ-цайдамин-нор получили нового проводника, который и привел нас 3 июля, после сорокадневного путешествия по западной части Нань-шаня и окраине Цайдама, к оз. Курлык-нор. Мы раскинули палатки недалеко от западного берега среди зеленеющих кустов хармыка и снопообразных пучков дэрису.¹ Северо-западный ветер разгонял тучи, которые в течение целого дня ползли по гребням соседних хребтов, разражаясь там грозами с градом, тогда как в долине, по которой мы шли, только один раз покрапал дождик. Солнце спустилось уже к зубчатым вершинам хребта Барун-ула, в пределах которого наш лагерь накануне засыпало снегом, и мы имели случай полюбоваться зимним пейзажем среди лета (рис. 64).

У озера Курлык-нор был расположен один из административных центров Цайдама — ставка монгольского князя Курлык-бейсе, которого посещал и Пржевальский для получения проводников и покупки животных и провианта. Я также возлагал на князя большие надежды: нужно было обменять уставших верблюдов на свежих, найти проводников на Бухаин-гол или хотя бы до оз. Куку-нора и купить масла и дзамбы (поджаренной ячменной муки), заменяющей монголам хлеб. Цоктоев поехал к юртам монголов и узнал, что ставка князя расположена на восточном берегу озера, но сам князь находится еще дальше на восток, в лагере монгольской милиции.

На следующее утро к нам приехали два монгола в парадных китайских шляпах с красными кистями и заявили, что они посланы князем встретить „русского чиновника“ и провести его в ставку вокруг озера, в прибрежных болотах которого эти посланцы сами чуть не увязли ночью, судя по черной грязи, покрывшей ноги и грудь их лошадей и забрызгавшей их одежду. Это обстоятельство едва ли доказывало знание дороги этими посланцами, присланными проводить нас, но можно было надеяться, что они по крайней мере не поведут по той дороге, на которой сами вязли так глубоко.

Один из этих посланцев, узнав от моих людей, что нам нужен провиант, предложил заехать по пути в его юрту для покупки дзамбы и масла „под секретом“, так как князь будто бы за-

¹ Хармык (*Nitraria Shoberi*) — довольно большой низкий куст с длинными тонкими колючими ветками, усеянными мелкими листочками и синими ягодками сладко-соленого вкуса, которые любят верблюды, но собирают и монголы (рис. 65). Дэрису или чий — злак, растущий толстыми пучками, вышиной в рост человека, с жестким стеблем и плодоносящей метелкой (рис. 66).

претил своим подданным под страхом смертной казни продавать какие-либо припасы посторонним лицам. Но это запрещение, очевидно, касалось продажи припасов тангутам, как врагам монголов, и посланец мог не сомневаться, что князь разрешит эту покупку нам, мирным проезжим. Продажа „под секретом“ явно клонилась к получению с нас лишних денег.

Итак, мы направились вместе с посланцами к северному берегу озера, пробираясь между кустами, среди которых попадались монгольские пашни с ячменем, дававшие понятие о первобытном земледелии. В промежутках между кустами хармыка и тамариска и пучками дэрису почва была кое-как расковырена заступом и кое-как засеяна; ячмень рос кустиками, то густо, то редко, местами уже выколосился и отцвел, местами еще не колосился. Для орошения пашни служили канавы, выведенные из речки Балгын-гол, впадающей несколькими рукавами в озеро.

В юрте среди этих пашен и кустов нас встретил поехавший вперед один из посланцев и его супруга, пожилая монголка. Мы уселись на войлоках, разостланных вокруг очага, на котором в большом котле уже кипел кирпичный зеленый чай. Хозяйка расставила возле себя несколько китайских чашек, притащила кожаный мешок сомнительной чистоты, запустила в него свою буро-черную ручку столь же сомнительной чистоты, захватывала двумя пальцами по кусочку масла и клала его поочередно в каждую чашку. Затем из другого мешка она тем же способом добывала щепоточку дзамбы для каждой чашки и, наконец, наливала деревянным черпаком чай из котла. Чай был посолен солью, добытой в озере и представлявшей смесь поваренной и глауберовой соли.

Хозяин поднес каждому из нас по чашке этого напитка, отличавшегося от чая, который я пил у купцов в Кяхте, явной прогорклостью масла. Прихлебывая чай, мы вели с хозяином длительный торг о цене его продуктов, взвинченной под предлогом продажи „под секретом“. После долгих переговоров он согласился уступить семь мерок дзамбы за лан серебра, т. е. около 15 копеек за фунт, цену, неслыханную в то время в России даже в голодный год. Насчет масла мы не сошлись, так как он хотел дать только 2 джина (китайских фунта) за лан серебра, что составляло более 70 коп. за фунт, а качество масла, горького и смешанного с грязью и шерстью, слишком не соответствовало этой цене.

Завьючив купленную дзамбу на верблюдов, мы продолжали путь по северному берегу озера, синяя гладь которого расстилалась далеко на юг, где ее окаймляла белая полоса отложений

соли; последнюю в свою очередь ограничивали зеленые кусты, сливавшиеся в отдалении в сплошную раму. Эта комбинация синего, белого и зеленого цвета представляла очень своеобразную и красивую картину под лучами яркого летнего солнца. С другой стороны, на севере, тянулись плоские бесплодные холмы, позади которых виднелись вечноснеговые вершины Южно-Кукунорского хребта, окаймляющего почти сплошной стеной окраину Цайдама. Вблизи дороги тянулся солончак с чахлыми кустами и рыхлой почвой, словно вспаханной и посыпанной солью.

Обгнув озеро, мы попали на солончаки и болотистые луга низовой реки Баин-гол, впадающей в озеро с востока; кое-где виднелись юрты, а за рекой серели стены хырмы, т. е. ставки князя. Так как солнце клонилось уже к закату, а до лагеря, где находился этот князь, оставалось еще 15 км, нам пришлось еще раз раскинуть свои палатки возле ключевого болота среди кустов хармыка. На болоте гуляли черношейные журавли, которые могли улучшить наш скудный ужин, но они были осторожны и не подпускали к себе на верный выстрел из двустолки. Во время погони единственный птенец, еще не летавший, но уже бегавший быстрее человека, сделался жертвой собак, примчавшихся из соседней юрты. Родители птенца до позднего вечера оглашали воздух жалобным криком „курлык, курлык“, и мы поняли, почему озеро и монгольский князь получили свое имя. Журавль по-монгольски называется курлык.

Только к полудню следующего дня мы добрались до лагеря князя, вблизи которого нас встретили другие посланцы в парадных шляпах и указали нам удобное место для стоянки возле болотистого луга с ключевой водой недалеко от лагеря, палатки и пестрые флаги которого ясно выделялись на зеленом фоне луга, усеянного пасущимися лошадьми.

Под вечер я поехал в лагерь в сопровождении молодого Сплингерда и Цоктоева. У первых же палаток нас остановили монгольские воины, и один из них, нечто вроде урядника, пошел докладывать старшим чинам о нашем приезде. Хотя этот приезд был давно уже замечен всем лагерем и, конечно, известен князю, но церемониал, заведенный и в этом отдаленном крае, требовал доклада по всем инстанциям. Пока военные чины ходили из палатки в палатку, возле нас собралась толпа, и мы могли рассмотреть лагерь и его население. Картина в общем напоминала лагерь каких-нибудь средневековых ландскнехтов Валленштейна или даже полчищ времен крестовых походов. По окраинам поля полукругом были расположены белые и синие палатки рядовых, по одному десятку в каждой, под начальством

дзангина (урядника). Значок десятка в виде желтого флага с монгольскими надписями и с пришитыми к нему красными и белыми тряпками был прибит к длинному копыю, воткнутому в землю возле палатки, полы которой с теневой стороны были подняты и укреплены на расставленных кремневых и фитильных ружьях. В палатках виден был различный скарб обитателей — разноцветные и разношерстные сумы и мешки с провизией, сабли и мечи разной формы и древности, чайные чашки, одежда, сапоги. На сложенных из дерна очагах возле палаток кипели котлы и котелки с чаем или супом предстоящего ужина, и самые юные из воинов занимались подкладываньем хвороста или аргала и раздуванием огня с помощью мехов, устроенных из свежесобраных бараньих шкур. В центре лагеря стояли палатки меренов (сотников) и адъютантов князя; они отличались большей величиной и нашитыми на них по белому или синему фону синими или белыми полосами и узорами. Возле каждой палатки возвышалось копые с разноцветными флагами, к древку которого были привязаны ружья, сабли, луки и стрелы в колчанах. Из палатки в палатку сновали монголы, другие толпились у входов.

Разноцветно и разнообразно было само воинство; рядом со сгорбленным стариком виден был воин в полном расцвете, выставлявший, словно напоказ, свой мускулистый бронзовый торс или, по тибетскому обычаю, спустивший одежду с правого плеча. Много было подростков и даже мальчиков, а также лем с бритой головой. Одежанием солдат служили широкие штаны до колен, войлочные обшитые кожей сапоги с острыми загнутыми вверх носками и острым каблуком и куртки или кафтаны. Иные одевали верхнюю половину тела подобием шали, употребляемой ламами, из грубой шерстяной ткани ярких цветов — разных оттенков, красного или желтого. На куртках, кафтанах и шалях были нашиты черные и желтые крестики, обозначающие воинское звание. Столь же разнообразны были и головные уборы: та же ткань, обмотанная в роде тюрбана, но оставлявшая макушку голой, синие китайские платки, шапки разных форм на меху, войлочные шляпы в виде круга, в центре которого возвышалась узкая колонна с обрывками красной кисти на вершине. Офицеры носили китайскую соломенную шляпу с красной кистью и шариком, смотря по чину — медным, стеклянным или каменным.

Это разношерстное войско князь Курлык-бейсе учредил для защиты своих владений от тангутов, которые уже вытеснили монголов с берегов оз. Куку-нор, богатых пастбищами. Пржевальский встречал еще монголов на Куку-норе в последний

раз за 10 лет до моего путешествия, я же видел там только тангутов. Воинская повинность у князя была поголовная и пожизненная; от нее были освобождены только ламы, отправлявшие богослужение в кумирнях или занимавшиеся врачеванием, а остальные ламы были зачислены; в лагере их было довольно много, судя по бритым головам и желтому или красному одеянию в виде шали. Воины жили с семьями в своих юртах по разным пастбищным местам Цайдама, но по временам съезжались к местному мерену для стрельбы и джигитовки, а раз в год собирались на смотр к князю. Одежда, оружие, продовольствие были у них собственные, чем и объяснялось их разнообразие; жалованья князь не платил.

Наконец, доклад о нашем приезде дошел до князя, и один из адъютантов пригласил нас въехать за черту крайних палаток и зайти сперва в палатку главного помощника князя, так как сам князь давал еще аудиенцию двум китайским чиновникам, приехавшим с просьбой о разрешении начать разработку золотой россыпи для китайской казны в пределах владений князя. Просьба, конечно, сопровождалась подношением ценных подарков: шелковых материй и т. п., и эти посланцы заслуживали, конечно, большего внимания, чем какой-то иностранец, путешествовавший без конвоя и, очевидно, мало обещавший в отношении подношений.

Оставив лошадей, мы прошли сквозь толпу зевак в палатку главного помощника, старика лет семидесяти с большими слезившимися глазами и лицом вылинявшей обезьяны. Он пригласил нас сесть на разостланные коврики и задал обычные вопросы о здоровье людей и скота, хорошо ли путешествуем, затем предложил в знак внимания к гостю понюхать табак из его каменной табакерки в виде флакона с ложечкой, прикрепленной к пробке. Если гость не нюхает, то должен хотя бы поднести открытую табакерку к носу, а если нюхает — предложить хозяину свою табакерку. Подали, конечно, чай, но в деревянных чашках, выложенных серебром, что оказалось очень неудобным, так как горячий металл обжигал губы. Хозяин вытащил деревянный сосуд с маслом, чтобы прибавить его в чай, но я поблагодарил за это, очевидно, прогорклое дополнение. Он жаловался на слабость зрения и просил дать ему лекарство. Нужно заметить, что с подобной просьбой ко мне не раз обращались и монголы во время моего путешествия и что они вообще считали каждого европейца сведущим в медицине и потому имеющим возможность излечить их недуги. Пясецкий, как врач при экспедиции Сосновского, буквально осаждался больными и с горечью отметил в описании своего путешествия, что он по-

стоянно вынужден был отказывать многим, так как не имел ни времени, ни сил чтобы помочь всем. В данном случае, что можно было дать старику, испортившему зрение в течение семидесятилетнего пребывания в дымной юрте, кроме небольшого количества борной кислоты, которую я мог уделить из походной аптечки?

Во время чаепития последовали вопросы о цели моего путешествия, поводах визита к князю, затем о моей родине, семейном положении, возрасте и тому подобные вопросы, которые были вполне естественны со стороны любопытного и наивного человека. О возможности получить от князя проводников до Куку-нора хозяин заметил, что это будет не легко, так как уже в одном переходе на восток живут хара-тангуты, разбойники и грабители, и монголы никогда не ездят в одиночку по тангутской земле. Жалобы старика на тангутов были прерваны адъютантом князя с розовым шариком на шапке; он растолкал толпу, глазевшую на нас у входа в палатку, и пригласил следовать за ним к князю.

Сквозь еще большую толпу мы вошли в палатку, снаружи белую с синими разводами, внутри красную, покрывавшую площадь в несколько квадратных сажен. С обоих концов полы палатки были раздвинуты и приподняты для освежения воздуха, но монгольские воины заслонили оба входа плотной стеной: передние сели на землю, второй ряд присел на корточки, а из-за плеч третьего ряда выглядывали головы зрителей. Среди палатки на возвышении, обитом красной материей и устланном кашгарским ковром, восседал князь, облаченный в два халата: нижний из светлокрасного, верхний из темносинего сукна с пестрой тесьмой по бортам и опушкой из меха, на голове — парадная китайская шляпа с красной кистью, бурым каменным шариком и павлиньим пером. Князю на вид можно было дать около сорока лет; прямой нос и мало выдающиеся скулы его бритого лица, а также прямой разрез глаз говорили, что он не монгольской крови. В правом ухе висела громадная серебряная серьга с кораллами и бирюзой, такая же подвеска к ней спускалась до плеча. У ног князя на коврике сидел мальчик лет 12 в цветном шелковом халате с меховой опушкой; его миловидное личико имело вполне монгольский тип. Это был наследник, второй сын князя, первенец которого предпочел духовное сословие.

На возвышении, рядом с князем, лежали разные подношения, очевидно, китайских чиновников и других посетителей — корзинка с мелкими сухарями, пачка русских стеариновых свечей, свертки шелковых тканей, кучка хадаков. У ног, в передней части палатки, были расставлены яства — медное блюдо с полусырой

бараниной, глиняные бутылки разной величины, вероятно, с тарасуном (молочной водкой), заткнутые вместо пробки комком сыра; открытые кадушки различной формы с молоком свежим и кислым и со сметаной; баранья брюшина, наполненная маслом; кожаная сума с сушеным творогом; несколько медных кувшинов с чаем и блюдо с серыми лепешками, похожими на блины.

Князь пригласил нас сесть на коврик, разостланный на земле возле его наследника. Против нас, слева от князя, присели на корточки или на колени адъютанты и приближенные, все в красных халатах и парадных шляпах, ближе всех к князю старый жирный лама с седой бородой, обрамлявшей добродушное лицо. Моя беседа с князем велась так: я говорил, глядя на князя, по-русски; мой переводчик Цоктоев переводил по-монгольски вполголоса сидевшему возле него адъютанту, который громко докладывал князю; тем же порядком передавались и слова князя. После обычных приветствий, предложения табакерки и расспросов о здоровье и благополучном путешествии я поблагодарил князя за внимание, выраженное присылкой людей, знавших дорогу к лагерю, а затем просил дать мне проводника к Куку-нору.

Князь ответил, конечно, что путь туда идет по владениям разбойников-тангутов, что монголы в одиночку туда не ездят, так что одного проводника он дать не может. Он добавил, что если мы все-таки рискнем идти туда, он поручиться за нашу жизнь не может, так как нас только двое (я и Цоктоев), а китайцев считать нельзя, так как это не люди, а „тени людей“. Поэтому он советует нам вернуться назад, но если я буду настаивать на своем намерении, то он, желая помочь русскому гостю, может дать мне надежный конвой, конечно, за вознаграждение, чтобы проводить через страну тангутов. Я возразил, что не имею с собой средств, чтобы платить жалованье большому конвою, и потому прошу назначить двух или трех человек, не больше. Я заметил, что до сих пор тангуты не нападали на иностранных путешественников и что в крайнем случае у меня есть оружие для защиты, так что конвой нужен не мне, а проводнику для его безопасности на обратном пути.

Князь обещал подумать и дать ответ на следующий день, на чем аудиенция и кончилась. Беседа продолжалась около получаса, вследствие передачи слов через двух человек, и производилась во время чаепития, для чего передо мной поставили скамеечку, и чай наливали из кувшина, готовый с молоком и солью.

На следующее утро ко мне пришли два адъютанта князя в красных халатах и парадных шляпах, один с розовым, другой с синим шариком. Они поднесли мне хадак и маленькую глиня-

ную бутылку с молочной водкой и сообщили, что князь, обсудив мою просьбу, решил оказать мне содействие и назначает проводниками двух надежных людей из его войска, хорошо вооруженных (фитильными ружьями и старыми саблями). Они проведут меня до кумирни Дулан-кит в четырех днях пути на восток за плату в половину лана (рубль с лишним) каждому в сутки; они обязаны караулить по ночам и защищать меня до последней капли крови. В Дулан-ките их заменят воины местного монгольского начальника, к которому князь напишет рекомендательное письмо.

Изложив это, посланцы попросили показать им то оружие, которое позволяет мне не бояться страшных тангутов. Осмотрев берданку, двустолку и револьверы, монголы пришли в восторг от быстроты заряжения и разряжения и согласились, что одной берданкой можно обратить в бегство целую шайку, а револьверами отбить ночное нападение. Немало удивления вызвал и бинокль. Увидев на столике чернильницу и бумагу, они спросили, нет ли у меня лишней белой бумаги, пустых бутылок, банок и жестянок. Кое-что нашлось, и монголы были в восторге от этих ценных для них подарков. Для князя, в ответ на его подарки, я передал им записную книжку с карандашом и перочинный ножик, и посланцы уехали вполне довольные.

Но вскоре один из них вернулся и передал приглашение князя приехать к нему пить чай и просьбу послать ему на показ свое оружие. Я послал Цоктоева с берданкой и револьвером в лагерь, где происходила в это время стрельба, так что он мог показать князю стрельбу из этого оружия; я сам поехал уже под вечер, захватив бинокль, фотоаппарат и сочинение Пржевальского с описанием его третьего путешествия по Центральной Азии, в котором были изображены цайдамские монголы и животные.

На этот раз никто не задержал меня на окраине лагеря, где меня встретил Цоктоев, и мы свободно подъехали к палатке князя и попросили одного из выбежавших знакомых уже адъютантов доложить о нашем приезде. Нас немедленно ввели в палатку, окруженную огромной толпой монголов. В противоположность вчерашней торжественной аудиенции, князь принял нас запросто. Он так же сидел на возвышении, но голова его вместо нарядной шляпы была украшена зеленой ермолкой с обрывками красной кисти; халат, по тангутскому обычаю, был спущен с правого плеча, обнажая всю руку, плечо и половину груди, причем было видно, что князь, как и простые монголы, белья не носит. На грудь спускалось ожерелье из крупных цветных камней — малахита, мрамора и нефрита — выточенных в виде шаров и

цилиндров. В дополнение к обнаженному плечу ноги были босые, и толстые монгольские сапоги стояли возле трона.

Число кадушек и горшков перед последним, повидимому, еще увеличилось приношениями его верноподданных. При входе я увидел, что коленопреклоненный монгол поднес князю хадак и глиняную бутыл с водкой, заткнутую комком сыра. По обычаю, князь прикоснулся мизинцем к сыру и затем поднес его к губам, словно пробуя продукт. Тот же жест повторил и наследник, которому также был поднесен хадак.

Увидев нас, князь пригласил сесть на те же места, что и накануне, но не подумал извиниться за свой слишком домашний костюм. Передо мной сейчас же поставили скамеечку, подали чашку с чаем, придвинули блюдо с лепешками и кадушку со сметаной, а наследник, по знаку князя, собственноручно насыпал мне в чай горсть мелких китайских сухарей из корзинки, стоявшей на троне возле князя, как большое лакомство, которым угощают только особенно почетных гостей. Соблазнившись сметаной, которой я не видел с тех пор, как оставил русские пределы, я тщетно искал глазами среди кадушек, горшков и бутылей какой-либо инструмент в роде ложки и, наконец, решился зачерпывать сметану краем лепешки прямо из кадушки.

Во время чаепития князь выразил свое удовольствие по поводу нашего знакомства и заметил, что мы хорошие люди, обходительные, не то, что те, которые были в Цайдаме тринадцать лет назад; те держали себя с ними свысока, а их переводчик пьянствовал у монголов и в пьяном виде угрожал разными враждебными действиями.

— Понятно,— прибавил князь,— что я старался выпроводить этих гостей поскорее и дал им в проводники к границе Тибета самого негодного из моих людей, опасаясь отпустить с ними хорошего человека.

Имея десяток-другой хорошо вооруженных конвойных, можно и в чужой стране идти напролом и действовать угрозами. Путешествуя же без конвоя, приходится просить, действовать словами или деньгами, если последних достаточно. Первый метод, конечно, производит дурное впечатление и увеличивает неприязненное отношение к европейцам. Так, Пржевальскому не удалось попасть в Лхассу, столицу Тибета, несмотря на конвой и сражения с тибетцами. Другой знаменитый путешественник — Потанин ездил без конвоя и все-таки побывал везде, где было нужно, без столкновений с местным населением. Я также путешествовал два года вполне мирно, за одним исключением, и только в бассейне р. Бухайн-гол не мог попасть из-за отсутствия проводника.

Далее князь похвалил берданку, которая все время лежала возле него. Он сказал, что если бы у него был хоть десяток таких ружей, ни один тангут не смел бы показаться в Цайдаме. Револьверы также понравились ему, и он просил продать один из них, но цена в десять лан (21 рубль), которую я спросил, показалась ему слишком высокой. Он, может быть, надеялся на подарок. Двустоволка не произвела особого впечатления, князь отдавал предпочтение дальнобойному оружию. Биноколь вызвал большое удивление. Желая взглянуть через него вдаль, князь что-то крикнул, толпа, заслонявшая вход в палатку, опустилась на колени, и он мог любоваться видом на далекие горы через головы своих воинов. Все предметы князь после осмотра передавал адъютантам, и они переходили из рук в руки, затем все вернулось ко мне в целости, кроме пустой гильзы из двустоволки, которую кто-то припрятал, вероятно, чтобы сделать из нее диковинную табакерку. Князь руководил осмотром, объясняя через адъютантов, как заряжается оружие, с которой стороны нужно смотреть в бинокль. В пылу объяснений вследствие сильной духоты в палатке князь спустил свои халаты и с левого плеча, так что сидел обнаженный до пояса и почесывал себе спину и грудь, по которым струился пот.

Затем я показал князю сочинение Пржевальского. Перелистывая его, князь мало обращал внимания на видовые картинки, но подолгу останавливался на изображениях различных народностей и животных. Он сейчас же узнал своих друзей хара-тангутов и отпустил по их адресу несколько комплиментов. Он узнал также своего соседа по Цайдаму, князя Дзун-засака, изображенного с четырьмя приближенными. Чтобы дать возможность взглянуть на наиболее интересные картинки всем присутствующим, князь поднимал книгу над своей головой, поворачивая ее во все стороны и объясняя, что изображено, например: бамбарчи (медведь), оронго (антилопа-оронго), куку-яман (горный козел), сарлык (домашний як), и вся толпа повторяла разными голосами: бамбарчи, оронго, куку-яман, сарлык с возгласами изумления.

С своей стороны, князь захотел похвастать европейской вещью и вытащил из ящика, стоявшего возле него, складной стереоскоп, поломанный и с загрязненными картинками разных сцен из европейской жизни, частью неприличных. Стереоскоп он купил, будучи в Пекине, но содержание многих картинок было ему непонятно, и он спрашивал объяснение их. Пользуясь случаем, я предложил князю снять с него, его воинов и всего лагеря такую же картинку, т. е. фотографию, но ответа не получил. Князь перевел разговор на другой предмет и, немного спустя, надел сапоги и халаты и вышел из палатки. Полагая, что

молчание — знак согласия, я расставил свой фотоаппарат на треноге вблизи палатки, так что на матовом стекле получилось изображение палатки и части людей. Это вызвало удивление воинов, обступивших меня и заглядывавших по очереди под черное сукно. Между тем, князь совещался с своими адъютантами и жирным ламой и на мое приглашение посмотреть вид его палатки приблизился только на почтительное расстояние, шагов в 20 от аппарата, и заявил что уже достаточно снимать, так как это может не понравиться в Пекине. Он, вероятно, боялся, что как только подойдет поближе, то будет изображен на бумаге, как князь Дзун-засак. Пришлось сложить аппарат и пожалеть, что у меня не было карманной камеры, которой я мог бы снять две интересные сцены: вчерашнюю торжественную аудиенцию и полуголого князя с кадушками и горшками у его ног.

Вернувшись в свою палатку и отвешивая вечером серебро для уплаты князю за проводников и за обмен уставшего верблюда на двух лошадей, я пришел к печальному выводу, что остается слишком мало серебра для дальнейшего пути по Нань-шаню. Дороговизна проводников и непредвиденный длинный маршрут по западному Нань-шаню истощили мои финансы, и оставалось одно средство — продать князю что-нибудь из более ценных вещей — берданку, двустоволку или бинокль. Я не сомневался, что князь выберет берданку, которая ему так понравилась и которую он уже просил продать ему.

На следующее утро опять пришли гости: один из адъютантов с старшим сыном князя, ламой, и еще какими-то родственниками. Они поднесли мне опять молочную водку, но в большой глиняной бутылки и хорошего качества, и привели двух хороших лошадей в обмен на верблюда. Они спросили, нет ли у меня куска мыла для супруги князя, судя по чему мыло является редким предметом в обиходе даже у монгольских князей, не говоря о простых монголах, которые его не употребляли никогда. Родственники князя выразили желание получить белой бумаги, пустые банки, бутылки и жестянки (от консервов). Кое-что я мог еще уделить им и отправил также князю подарки в виде куска мыла, фунта стеариновых свечей и дорожной чернильницы с пером, а Цоктоева отрядил с тремя предметами, предлагаемыми для продажи. Как я и предполагал, князь согласился дать просимую мною цену только за берданку с сотней патронов, а за бинокль и двустоволку предлагал цену значительно ниже их стоимости.

После обеда меня посетил старший лама с добродушным лицом, присутствовавший на аудиенции. Он поднес мне хадак и фунта два масла в бараньей брюшине и, в качестве княжеского

врача, просил уступить ему некоторые лекарства, именно слабительные, глазные и от „задержания крови“.

Первые я мог дать ему в виде касторового масла, английской соли и борной кислоты, но лекарства „от задержания крови“ у меня, конечно, не было. Заметив в моей аптечке клистирную трубку, лама спросил о ее назначении, которое ему так понравилось, что он просил уступить этот прибор. К сожалению, он был у меня единственный. Лама посоветовал мне привести в следующий раз в Цайдам несколько штук, обещая им хороший сбыт. Он спрашивал также, почему я не иду в Лхассу, и предлагал дать туда проводника-ламу, который будто бы сумеет провести меня в этот священный город буддистов, недоступный для европейцев. Возможно, что дружба с ламами и получение рекомендательных писем и проводников из монастыря в монастырь могли представлять в то время единственный способ проникнуть в Лхассу, что не удалось ни Пржевальскому, ни Роккилло, ни принцу Орлеанскому. В благодарность за лекарства лама подарил мне четки из пальмового дерева, привезенные из Лхассы.

Упомяну еще, что в лагере князя один солдат-монгол обратился ко мне по-русски и предлагал свои услуги в качестве переводчика, будто бы знающего по-тангутски и по-китайски. Этот монгол Абаши был родом из Уланкома, на севере Монголии, и хотел бы вернуться на родину после многолетних странствий. Я согласился взять его, а князь разрешил ему ехать со мной.

К вечеру все наши сношения с монголами были кончены, и на следующее утро мы двинулись в путь. Проезжая мимо лагеря, я заехал еще к князю проститься и получить „охранное письмо“, которым все попутные монгольские начальники приглашались, во имя дружбы с князем Курлык-бейсе, охранять нас от тангутов и давать проводников за сходную цену. Пока ламы писали письмо, князь угощал меня кислым молоком, которое делается из смеси разных сортов молока — козьего, овечьего и коровьего — закисающих в общей кадке; в жаркий день это приятный и немного спиртной напиток. На этот раз к украшениям княжеской палатки прибавились еще три опаленные бараньи головы, которые лежали на кадях с молоком и, казалось, насмешливо глядели на нас своими безбровыми глазами, оскалив белые ряды зубов.

Наконец, письмо написано, к нему приложена печать князя в нескольких местах, и, сопровождаемые добрыми пожеланиями адъютантов, мы выехали за черту лагеря в унылую степь, уходящую на восток за горизонт между двумя цепями скалистых гор, в которых живут тангуты. Благополучно ли пройдем мы через их кочевья?

Глава десятая

ОЗЕРО КУКУ-НОР И ВОСТОЧНЫЙ НАНЬ-ШАНЬ

Последние переходы по Цайдаму. Вредный корм в долине Дулан-гол. Горные озера. Кумирня Дабасун. Буддийское богослужение. Маленький гэгэн. Ужин «бедных» лам. Перевал к Куку-нору. Тангутское стойбище. Черные палатки. У озера. Рыбная ловля. Отшельники на острове Куйсу. Пески восточного берега. Перевал к Донкыру. Столкновение с тангутами. Скорая помощь китайцев. Город Си-нин-фу. Английский путешественник. Смена каравана. Опять через цепи Нань-шаня. Китайские золотоискатели. Оазис Гань-чжоу.

Мы шли еще четыре дня на восток по той же северной окраине Цайдама, по долине, ограниченной с севера низкими передовыми грядами Южно-Кукунорского хребта, а с юга — сначала плоскими холмами, а затем скалистым хребтом Баин-Сарлык с зубчатым пребнем. В долине мы миновали четыре соленые озера, окруженные солончаками с зарослями кустов тамариска и харьмька, и в промежутках между ними шли по унылой глинистой или глинисто-щебневой степи с бедной растительностью. Кое-где попадались жалкие монгольские пашни, орошаемые из речек, вытекавших из Северных гор. Редкие монгольские юрты прятались за глинобитными стенами небольших укреплений, возведенных для защиты от внезапного нападения тангутов. Но последних на всем пути до Дулан-кита мы не видели, да они могли попасться только случайно в виде нежеланных гостей, вторгнувшихся во владения Курлык-бейсе с целью грабежа.

Перед Дулан-китом дорога свернула в горы по узкой долине р. Дулан-гол, где мы вскоре остановились возле кумирни, так как должны были получить новых проводников. Цоктоев и старые проводники отправились в кумирню, но местный начальник, тоже вроде князька, был в отлучке, и проводников назначил гэгэн, глава маленького монастыря.

На склонах долины мы впервые после долгого времени увидели редкий лес, состоявший из древовидного можжевельника (арца), похожего на тую, и тьяншанской ели с кустами барбариса. Но место ночлега оказалось вредным для наших животных: лошади наелись какой-то травы, сделались сонными и вялыми, глаза у них слезились, и веки опухли. Местные монголы говорили, что животные, не привыкшие к этой траве, поев ее несколько дней, совершенно ослабевают и иногда околевают. Поэтому на следующий день, несмотря на дождь, зарядивший с утра, мы поторопились переселиться километров на 10 дальше по той же долине, где берега небольшого озера представляли хороший корм. Потом еще день шли по той же долине, в которой находится еще одно озеро, более крупное.

Эти два озера, содержавшие чистую пресную воду, окруженные довольно высокими горами, склоны которых отчасти были покрыты лесом, отчасти травой, и обращали на себя внимание по сравнению с солеными озерами Цайдама. Отсутствие соли в их воде объяснялось тем, что оба озера были проточные на речке Дулан-гол и лежали в горах, более богатых осадками. Но из этой долины озер нам пришлось опять уйти, чтобы посетить кумирню в обширной котловине Дабасун-гоби, где предстояла еще одна смена проводников.

Эта котловина тянется верст на 100 в длину при ширине до 20 верст между хребтами Южно-Кукунорским и Цаган-усын и содержит в западной части большое соляное озеро Дабасун-нор, в котором монголы добывают соль для себя и для продажи в Китае. Недалеко от северного берега озера находится кумирня, вблизи которой мы остановились. Цоктоев с проводниками, которые хотели смениться, пошли в кумирню и вернулись с одним из лам, заменявшим настоятеля, уехавшего в Донкыр. Этого ламу так испугало известие о прибытии русской экспедиции, что он спрятался среди других лам, отрицал свои полномочия и только после долгих уговоров решился притти к нашим палаткам с подношением хадака и сосуда с кислым молоком.

Мы угостили его чаем и самодельными лепешками, после чего он согласился отпустить нам проводников до первого китайского города Донкыра, но только не двух, а трех, под предлогом, что на оз. Куку-нор мы обязательно встретим тангутов; он требовал за них еще более высокую поденную плату, чем Курлык-бейсе, и желал получить деньги вперед за все время. Он, очевидно, не доверял нам и боялся, что тангуты нападут на нас, и он не увидит ни проводников, ни денег. Пришлось согласиться и на эти условия. Моя сговорчивость навела его на мысль, что у русского путешественника денег куры не клюют, как

говорится, и он завел длинный разговор о том, что кумирня очень бедна, что монголы Дабасун-гоби не в состоянии содержать персонал в 30 лам (бездельников), что начата постройка нового храма, закончить которую нет средств. Но так как эти жалобы, посредством которых лама надеялся выманить у меня пожертвование, не произвели впечатления, он пригласил меня посетить кумирню и убедиться в ее бедности.

Мне давно уже хотелось видеть буддийское богослужение. Под вечер, когда из кумирни донеслись звуки барабанов и труб, возвещавшие начало вечерней службы, я отправился туда вместе с Цоктоевым. К зданию кумирни примыкали дворики, окруженные глинобитными стенами, вмещавшие юрты и фанзы лам и нескольких монгольских семейств. Проходы между двориками были загрязнены золой и всякими отбросами; кое-где зияли ямы, из которых была добыта глина для построек, так что ходить здесь ночью было не безопасно. В некоторых двориках теснились овцы и козы, пригнанные с пастбищ для вечернего доения, которым и занялись монголки. Блеяние этих животных и лай собак аккомпанировали музыке, доносившейся из храма. Во дворе перед фасадом последнего дымилась два большие котла на открытом очаге; это варился ужин для бедных 30 лам, нуждавшихся в моем подаении.

Старший лама встретил нас в этом дворе и повел в храм. Последний получал скудное освещение из небольшого купола, поддерживаемого четырьмя ярко раскрашенными деревянными колоннами. В левой половине на длинной веревке висели большие и маленькие старые выцветшие и свежие хадаки, напоминающая мелкое белье, вывешенное для просушки. На стенах виднелись нарисованные на тканях изображения разных божеств, перед которыми на скамеечках дымилась жертвенные свечи. В промежутке между колоннами на красных плоских подушках, в два ряда, лицами друг к другу, сидели ламы в красных и желтых халатах, бившие в литавры или дувшие в длинные, сажени в полторы, жестяные трубы. В глубине храма на возвышении вроде трона, также красного цвета, сидел мальчик лет десяти, гэгэн кумирни, т. е. перевоплощение Будды, в красном одеянии, но с босыми ногами, как у лам. Перед ним на троне виден был металлический сосуд и какой-то предмет, закрытый белым покрывалом. Гэгэн сидел неподвижно, подобно восковой фигуре, с опущенными веками, и только по временам можно было заметить, как его веки чуть поднимались и черные глаза из-под длинных ресниц бросали любопытный взгляд в ту сторону, где находился я. Перед каждым из лам стояла скамеечка, а рядом с их подушками войлочные сапоги, снятые ими перед службой.

Кроме труб и барабанов, я заметил также колокольчики, бубенчики и большие раковины, участвовавшие в духовном концерте, а против тэгэна, замыкая проход между обоими рядами лам, сидели на корточках четыре послушника у больших барабанов, в которые они по временам ударяли кожаными шарами на бамбуковых палках, вызывая звуки, похожие на отдаленный гром. Впереमेжку с громкой музыкой ламы тянули однообразный напев молитв, сопровождая его встряхиваньем колокольчиков и бубенчиков; звуки труб и барабанов внезапно и резко врываются в это пение.

Меня усадили на коврик у стены в правой половине храма, позади молившихся лам, поставили возле меня скамеечку, и старший лама собственноручно налил мне монгольского чаю в чашку и положил кусочек масла, взятый из красного ящичка; масло оказалось настолько прогоркшим, что я с трудом проглотил чашку и попросил вторую без этой прибавки. К чаю подали плоские сухие лепешки, похожие на еврейскую пресную пасхальную мацу, а после чаю лама поднес мне в качестве особого угощения тарелочку с кучкой дзамбы, украшенной ломтиками овечьего сыра и сушеными фруктами. В отличие от угощения у князя Курлык-бейсе, характерного отсутствием всяких приборов для еды, здесь были поданы китайские костяные палочки и маленькая костяная лопаточка. Лама, сидевший на корточках возле меня, играл роль любезного хозяина, угощавшего гостя.

Богослужение и музыка продолжались без перерыва, и маленький храм наполнился молящимися, которые, впрочем, больше интересовались уголком, где я сидел, чем молитвами, оглядываясь и перешептываясь друг с другом. Один только гэгэн сидел неподвижно, словно восковая фигура, на своем троне; его губы иногда шевелились то медленнее, то быстрее; иногда он протягивал руку, брал небольшой тамбурин, обвешенный маленькими металлическими шариками на длинных нитях, и встряхивал его, но мелодичные звуки шариков совершенно заглушались громкой музыкой.

Нужно пояснить, почему ребенок может играть главную роль в буддийском богослужении. Гэгэн — это перевоплощение Будды, и каждый монастырь желает иметь его, так как он привлекает молящихся; гэгэн не умирает, а только меняет свою внешнюю оболочку. После смерти гэгэна совет лам выискивает по разным приметам, в какого ребенка должна была переселиться душа покойного, и депутация лам отправляется отыскивать этого новорожденного гэгэна иногда очень далеко от монастыря. Его находят, привозят и воспитывают для его будущей роли перевоплощенца. В большинстве случаев гэгэн играет роль послушного орудия в руках хитрых и властолюбивых лам, которые

через него оказывали более сильное влияние на население Монголии и Тибета, чем светские князья.

Эти дети-гэгэны достойны сожаления. Мальчик вырастает, не зная ни материнской заботы и ласки, ни детских игр и шалостей, вообще счастливого детства, в мрачной монастырской келье, в обществе лицемерных и фанатичных лам, которые укрощают все его порывы. Вместо игр и веселья он узнает только молитвы, догмы непонятной ему религии и рано привыкает скрывать свои чувства под маской набожной сосредоточенности. Он пленник, птица в клетке, с той только разницей, что птица может изливать свое горе в песнях, а ему и это запрещено.

Эти мысли приходили мне в голову, пока я наблюдал во время богослужения за маленьким гэгэном.

По временам он поднимал руку, благословляя монгола из толпы верующих, подносившего ему хадак. Мне казалось, что мальчик предпочел бы самую простую игрушку, что он с восторгом соскочил бы с своего трона и подбежал бы ко мне, чтобы поближе взглянуть на заморского человека, посетившего этот унылый край на границе Тибета, приобщиться на минуту к чуждой, незнакомой жизни.

Но вот музыка затихла на короткое время, в течение которого несколько мальчиков, очевидно, послушников, будущих лам, принесли желтые остроносые шапки, по форме похожие на фригийские колпаки, но обрамленные бахромой, и надели их на головы лам. Старший лама, ухаживавший за мной, надел такой же колпак, стал против гэгэна возле барабанщиков, и все инструменты слились в громогласном соревновании, в ушираздирающем концерте, составившем финал богослужения. И внезапно звуки оборвались, наступила тишина. Ламы отложили инструменты, надели сапоги, отерли пот, выступивший на лицах, рукавами своих халатов; мальчики сняли с них и унесли колпаки, гэгэн закрыл свой тамбурин зеленой и, поверх нее, белой тряпкой. Молящиеся начали выходить из храма, а вместо них появился, к моему изумлению, ужин. Послушники принесли со двора большие глиняные кувшины и доски с нарезанной на куски бараниной; каждый из лам вытащил из-за пазухи свою чашку, достал из футляра, подвешенного к поясу, монгольский нож и костяные палочки. Послушники налили в чашки какой-то густой суп, роздали куски мяса, и скамеечки перед сидевшими в два ряда ламами превратились в столики для еды. Меня поразила эта профанация храма и заинтересовало качество и количество вечерней еды лам в бедном монастыре, нуждавшемся в помощи иностранца. По моей просьбе, мне налили чашку супа, который оказался жидкой ячменной кашей на молоке, доста-

точно питательной и вкусной. Гэгэн участвовал в трапезе; ему подали суп и большой кусок мяса на отдельной дощечке. Его лицо оживилось во время еды, и он протягивал свою чашку несколько раз для наполнения.

Невольно бросилось в глаза, что как среди взрослых и младших лам, так и среди молящихся было немало лиц совсем не монгольского типа: прямой разрез глаз, мало выдающиеся скулы, прямые носы, даже с горбинкой, заставляли думать, что многовековое соседство монголов и тангутов способствовало неоднократно смешению обеих рас. Один молодой лама мог быть даже назван красавцем, а среди женщин было несколько очень привлекательных лиц. Маленький гэгэн также имел не чисто монгольский тип, а князь Курлык-бейсе, как упомянуто выше, лицом совсем не походил на монгола.

Я не дождался конца ужина и ушел, провожаемый старшим ламой, который возобновил свои жалобы. Он надеялся, что я убедился в бедности монастыря, в отсутствии красивых статуй богов, заменяемых только нарисованными на бумаге жалкими изображениями их, в плохом качестве инструментов, в тесноте храма. Пришлось сообщить, что моя дорожная касса истощена, что я был вынужден продать князю Курлык-бейсе хорошее ружье, чтобы выручить деньги для оплаты проводников через владения тангутов, так что жертвовать на бедный храм в Дабасун-гоби я ничего не могу. Лама, очевидно, не поверил моим словам, и мы расстались холодно.

На следующее утро обещанные и уже оплаченные три проводника долго не являлись. Пришлось послать монгола Абаши в кумирню, поторопить старшего ламу с отправкой его людей. Кстати я послал гэгэну небольшой подарок; к сожалению, у меня не было ни детской книжки с картинками, ни соответствующей его возрасту игрушки, и пришлось ограничиться жестянкой с русскими конфетами монпасье, оказавшейся еще в наличии.

Абаши вскоре вернулся и передал мне благодарность гэгэна, которому конфеты очень понравились.

— Но, — прибавил монгол, — я присоединил к вашему подарку кусочек серебра для старшего ламы, так как не годится при посещении монастыря не сделать хотя бы небольшое пожертвование на храм.

Таким образом добрый монгол счел нужным сгладить неприятное впечатление, которое произвела, по его мнению, моя скудость на почтенных лам.

Вскоре явились и три проводника, вооруженные фитильными ружьями и кривыми саблями, и наш караван направился на восток по унылой степи северной окраины Дабасун-гоби, к отрогам

Южно-Кукунорского хребта. Среди этих отрогов на одном из притоков р. Усыба мы заночевали, на следующий день пересекли еще несколько отрогов гор и притоков той же речки между ними и по левой вершине ее поднялись на плоский перевал Сагастэ через этот хребет, достигающий 3700 м абс. высоты. С него открылся вид на обширную впадину, занятую синей гладью Куку-нора, среди которой белели два небольшие острова. Наконец-то мы увидели это голубое озеро (Куку — голубой, нэр — озеро), которое знаменитый географ Гумбольдт считал расположенным в особом горном узле между Куэн-лунем и Нань-шанем и к берегам которого он мечтал добраться сначала через Россию, чему помешало нашествие Наполеона в 1812 г., а затем через Персию и Индию; ради этого Гумбольдт изучил даже персидский язык. Почти восемь недель мы затратили, чтобы достигнуть его берега, вместо четырех, которые понадобились бы при выполнении первоначального плана.

Спустившись немного с перевала, мы поставили свои палатки рядом со стойбищем тангутов, по совету проводников, которые заявили, что эти разбойники никогда не нападут на караван, ночующий возле их жилищ и, так сказать, доверивший им свое благополучие.

Мы впервые увидели этих кочевников, рассказами о которых нас пугали на всем пути от хр. Гумбольдта. Интересно было посмотреть на них поближе.

Стойбище состояло из нескольких черных палаток, резко отличавшихся от монгольских юрт. Палатка тангутов и тибетцев сделана из грубой черной ткани, сотканной из шерсти яка; форма ее почти квадратная; крыша плоская, ее поддерживают внутренние колья и оттягивают веревки, также шерстяные, протянутые через наружные колья и прибитые маленькими колышками к земле (рис. 67). Высота палатки в рост человека. В крыше длинный вырез для света и выхода дыма; под этим вырезом находится сбитый из глины квадратный очаг, на котором варят в плоском котле чай и еду. Вокруг очага разостланы шкуры, на которых днем сидят, а ночью спят. Вдоль стен складывают запасы аргала и другого топлива в виде длинной стенки, на которой лежит платье, домашняя утварь, запасы провизии. Утварь состоит из чашек, глиняных горшков и кувшинов, деревянных кадушек и бурдюков для кислого и свежего молока, творога и масла; посудой служат также рога яков. Против входа в палатку у задней стенки небольшое возвышение с глиняными или металлическими статуэтками буддийских божеств.

Тангуты стойбища не нахлынули к нашей стоянке целой толпой, как сделали бы монголы. Нас посетили только три или

четыре человека, вероятно, старшины. Лица их всего больше напоминали лица наших цыган и подтверждали присутствие тан-

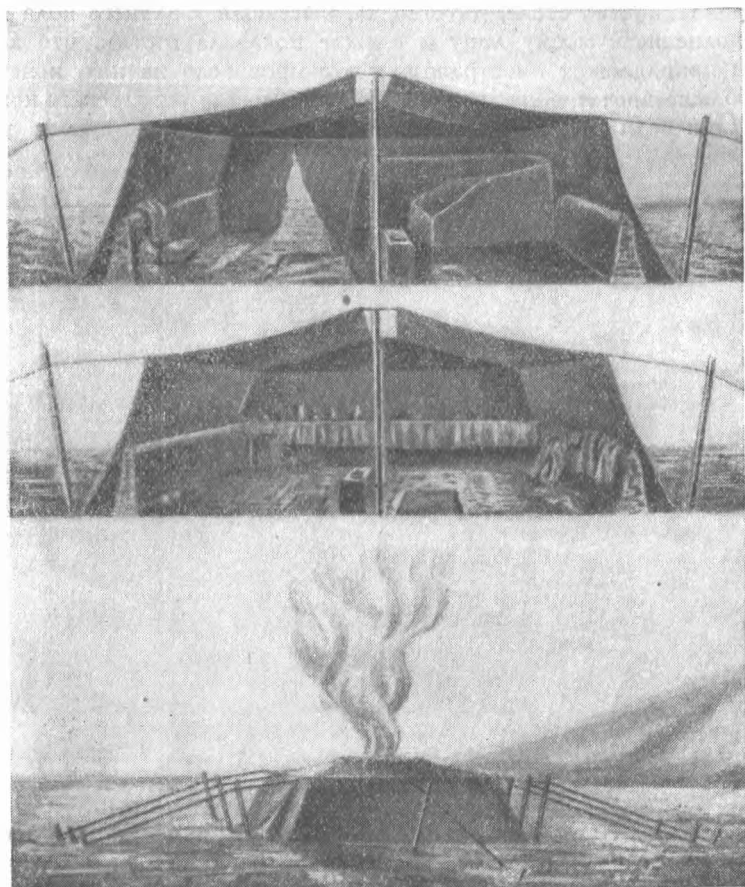

Рис. 67. Тангутская черная палатка; внизу — вид снаружи, вверху и в середине — внутренний вид.

гутской крови в облике монголов Цайдама. Они были одеты в короткие до колен халаты грубого черного сукна, висевшие мешком поверх пояса; ноги их были обуты в шерстяные толстые чулки, внизу обшитые кожей, наподобие сапог; головной убор состоял из шапки на бараньем меху в виде плоского конуса;

пряди черных волос выбивались из-под шапки, обрамляли смуглые безбородые лица. Мы угостили тангутов чаем. Вся обстановка моей палатки — столик, табурет, выючные ящики, бумага и чернильница на столе, двустволка, высевшая у заднего кола — в дополнение к моему лицу и одежде показала гостям, что караван принадлежит иностранцу, и это произвело на них, конечно, больше впечатления, чем вооружение моего монгольского конвоя. Они вели себя очень сдержанно, ничего не трогали и не

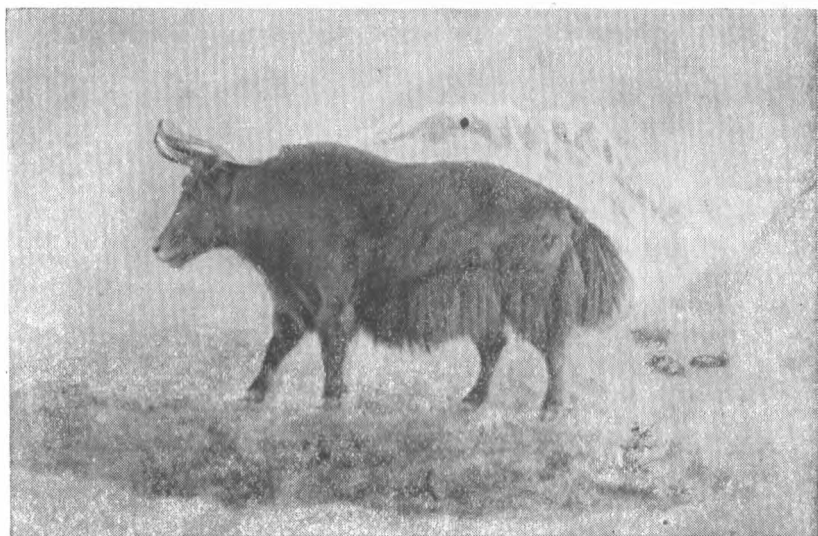

Рис. 68. Дикий як (*Bos grunniens* Linn.).

просили. Монгол Абаши, кое-как объяснявшийся с ними потангутски, напел всякие небылицы о моем путешествии (как он признался позже) и сказал, что нас уже ждут в Си-нине (ближайшем к Куку-нору большом китайском городе, которому земли тангутов номинально подчинены). Когда гости ушли, он заявил мне, что все рассказанное им будет завтра же известно на всех стойбищах вдоль нашего пути по южному берегу озера и что никто не решится напасть на нас.

Мимо наших палаток взад и вперед прошли также несколько молодых тангуток, с любопытством оглядывая нас, но не решаясь подойти ближе. Одежда их была такая же, как у мужчин, но черные волосы были заплетены в множество мелких косичек;

халаты были спущены с правого плеча, обнажая смуглые руки, грудь и шею, с которой спускались ожерелья из белых и желтых металлических блях; между грудями видна была черная коробка, вероятно, ладонка с каким-нибудь талисманом или тибетскими молитвами.

Рис. 69. Водяная молитвенная мельница.

Перед закатом солнца с гор спустилось к стойбищу небольшое стадо овец и коз и несколько домашних яков. Последние у тангутов и тибетцев служат и в качестве вьючных животных; они дают жирное молоко, шерсть, шкуры, мясо, рога (рис. 68). Несмотря на свою массивность, яки прекрасно ходят по горам и более приспособлены к сырому и холодному климату Тибета, чем верблюды.

На ночь мы пригнали верблюдов и лошадей к своим палаткам, и наши проводники по очереди сторожили их. Ночь прошла спокойно, и на следующее утро мы пошли дальше по долине Сагастэ и вскоре спустились к берегу Куку-нора. По дороге заметили странное сооружение: на горном ручье, под навесом на четырех столбах, стоял большой цилиндр, обклеенный бумагой с тибетскими молитвами. Нижняя часть его представляла горизонтальное колесо с лопатками, опущенное в воду ручья, которая приводила цилиндр в медленное вращение. Это была молитвенная мельница, подобно виденным мною в Урге, но там эту мельницу вращали богомольцы, а здесь их роль выполняла вода, и молитвы возносились к небесам и днем и ночью без перерыва (рис. 69). Отмечу еще, что у тангутов были в ходу и ручные молитвенные мельницы в виде маленьких цилиндров с молитвами, которые вращались вокруг оси при круговых движениях руки: тангут при пастьбе скота носит и вращает такую мельницу в руке и, таким образом, усердно и автоматически возносит молитвы.

Спустившись к Куку-нору, мы повернули вдоль его южного берега на восток и вскоре пересекли небольшую, но глубокую речку Таненгма, в воде которой я заметил стаи крупной рыбы. В моем багаже был небольшой невод, и возможность наловить рыбу впервые за время путешествия побудила нас раскинуть палатки на берегу речки, чтобы заняться ловлей. Я и Цоктоев разделись и полезли в воду, тогда как наши монголы, которые вообще не моются, и китайцы, которые не купаются в холодной воде, не решились помогать нам. За два часа мы наловили несколько десятков крупной рыбы, длиной в 35—65 см, принадлежавший одному и тому же виду *Schizopygopsis Przewalskii*, открытому в Куку-норе Пржевальским. Рыбу варили и жарили, и в большом количестве, вычистив и разрезав вдоль, повесили на веревках вялить на солнце во избежание порчи.

Но я поплатился за это удовольствие сильным ожогом кожи верхней половины тела, которую слишком долго подвергал действию лучей южного летнего солнца, и в результате несколько дней мало и плохо спал.

На следующий день мы прошли еще почти 40 км по южному берегу озера, пересекая несколько речек, бежавших из Южно-Кукунорского хребта; по пути встречались хорошие пастбища, но тангутов, к удивлению, нигде не было видно; проводники объяснили, что летом тангуты живут в горах по долинам речек, где корм для животных гораздо обильнее и где нет комаров. На берегах Куку-нора есть болотца и лагуны стоячей воды, значит, и комары. Сюда тангуты спускаются только осенью,

когда в горах выпадает снег. Таким образом, наш дорогой конвой оказывался лишним, да и вообще необходимым не для нас, а для безопасности проводника на его обратном пути, как я и говорил князю Курлык-бейсе.

Южный берег озера вообще был небогат животной жизнью; мы видели только пищух, ласточек, гнездившихся в береговых обрывах, чаек и стаи рыб в речках. Озеро уходило далеко в обе стороны; оно имеет около 100 верст длины и до 60 верст ширины. Вдали, за северным берегом, тянулась одна из высоких цепей Нань-шаня с зубчатым гребнем и несколькими вечно-снеговыми вершинами, часто скрывавшимися в тучах. Хорошо виден был и остров Куйсу среди озера в виде косого плато с зелеными откосами, окаймленными у воды белыми и серыми скалами. Значительно ближе него, но западнее, из воды поднималось несколько белых скал, вокруг которых кружились чайки.

Остров Куйсу среди Куку-нора представляет своеобразное убежище буддийских отшельников, которые только зимой, когда озеро замерзает, могут сообщаться с внешним миром, а летом совершенно отрезаны от людей, так как на озере нет ни одной лодки. Поэтому не мешает привести здесь сведения об этом острове, которые собрал геолог А. А. Чернов, участник позднейшей экспедиции Козлова. Он добрался до острова вдвоем с казаклом Четыркиным на имевшейся в экспедиции складной лодке с большим риском, так как в конце августа погода была бурная и озеро сильно волновалось; расстояние до острова около 25 верст от южного берега.

Промокшие до нитки путники причалили к острову поздно вечером и провели ночь в маленькой пещере, где нашли запас аргала, позволивший развести огонь и обсушиться. Утром они обнаружили другую пещеру и в ней увидели отшельника, который сидел на особом возвышении перед открытой книгой и бормотал молитвы; перед ним стояли молитвенные чашечки и блюдечки. Увидев гостей, словно свалившихся с неба, монах вскочил, страшно испуганный, руки его тряслись, зрачки расширились. Приняв хадак, поднесенный ему для успокоения, он поспешно стал усаживать гостей на полу, бросив на него баранью шкуру, и поставил перед ними все свои съестные припасы. Скороговоркой, заплетающимся языком, он все время выкрикивал слова молитвы или заклинания, временами проводя пальцем по горлу и насильственно улыбаясь. Потом он схватил большую чугунную чашу и выбежал из пещеры, чтобы поспешно подоить коз; теперь можно было слышать непрерывно повторяемое слово тэр-занда, да-тэр-занда-да (что делать, что делать). Подоив коз,

он поставил чашу на огонь. Увидев, что гости едят, как люди, он понемногу успокоился, чаще улыбался, но не сводил с них глаз и быстро перебирал четки, шевеля губами. Угощение состояло из простокваши, сушеного творога и масла; у монаха был еще кирпичный чай, дзамба и совершенно высохшая баранья нога, очевидно, приношения паломников, посетивших остров еще прошлой зимой.

После угощения гости пригласили монаха посмотреть их лодку, чтобы убедить его, что они не прилетели с неба. Тогда он понял, что гости — иностранные люди, а подарки — перочинный ножик и пустая жестянка — окончательно успокоили его, и он пригласил гостей следовать за ним, показывая, что на острове есть еще отшельники. Их оказалось еще двое, жившие каждый в отдельной пещере. Все они были пожилые, но не старые, тангутского типа; они были одеты в бараньи шкуры, мало напоминавшие одежду; на ногах — низкие сапоги, кое-как сшитые из шкур, шерстью внутрь. Первый монах был выбрит и имел обычный вид ламы, а другие два обросли волосами, заменявшими головные уборы.

Гости осмотрели небольшую кумирню в громадной нише в скале, в которой сидели глиняные статуи Будды в аршин высоты (всего 21 штука), затем обошли весь остров и сделали съемку его, собрали образчики горных пород. Остров имеет 1650 м в длину, 560 м в ширину в самой широкой части и состоит из нескольких уступов, высший из которых достигает 80 м над уровнем воды озера.

Берега частью обрывистые, скалистые, частью пологие. Вокруг них в воде видны были большие стаи крупной рыбы одного вида, указанного выше, плавали стаи черных и белогрудых бакланов и летали чайки, гнездившиеся на скалах острова. На последнем живут также крачки, гуси, турпаны, жаворонки, выюрки, краснохвостки и горихвостки, а из четвероногих — только лисицы. Ни деревьев, ни кустов нет, но есть полынь, дикий лук, тмин, дэрисун, крапива, астры, мальва, палоротники. Трава сильно общипана, так как у отшельников имеется полтораста овец и коз, которые и доставляют им молоко, мясо, одежду, топливо в виде помета и освещение в виде масла. Но к удивлению, это стадо было не общее, а разделено и не равномерно: самый богатый лама имел 80 штук, другой 50, а третий только 20 и, очевидно, жил впроголодь. Кроме того, по острову бродила ожиревшая лошадь, ценная как производитель аргала. Зимой отшельники по очереди отправлялись верхом на берега для сбора подаяния. Для овец и коз возле каждой пещеры были устроены загородки, где животные проводили ночь.

Вода в Куку-норе горькосоленая, и пить ее нельзя. Монахи и животные пользовались дождевой водой, собиравшейся в ямах, вырытых вблизи пещер; эта вода была мутная, солоноватая и с неприятным привкусом от загрязнения.

Путешественники провели на острове несколько дней, занимаясь его изучением и наблюдая жизнь отшельников, которые почти все время просиживали на своих возвышениях в пещерах, монотонно произнося молитвы. Один из них занимался также изготовлением маленьких статуэток из глины с маслом, выдавливая их тремя металлическими штампами, вправленными в слоновую кость. Они раздавались паломникам, посещавшим зимой остров, в обмен на приношения, состоявшие главным образом из кирпичного чая и дзамбы.

На пути к острову и обратно путешественники измеряли глубину озера; наибольшая оказалась 37,5 метров, что очень немного для такого большого озера. Интересна тибетская легенда о происхождении озера, которую записал Пржевальский. В очень древнее время на месте Куку-нора была обширная равнина, а озеро находилось под землей в Тибете на месте нынешней Лхасы. В наказание за выдачу одной тайны стариком, жителем равнины, бог затопил ее, причем погибло множество животных и людей. Вода изливалась через отверстие в земле. Наконец, бог сожалел, и по его приказанию чудовищная птица схватила в горах Нань-шаня огромную скалу и заткнула ею отверстие. Эта скала и представляет остров Куйсу (т. е. пуп).¹

Озеро Куку-нор прежде было многоводнее и заливало берега почти до подножия гор, покрывая также остров Куйсу. Это доказывается террасами как на острове, так и на южном берегу, достигающими 50 м над уровнем озера, как я определил на своем пути, а Чернов на острове. Озеро медленно усыхает, хотя не имеет стока, а получает приток из многих речек с гор и из большой реки Бухаин-гол, впадающей в западный конец озера; но, очевидно, испарение несколько превышает приток вследствие сухости климата.

По берегам Куку-нора не только леса, но даже крупные кустарники отсутствуют, хотя в Южно-Кукунорском хребте на большей абс. высоте мы видели еловые и можжевельниковые леса. Поэтому отсутствие леса на берегах озера объясняется не абс. высотой, а, вероятно, сильными ветрами.

Следующий переход привел нас почти к концу южного берега, и мы разбили палатки на нижней террасе близ воды,

¹ А. А. Чернов. Остров Куйсу на Куку-норе. Землеведение, 1910 г., кн. 1 и 2.

которая манила своей свежестью и порядочным прибоем. К ужасу моих китайцев и монголов, я стал купаться в озере, дно которого ровное и песчаное. Мои спутники еще могли понять то, что я полез из-за рыбы в речку, глубиной ниже пояса, но простое купанье в холодном озере и при сильном волнении их поразило. В этот вечер я решил, ввиду отсутствия тангутов, отпустить своих трех проводников, стоивших больше шести рублей в сутки, и остаться еще два дня на берегах озера, чтобы лучше изучить его древние и новые отложения. До города Донкыр было уже недалеко, а монгол Абаша знал туда дорогу.

Отпустив проводников, мы на следующий день передвинули лагерь к самому концу южного берега, а днем позже по этому берегу дальше на север к подножию большой площади песчаных холмов-дюн, которые надо было осмотреть; среди них оказалась высокая гряда, поднимавшаяся не менее 60 м над поверхностью озера. По форме и положению этих песков можно было судить, что на озере господствуют ветры с юго-запада, со стороны высокого Тибетского нагорья. Впрочем достаточное количество влаги в воздухе и почве обусловило то, что в этих песках по котловинам между грядами видно было довольно много чия, разных трав и мелких кустов.

На третий день мы поднялись от озера по дороге в Донкыр и ночевали в одной из долин хр. Потанина. За все эти дни людей мы не видели, заметили только росомуху, вероятно, охотившуюся за какими-то грызунами, норами которых местами была изрыта песчаная почва. С ночлега в последний раз любовались синей гладью Куку-нора, уходившей на запад за горизонт в низкой зеленой раме берегов. Отчетливо выделялась большая песчаная площадь на северо-восточном берегу, где зеленая рама превращалась в золотую. Теперь нам предстояло на некоторое время снова попасть в жилые, густо населенные места и, после просторов долин и горных ландшафтов Нань-шаня с их тишиной и свежим воздухом, снова окунуться в китайский муравейник и вдыхать запахи постоянных дворов и грязных улиц.

Но перед этим нас ждало неожиданное приключение на самом пороге тангутской земли. На следующий день, при подъеме на сравнительно невысокий перевал через хр. Потанина, один из усталых верблюдов отказался нести свой выюк и лег на дороге. Пришлось разместить его груз на наших верховых лошадях, а самим итти пешком. На спуске с перевала мы увидели слева на склоне тангутские палатки. Осматривая выходы горных пород, я немного отстал от каравана, который уже поровнялся с стойбищем. Несколько больших собак бросилось со склона ко мне, а наверху тангуты смотрели на нас и не шевельнулись, чтобы ото-

звать свою свору. Опасаясь, что собаки разорвут меня, я вынул револьвер и выстрелил в ближайшую в нескольких шагах от меня; она повернула назад, а остальные остановились. Но едва я успел догнать караван, остановившийся при звуке выстрела, как со стойбища к нам прибежали несколько тангутов, вооруженных палками, и десяток женщин с большими ножницами для стрижки овец и загородили нам дорогу, хватая верблюдов за их поводки. Оказалось, что собака, в которую я выстрелил, отбежав немного, упала и издохла, и теперь тангуты требовали в возмездие за нее двух верблюдов с вьюками. К счастью, на стойбище из мужчин были только ламы, которые не носят оружия, так как иначе нас могли перестрелять сверху. Объяснение с тангутами шло медленно, так как Абаши плохо знал их язык.

Опасаясь, что тангуты не отпустят нас без выкупа, я поручил сыну Сплингерда вместе со слугой-китайцем поскакать в Донкыр и просить у местной власти помощи. Тангуты, занятые у верблюдов, не успели помешать отъезду посланных, но нас продолжали задерживать. В ожидании помощи, которая могла явиться только через несколько часов, так как до Донкыра оставалось километров 20, мы уселись на траву вдоль тропы впереди верблюдов, с одной стороны тангуты с палками и ножницами, с другой — я, Цоктоев и Абаши. Начались переговоры приблизительно такого содержания.

— Зачем вы убили нашу собаку? Это самая лучшая собака, она дороже ваших верблюдов.

— Я убил собаку потому, что она нападала на меня. Вы должны были отозвать ее. Я знаю, что собаки тангутов очень свирепы.

— У тебя ружья нет. В собаку стрелял вот этот (показали на Цоктоева, державшего в руках двустволку).

— Нет, я стрелял в собаку вот из этой штуки (вынимаю и показываю револьвер). А в ней есть еще пять пуль в запасе, и она стреляет метко.

Тангуты переглядываются и что-то говорят. Цоктоев достает свой револьвер и говорит:

— И в этой штуке есть шесть пуль, и на всех вас хватит.

— А кроме того еще ружье и второе у монгола, — прибавляю я. — Мы могли бы перестрелять вас всех за нападение, но мы мирные путешественники и не хотим проливать кровь.

Тангуты перешептываются и заявляют:

— Отдайте нам за собаку одного верблюда.

— Ничего не дадим. Мы послали в Донкыр за помощью. Китайский начальник пришлет солдат.

Воинственное настроение тангутов падает. Некоторое время проходит в молчании. Потом они говорят:

— Отпустим вас за половину выкупа.

— Не дадим никаких вещей. Мы будем жаловаться китайскому начальнику на то, что вы напали и задержали наш караван, и на то, что вы на большой дороге пускаете собак на мирных путешественников.

Женщины с ножницами одна за другой уходят к своим палаткам, остаются только четверо мужчин с палками. Они опять перешептываются и заявляют:

— Дайте хоть кирпич чаю, и мы вас отпустим.

Если бы у нас был зеленый кирпичный чай, который употребляют монголы и тангуты, я бы, конечно, удовлетворил эту скромную просьбу. Но запасы чая у моих спутников почти кончились. Не было также лишнего серебра, чтобы заплатить за собаку и кончить конфликт. У меня оставалось только серебро, необходимое для оплаты ночлегов на постоянных дворах на пути до г. Си-нин-фу. На этом пути нельзя было рассчитывать на нахождение подножного корма для животных вне селений, т. е. на бесплатные ночлеги. Поэтому пришлось отказать и в этом выкупе.

Наконец, тангуты, видя, что они с нас ничего не получают, поднялись и отошли в сторону со словами:

— Уходите, пожалуйста, поскорее с нашей земли.

Мы быстро завьючили усталого верблюда, успевшего отдохнуть за время часовой остановки, и продолжали свой путь. Дорога шла вниз по долине, и уже в нескольких верстах далее начались китайские поселки. Перед Донкыром нас встретили посланные за помощью и сообщили, что они были у начальника уезда и распоряжение о посылке отряда солдат было сделано. Но мы добрались уже до города и расположились на постоялом дворе, а этот отряд все еще только собирался в поход, который, конечно, был отменен после заявления о благополучном прибытии каравана. Если бы тангуты не отпустили нас сами, нам пришлось бы ждать китайской выручки до позднего вечера или даже до следующего дня.

До г. Си-нин-фу мы шли еще два дня по долине довольно большой реки Цай-цза-хэ, местами суживающейся в ущелье с скалистыми склонами; вместе с китайскими селениями и пашнями появился опять желтый лёсс, из-под которого часто проглядывали толщи красных третичных песчаников и глин, знакомые мне по окрестностям г. Лань-чжоу. Дно долины расположено уже на 1000 м ниже уровня Куку-нора, и нам, после двухмесячного пребывания на больших высотах Нань-шаня

и Цайдама с их прохладой и простором, здесь было жарко и душно, хотя абс. высота все еще составляла 2300—2400 м.

В Си-нин-фу пришлось затратить два дня на переснаряжение каравана. Верблюды так устали, что нельзя было надеяться, что они выдержат обратный путь в Су-чжоу через хребты Нань-шаня. На покупку новых животных денег у меня не было, и пришлось придумать такую комбинацию: продать верблюдов и на выручку нанять вьючных мулов у китайцев. Это опять стесняло свободу передвижения, но другого выхода не было. Мне хотелось идти по прямой дороге в Су-чжоу, чтобы пересечь Средний Нань-шань, но на этом пути не было постоянных дворов, необходимых мулам и их хозяевам, так как мулы не довольствуются подножным кормом, который даже не умеют щипать как следует. Они привыкли к стойлу и к зерновому корму, а хозяева не имеют ни палаток, ни теплой одежды, ни посуды для ночлега под открытым небом. Поэтому пришлось выбрать маршрут из Си-нин-фу через Гань-чжоу в Су-чжоу, более длинный и пересекающий Нань-шань по более восточной линии. В геологическом отношении эта линия также еще не была изучена, следовательно, представляла интерес.

Перед г. Си-нин-фу нас догнал караван англичанина Литтльдэля, который совершил большое путешествие из Туркестана через Кашгар и по новому маршруту вдоль подножия Среднего Куэн-луня и по Нань-шаню. Монгольский начальник на р. Шара-гольджин, который отказал мне в проводнике на Бухайн-гол, дал такого проводника Литтльдэлю за очень высокую плату, но проводник в самом начале тангутских владений сбежал, и караван шел дальше, ориентируясь только по карте. Они прошли весь Бухайн-гол и обогнули Куку-нор по северному берегу, все время по кочевьям тангутов, которые на них не нападали. Впрочем, караван англичанина был гораздо внушительнее, чем мой: он ехал со своей женой в сопровождении целого десятка тюрков из Кашгара и двух индийских слуг, в том числе даже повара, хорошо вооруженных. Тюрки вообще гораздо смелее китайцев и монголов, и тангутов они не боялись. На такой штат спутников и соответствующее количество вьючных и верховых животных у меня средств не было.

Литтльдэль подтвердил мой вывод, что хребет Гумбольдта не соединяется с хребтом Риттера, т. е. что Пржевальский ошибся. Англичанин пересек хр. Гумбольдта восточнее моего маршрута и прошел по долине, разделяющей оба эти хребта, на Бухайн-гол. Свое путешествие он потом описал очень кратко и вообще ездил больше ради впечатлений туриста и охоты на диких животных, чем для научных наблюдений. В Си-нине мы

остановились в одном постоялом дворе, я познакомился с его женой, он пригласил меня обедать, и я мог оценить искусство его индийского повара, который готовил пищу на походной плите, конечно, не сравнимую с той, которую готовил Цоктоев в котле на костре или в китайской кухне. Из Си-нина мы разъехались в разные стороны: англичанин на восток в Лань-чжоу и Шанхай по пути на родину, а я на север, продолжать работу в глубине Азии.

Интересно упомянуть еще, что в Донкыре уездный начальник прикомандировал к нашему каравану для его охраны китайского офицера и трех солдат, очевидно, на основании нашего столкновения с тангутами, но теперь это было совершенно не нужно, так как от Донкыра до Си-нина население сплошь китайское, и охрана только привлекала его излишнее внимание к нам.

Путешествие из Си-нина в Гань-чжоу заняло 10 дней.

Три дня мы шли вверх по долине р. Бей-чуань-хэ, населенной китайцами; миновали на этом пути какое-то разветвление Великой стены, здесь сложенной из сырцового кирпича и с башнями из того же материала. На четвертый день перевалили через высокий хребет Цзин-ши-линг, представляющий одну из цепей Нань-шаня, но не ту, которая окаймляет с севера впадину Куку-нора, а следующую к северу, так как первая, понижаясь, расплывается на несколько гряд, которые мы пересекали между Куку-нором и Си-нином перевалом к Донкыру, а затем по долинам рек. Перевал через Цзин-ши-линг был высокий (3900 м) и крутой, так что наши верблюды, если бы я решился идти с ними дальше, не смогли бы одолеть его. Хребет был весь в тучах, так что характер его гребня остался для меня неизвестным.

Спустившись в широкую долину р. Да-тун-хэ, мы должны были переправиться через эту быструю и глубокую горную реку. Людей и вещи переправили на маленьком плоту, состоявшем из надутых воздухом бычачьих шкур, поверх которых был приделан помост; лошади и мулы переплыли сами. Городок Да-тун, где мы ночевали, на две трети состоял еще из развалин и пустырей, оставшихся после дунганского восстания.

Три дня мы шли еще вверх по долине этой реки и по южным отрогам следующей к северу последней цепи Нань-шаня, хр. Рихтгофена. Как уже упомянуто, ни китайцы, ни монголы и тангуты не дали отдельным цепям Нань-шаня особых наименований, а знают только имена отдельных горных групп или частей этих цепей. Это очень неудобно для географии, и путешественникам поневоле приходится давать общее название каждой цепи, которое, конечно, местным жителям долго останется неизвестным. Таким образом, в сложной системе Нань-шаня

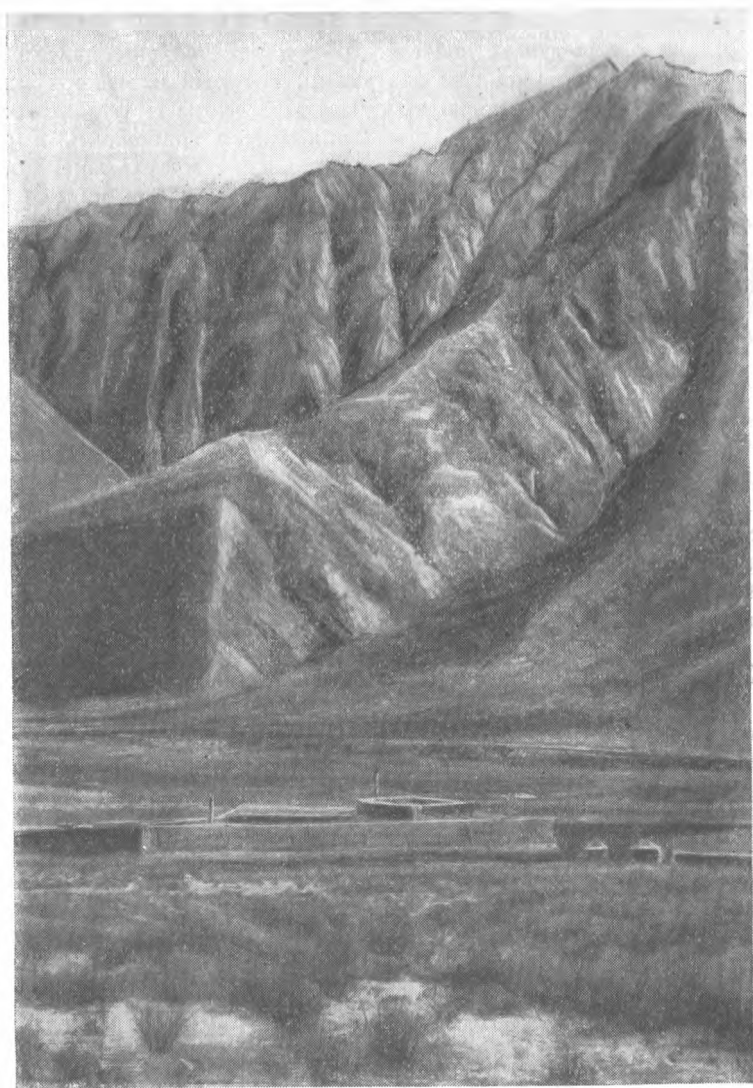

Рис. 70. Ущелье р. Ян-хэ на северном склоне хр. Рихтгофена.

получился целый ряд новых наименований после путешествий Пржевальского и моего.

Долина р. Да-тун-хэ выше г. Да-тун тянется еще далеко на северо-запад и населена там тангутами, которых называют мирными, в противоположность тангутам Куку-нора и Бухаин-гола, называемых дикими. Мирные не занимаются грабежами, и рядом с их стойбищами дунгане, т. е. китайские мусульмане, моют золото по притокам р. Да-тун-хэ. Эти работы мы видели на нашем пути по отрогам хр. Рихтгофена. Мне удалось осмотреть одну шахту золотоискателей благодаря тому, что у ее устья не было рабочих, занятых промывкой золота на речке.

Мои спутники спустили меня по веревке в эту шахту; она представляла собой круглую дудку вроде колодца, диаметром в 1 м и глубиной в 13 м; верхние 3 м были закреплены плетнем, ниже в стенах видны были валуны и галька древних речных наносов. Со дна шахты шел извилистый штрек (галлерей) в 1 м вышины по самой богатой части россыпи с боковыми разветвлениями. В конце его я увидел рабочих, которые были удивлены и недовольны моим посещением. Никакой крепи в штреке не было, освещение состояло, конечно, из масляных плашек. Добытый золотосодержащий пласт по штреку выносят мальчики в корзинах к шахте. Так же примитивны были и приспособления для промывки пласта в речке, и снос золота наверно был большой, тем более, что золото мелкое.

Как я узнал, рабочие получали от хозяина по пол-лана, т. е. рубль в месяц, на хозяйских харчах, обуви и инструментах и должны были добыть втроем каждый день от 70 до 100 корзин пласта, весом около 2 пудов каждая. Промывку, вероятно, ведет сам хозяин или его доверенный. Из этого количества намыывают около половины золотника золота, т. е. около 2 г.

В отрогах хр. Рихтгофена мы перевалили в бассейн р. Хый-хэ, которая далее к западу прорывается по недоступным ущельям через хребет и орошает оазис г. Гань-чжоу. По р. Хый-хэ живут монголы, тангуты. Если бы я не был связан наемными животными, я мог бы пройти по р. Хый-хэ до ее верховий, откуда есть дорога, с 4—5 высокими перевалами в Су-чжоу.

Наша вьючная дорога в Гань-чжоу свернула за маленьким городком У-ни-хо-чен в боковую долину через хр. Рихтгофена и быстро достигла перевала высотой в 3600 м. Длинный спуск по северному склону шел по р. Ян-хэ, долина которой скоро превратилась в живописное ущелье (рис. 70); по нему мы вышли из хребта в пояс оазисов, расположенный по другим речкам, вытекающим из этих гор, и сливающийся далее с оазисом г. Гань-чжоу.

Снова после прохлады и простора горных долин с видом высоких гор, частью с вечными снегами, мы попали в густо населенную местность северного подножия, с многочисленными пашнями, садами и рощами, летней жарой и лёссовой пылью.

Нань-шань на нашем пути из Си-нина значительно отличался от той его части, которую мы пересекли на пути в Цайдам. Здесь атмосферных осадков гораздо больше, реки многочисленны и многоводны, склоны покрыты травой и кустами, местами есть леса, ледники более часты, и снеговая линия спускается ниже. На западе сухость климата обуславливает полупустынный характер долин и склонов, более высокое положение снеговой линии, недостаток орошения и скудость растительности.

Из Гань-чжоу мы прошли в Су-чжоу по описанному уже в главе восьмой поясу оазисов.

Глава одиннадцатая

ПО ЭЦЗИН-ГОЛУ В ГЛУБЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ МОНГОЛИИ

Оазис Су-чжоу. Вдол. хр. Пустынного. Русло Эцзин-гола. Лак пустыни и работа песка. Горы Боро-ула. Поиски проводника у князя Бейли-вана. Невольное изменение маршрута. Потеря двух рабочих. Унылая природа низовий рек. Умирующие рощи. Слухи о развалинах Хара-хото. Безводная пустыня. Жуткие ночлеги. Курьезное разрешение тревог. Ландшафт Центральной Монголии. Горы Дзолин и Гурбан-сайхан. Кое-что о верблюде. Путь к Желтой реке. Чередование горных цепей и долин. Появление песков. Саксаул. Горы Харанрин-ула. Вдвоём через пески без проводника. Оазис Шаджин-тохой. Резиденция Сан-то-хо. Невольный отдых.

Вернувшись в Су-чжоу после почти трехмесячного кругового маршрута по Нань-шаню, я прожил месяц у Сплингерда, составляя отчет об этом путешествии и занимаясь организацией нового каравана. Как сказано в главе десятой, я продал в Синин-фу всех верблюдов и часть лошадей, которые не могли выдержать обратный путь из-за усталости, а на вырученные деньги нанял вьючных мулов. В Су-чжоу я получил опять средства, переведенные Географическим обществом на второй год путешествия, и мог купить свежих верблюдов. Я искал также проводника, знающего прямую дорогу в Сан-то-хо на Желтой реке через Алашань, так как хотел итти оттуда через Ордос и Шеньси к окраине Восточного Тибета, чтобы встретить там Потанина. Но найти такого проводника в Су-чжоу не удалось, и поэтому пришлось изменить маршрут и итти вниз по р. Эцзингол в надежде, что у местного монгольского князя проводник найдется.

К половине сентября отчет был написан, сухари заготовлены, куплены свежие верблюды и лошади, и мы могли отпра-

виться в путь. Все коллекции, собранные на пути от Пекина и в Нань-шане, были сложены в доме Сплингерда, так как я должен был вернуться весной в Су-чжоу на обратном пути на родину. Мы ехали вчетвером: я, Цоктоев, цайдамский монгол Абаша и молодой тюрк, нанятый в Су-чжоу; он был одним из рабочих каравана англичанина Литтлвэля, с которым я встретился в Си-нин-фу и который в Лань-чжоу отпустил большую часть своих тюрков, так как в собственно Китае, где нужно ночевать на постоялых дворах, многолюдный караван уже является обузой. Этот тюрк возвращался домой, а в Су-чжоу Абаша, знавший также немного по-тюркски, уговорил его наняться ко мне. Пятый был китаец-проводник.

Из Су-чжоу мы направились на северо-восток вниз по оазису этого города, орошенному здесь обеими реками Лин-шуй и Дабей-хэ, выносящими воду из ледников Нань-шаня, но представляющему, кроме пашен, садов и селений, также болотистые впадины с зарослями камыша, солончаки и холмы с выходами третичных отложений. Мы миновали остатки Великой стены и городок Цзинь-та-сы (монастырь золотой башни), в котором 200 лет тому назад была кумирня с позолоченной башней. За ним пашни и селения начали редеть, чаще прерываясь солонцовою степью и небольшими кучевыми песками. На четвертый день появились уже барханы, и на севере показались плоские высоты первой цепи Бей-шаня, не имевшей отдельного названия; я назвал его хр. Пустынный.

На южном горизонте Нань-шань, на котором свежий снег покрывал уже большую половину склонов, постепенно скрывался за пыльной завесой. Воды в русле р. Лин-шуй, которое мы пересекли, уже почти не было, и эти две крупные реки Нань-шаня добегают до р. Эцзин-гол только во время половодья.

На пятый день дорога вышла к последней реке, представляющей продолжение р. Хый-хэ, самой крупной в Нань-шане, но пролежала в стороне от нее по предгорьям низкого хр. Пустынного, разнообразный состав горных пород которого доставил мне очень много работы в течение четырех дней. Мы делали небольшие переходы, и с ночлегов я совершал экскурсии пешком в глубь гор. Эти предгория оправдывали свое название, так как растительность на них была самая скудная и местами совсем отсутствовала; склоны были покрыты щебнем и обломками и говорили об энергичном выветривании. За Эцзин-голом одно время были видны стены китайского городка Мо-мин, последнего на этой реке. Пояс растительности — деревьев и кустов — на берегах реки не широк, местами даже прерывается. На щебне и скалах хр. Пустынного я впервые заметил обширное

развитие лака или загара пустыни, тонкого бурого или черного налета, скрывающего цвет горной породы и придающего местности очень мрачный вид. Этот лак на более твердых и мелкозернистых породах черный и блестящий, на известняках бурый матовый; даже белый кварц часто покрыт черным лаком. Но везде, где на дне долин были скопления сыпучего песка, щебень

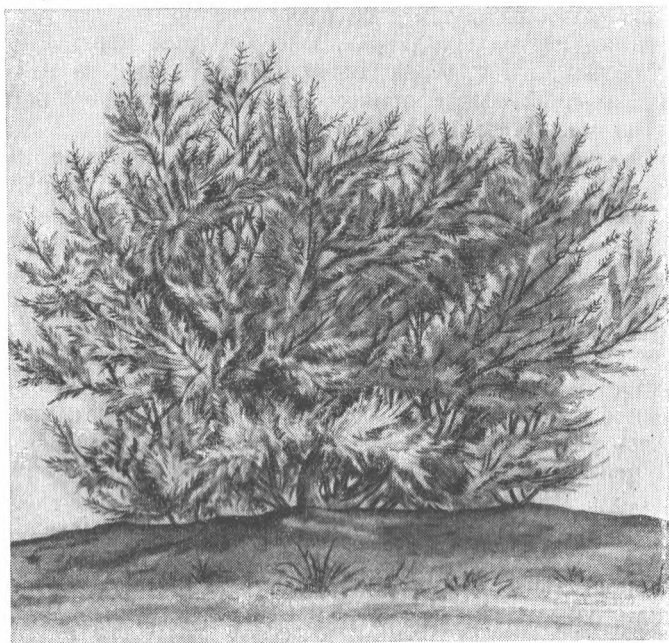

Рис. 71. Тамариск.

и нижняя часть склонов имели нормальный цвет и были даже отшлифованы, так как струйки песчинок, переносимых ветром, уничтожали лак и полировали камень.

Затем окраина гор отошла на запад, и между ними и рекой расстилась площадь полной пустыни. Дорога подошла к Эцзин-голу, русло которого достигало от 200 до 1000 м ширины, но обиловало голыми островами и топкими отмелями, между которыми быстро струилась грязная вода цвета кофе с молоком. Легко себе представить мощность этого потока во время весеннего половодья. Но полоса деревьев на берегу попрежнему была не широка и часто прерывалась.

Два дня спустя горы опять подступили к реке; это был хр. Боро-ула, последняя из цепей Бей-шаня, доходящая до Эцзин-гола и представляющая такую же гористую пустыню, с развитием загара, как описанные выше. Экскурсия в глубь этих гор, сделанная во время дневки, показала это. Скалы, глыбы, щебень, покрытые бурым или черным лаком, кое-где давно пожелтевшие кустики и мертвая тишина. Тем удивительнее, что в этих горах я видел маленькую серо-стального цвета змею — единственную замеченную за все время путешествия.

В этот день мы стояли на берегу Эцзин-гола в роще разнолистного тополя; от гор ее отделял пояс, шириной до версты, занятый пучками дэрису (рис. 66), кустами хармыка и тама-

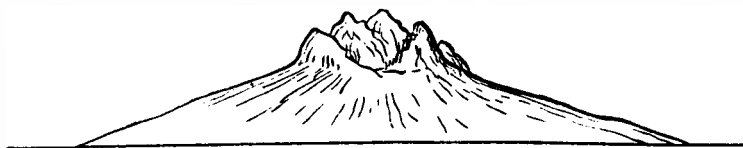

Рис. 72. Горы на пьедестале в пустыне.

риска (рис. 65 и 71). В роще росли также ива и джигда, дерево с небольшими мучнистыми плодами, по форме похожими на маленькие финики. Джигды вообще было много на нашем пути из Су-чжоу; в садах видны были также яблони и абрикосы. Берега Эцзин-гола очень бедны растительностью и слабо населены сравнительно с левым берегом Желтой реки вверх от г. Нин-ся, находящегося под той же широтой. На Эцзин-голе сильно чувствуется горячее дыхание пустыни, окаймляющей реку с востока и с запада; таких бесплодных гор и площадей, подступавших к реке с запада, я раньше еще не встречал во время путешествия. Со страной Бей-шань мы познакомимся ниже; местность же к востоку от Эцзин-гола представляет, судя по данным Козлова, пересекшего ее позже, обширные площади сыпучих песков, низкие цепи гор и отдельные впадины с несколько лучшей растительностью.

Горы Боро-ула (Серые горы) подступают немного севернее к самому Эцзин-голу, и мы обогнули их восточный конец; на правом берегу реки видно их продолжение в виде отдельных высот. Затем окраина гор отклонилась на запад, и впереди этой последней цепи Бей-шана виднелись только отдельные небольшие группы скалистых гор, резко возвышавшиеся на своих пьедесталах среди пустыни (рис. 72). Здесь от реки отделяется

довольно широкое сухое русло, которое тянется на север левее реки и, очевидно, представляет один из прежних рукавов Эцзингола, теперь, может быть, содержащего воду только во время половодья. Отстав от каравана, я с Цоктоевым поехал сначала вдоль этого русла по дороге, которая ведет, как потом оказалось, через пустыню в г. Улясутай. Заметив свою ошибку, мы свернули на восток и нашли дорогу, по которой прошел караван, среди рощ и зарослей вдоль современного русла реки. Здесь уже попадались монголы-торгоуты, которые живут летом в войлочных, а зимой в деревянных юртах в этих рощах.

Еще два дня мы шли по подобной же местности с рощами, зарослями кустов, сухими руслами и песчаными буграми до ставки торгоутского князя Бейли-вана в урочище Хара-сухай.

Возле этой ставки мы простояли три дня, занятые переговорами с князем, мальчиком лет 15, которого я посетил. Прием у него и обстановку его жилища я не могу описать, потому что в свое время не записал ничего, а теперь не вспоминаю точно. Мне нужен был проводник для дальнейшего пути, так как китаец из Су-чжоу, приведший нас сюда, возвращался назад, да и дороги дальше не знал. Я хотел получить проводника для прямой дороги в г. Фу-ма-фу в Алашани, чтобы пересечь совершенно не известную пустынную местность к востоку от Эцзингола. Но князь и его советники заявили, что по этой дороге давно никто не ходит из-за пятисуточного безводного перехода и огромных сыпучих песков. Один из советников, старый лама, рассказал, что давно, когда он был еще мальчиком, по этой дороге из Фу-ма-фу пришел китайский купец, еле спасшийся с своими спутниками, потерявший всех животных и бросивший товары в песках. Я предлагал дать двум проводникам высокую плату, но это не соблазнило никого; торгоуты сказали, что зимой можно было бы сделать попытку, взяв лишние верблюдов с грузом льда и рассчитывая встретить скопления снега. Но теперь было еще слишком тепло и, даже взяв воду в бочонках для людей и надеясь, что верблюды выдержат 5 суток без воды, мы должны были бы иметь в виду, что потеряем всех лошадей в песках. Уверяли, что давно уже сношения с Алашанью происходят круглым путем: северным, через Центральную Монголию, или южным, вдоль подножия гор, ограничивающих оазисы с севера, через города Мо-мин и Чжен-фань.

Последний путь возвращал меня в местность, уже отчасти знакомую, тогда как северный позволял пройти в совершенно не известную часть Монголии в промежутке между маршрутами Потанина на западе, Пржевальского на востоке, Ней-Элиаса и Юнгсбenda на севере. Он очень удлинял мой путь в Восточ-

ный Тибет, но времени и средств было достаточно, и я решился на этот вариант. Князь охотно давал проводника — старого ламу. У него же я выменял запасную лошадь, купленную в Су-чжоу и оказавшуюся слишком горячей, на хорошего верблюда.

8 октября мы двинулись дальше, но отошли только 5 верст, так как новый проводник явился поздно. На следующее утро выяснилось, что монгол Абаши, недомагавший уже в Харасухае, заболел: у него был сильный жар, все лицо вздулось и покрылось волдырями. Больной сам подозревал, и Цоктоев подтвердил, что это была оспа, которой Абаши заразился, очевидно, у торговцев выше по Эцзин-голу, когда заезжал к ним пить чай. Везти больного дальше в безлюдные места было рискованно. Пришлось нанять ему отдельную юрту, обеспечить уход, оставить лошадь для возвращения в Су-чжоу и письмо к Сплингерду с просьбой помочь ему вернуться в Цайдам к Курлык-бейсе. Молодой турк из каравана Литтльдэля, нанятый в Су-чжоу, который почти не знал ни по-китайски, ни по-монгольски и которому Абаши служил переводчиком, тоже отказался ехать с нами дальше, получил расчет и остался при больном.

Таким образом, я сразу лишился двух рабочих и остался с одним Цоктоевым. Но сидеть на Эцзин-голе и ждать полного выздоровления Абаши было невозможно. Тогда пришлось бы отменить путешествие в Центральную Монголию, итти назад в Су-чжоу и затем в Лань-чжоу по пути в Восточный Тибет по пройденным уже местам и потерять в общем почти полгода из срока путешествия. И я предпочел итти дальше с одним Цоктоевым и новым проводником, рассчитывая помогать им при выючке верблюдов, разбивке лагеря и других работах по мере времени и сил.

Эцзин-гол, прорвав Боро-ула, делится на три рукава — Мерин-гол, Ихэ-гол и Кунделен-гол. Харасухай расположен на первом, самом западном рукаве. Мы вскоре пересекли его; вода сохранилась только отдельными лужами, но проводник уверял, что три раза в году — в середине весны, лета и осенью — воды бывает столько, что брод возможен не каждый день. Миновав рукав, мы шли целый день по площади между двумя разошедшимися рукавами Эцзин-гола, представлявшей то возвышенные пустынные площадки, то понижения, занятые речными отложениями с более обильной растительностью. Кое-где попадались рощи, но небольшие, а тополя явно обнаруживали признаки вырождения. При высоте всего в 4—6 м стволы, толщиной в обхват, были покрыты очень толстой, растресканной и покоробленной корой, а древесина представляла пучки спирально скрученных волокон; ветви и сучья короткие, очень толстые у

основания и быстро утонявшиеся к концам; листвы очень мало, и вообще было ясно, что вследствие недостатка воды или засоления почвы развитие древесины идет в ущерб развитию листового покрова. Все чаще попадались мертвые и умирающие деревья, уродливые кривые стволы которых с огромными наростами и короткими толстыми ветвями представляли своеобразную особенность пейзажа в низовьях Эцзин-гола, напоминая изваяния фантастических людей и животных. Молодых деревьев не было видно; было также много мертвых кустов и деревьев саксаула. Приходится думать, что прежде местность была лучше орошена, уровень грунтовых вод был выше, а теперь он понизился, и деревья вымирают.

Затем наш проводник повернул прямо на восток, встретив шедшую в этом направлении ясную дорогу, и вел нас целый день по подобной же местности, но с преобладанием голых площадей, усыпанных мелкими галькой и щебнем; мы пересекли еще одно широкое старое русло реки с зарослями тростника, с песчаными буграми, заросшими кустами тамариска, с впадинами, покрытыми выцветами соли и с отдельными мертвыми и умирающими тополями. В это русло, очевидно, давно уже не попадала вода из реки. Но далее мы пересекли современный рукав реки Нарин-гол; он имел 20 м ширины и 0.7—0.8 м глубины и по всем признакам образовался недавно; по его берегам тополей не было, но тростник уже вырос. Вода была сравнительно чистая. В этот день мы ночевали на берегу другого рукава — Ихэ-гол, тех же размеров, что и Нарин-гол, но окаймленного рощами, зарослями кустов и тростника; вода в нем была очень грязная, как в Эцзин-голе до его деления на рукава. Поэтому нужно думать, что Нарин-гол проходит через озеровидное расширение или густые заросли тростника, где муть успевает осадиться.

Следующий день мы шли вдоль левого берега Ихэ-гола то по его рощам, где тополя не имели признаков вымирания, то пустыней по их окраине; попадались высокие песчаные бугры с тамариском. Жилищ торгоутов мы все эти дни не встречали, но, по словам проводника, они рассеяны по правому берегу Ихэ-гола, где имеется также небольшая кумирня с 30—40 ламами. С ночлега проводник ездил по юртам торгоутов и нашел второго проводника для низовий Эцзин-гола, где легко заблудиться ввиду обилия троп в разных направлениях. Таким образом, следующие два дня мы шли вчетвером. Местность представляла то большие заросли тростника, то песчаные бугры с тамариском, то солончаки, то площади пустыни; попадались небольшие рощи, частью молодых тополей, и озерки. Последний ночлег в низовьях

Эцзин-гола был среди песчаных бугров, с высоты которых на западе видны были обширные заросли тростника, скрывавшие от нас большое озеро Гашиун-нор, в которое впадают рукава Мерин-гол, Нарин-гол и Ихэ-гол (рис. 73). На севере, за широкой полосой пустыни, ясно видны были хребты Тосту и Ноин-богдо, расположенные на высоком пьедестале подобно горам, изображенным на рис. 72, но соответственно более крупного размера.

В общем пройденная местность по р. Эцзин-гол, несмотря на растительность и наличие воды, производила унылое впечат-

Рис. 73. Песчаные бугры, поросшие мелкими кустами тамариска, в пустыне к востоку от оз. Гашиун-нор.

ление. Жизнь, обязанная воде, которую выносила из ледников Нань-шаня могучая р. Хый-хэ (получающая название Эцзин-гол после прорыва через горы, окаймляющие с севера пояс оазисов Ган-су), боролась с влиянием пустыни, в область которой вторглась эта река. Вода ее, переполненная мутью лёсса оазисов и размываемых берегов, сложенных из древних речных наносов, сама создавала себе преграды, заиливая свое русло, и должна была искать новое, ветвилась, создавала дельту, теряла одни рукава, образовывала другие на ровной поверхности пустыни, которую перекрывала своими осадками. Высокие песчаные бугры, поросшие тамариском, говорили о работе ветра, вздымавшего песок с отмелей в сухих руслах и отлагавшего его под защитой кустов. Мы сами испытали несколько бурных дней, когда из пустыни с запада надвигалась пыль, а от торгоутов слышали, что ветров здесь много, особенно весной. Не мудрено, что скудное торгоутское население, по данным Потанина, сплошь бедное; даже у Бейли-вана мало верблюдов. Земледелием

торгоуты почти не занимаются, хотя удобной земли по берегам немало, а река могла бы дать воду для орошения пашен.

С последнего ночлега второй проводник уехал назад, и мы остались опять втроем: старый лама, я и Цоктоев. Последний начал внушать мне тревогу: он жаловался на сильную боль в пояснице, легкий жар, запоры. Я опасался, не заразился ли он оспой от Абаши. А нам предстоял двухдневный безводный переход через пустыню.

Обходя утром окрестности, я наткнулся на волка, доедавшего под кустом загнанного им дзерена. С запада, очевидно, с Гашиун-нора, стая лебедей пролетела на юго-восток, вероятно, на последний рукав Кунделен-гол. За последним, по словам торгоутов, среди песков расположены остатки большого города, когда-то получавшего воду из Эцзин-гола, который давно уже отошел от него. Так как я археологией не занимался, а развалин городов и сел за время путешествия встречал немало, то не придавал значения этим сведениям. Позже путешественник Козлов разыскал эти развалины и добыл в них очень ценные для истории коллекции изваяний, фресок, рукописей, монет, тканей и пр. Оказалось, что это были развалины города Хара-хото, существовавшего еще в XIII веке, посещенного и описанного итальянским путешественником Марко Поло под именем города Эцзин.

Развалины находятся в 20 верстах от рукава Эцзин-гола в безводной местности. Поэтому, даже если бы я узнал, что они хранят исключительные научные ценности, снаряжение и состав моего каравана (три человека, включая меня, старого ламу и больного Цоктоева) не позволили бы заняться раскопками, тем более, что, не будучи специалистом, я мог бы кое-что испортить и, кроме того, обнаружив случайно монеты или изделия из драгоценных металлов, дать повод для разграбления развалин самими монголами.

Безводный переход через пустыню мы выполнили в два дня; для ночлега была взята в бочонках вода и для лошадей — тростник: верблюды должны были довольствоваться скудным подножным кормом. Дорога пошла прямо на север; сначала еще попадались рощицы саксаула, кусты и мелкая трава, преимущественно по плоским логам и котловинам, делавшим рельеф не совсем ровным. Местность сначала немного понижалась, а затем начался очень пологий подъем на бесконечно длинный пьедестал гряды холмов Сухомту. На этом переходе рельеф представлял очень мало врезанные сухие песчаные русла, в которых еще попадались кустики саксаула, хвойника, караганы, и промежуточные между ними площади, почти лишенные растительности, с песчано-глинистой почвой, усыпанной мелким щеб-

нем. Последний был покрыт лаком пустыни и блестел под лучами солнца, словно смазанный салом. Но в общем эта пустыня оказалась не такой абсолютно бесплодной, как те площади, которые подходили к Эцзин-голу с запада от горных гряд Бейшаня, и как эти горы; при взгляде издали все русла казались желтыми от кустиков, а площадки черными и блестящими. По руслам и вдоль их бортов, благодаря наличию песка, лак пустыни исчезал, песок, переносимый ветром, уничтожает его, и щебень имеет естественный цвет.

По мере подъема щебень становился немного крупнее. Ночлег был в одном из сухих русел, где верблюды нашли себе корм. За день мы поднялись на 250 м над уровнем Гашиун-нора на протяжении 35 км. Такая же местность продолжалась на следующий день на первых 15 верстах, но затем голые площадки исчезли, почва стала песчаной, и подъем прекратился. С дороги, при взгляде назад, видна была вся обширная впадина с оз. Гашиун-нор, тянувшаяся и на запад, и на восток за горизонт. Впереди же поднимались скалистые цепи Тосту и Ноин-богдо и ближе них холмы Сухомту. С песчаной равнины мы вступили в эти холмы по сухой долине и ночевали у двух ключей, дававших начало ручейку, который очень быстро исчезал в песчаной почве.

На этих двух ночлегах весь вечер, пока я писал дневник, в соседней палатке Цоктоев стонал, а лама бормотал молитвы, вероятно, отгонял злых духов от больного. Невольно приходили в голову тяжелые мысли о судьбе путешествия. Я боялся, что Цоктоев может умереть или тяжело заболеть, а лама ночью скроется, бросив караван на произвол судьбы, и положение делается безвыходным. Рисовались различные возможные варианты этого положения с пропажей верблюдов и лошадей, ушедших на поиски лучшего корма, необходимостью бросить все снаряжение и выбираться пешком из пустыни, конечно, назад на Эцзин-гол по знакомой дороге, после долгого сидения на месте возле больного и т. п. Меня смущало то, что признаки оспы в виде сильного жара и волдырей не появлялись, и я, не будучи врачом, не мог определить его болезни.

К счастью, утром после ночлега в холмах Сухомту положение разрешилось самым курьезным образом. Прием сильного слабительного освободил Цоктоева от солитера, который его мучил, а меня от тревог, которые вызвала его болезнь.

Девять дней с двумя дневками шли мы на север и северо-восток, пересекая скалистые невысокие горные цепи и промежуточные между ними широкие долины Центральной Монголии (рис. 74). Те и другие дали много геологических наблюдений,

так как и на дне долин часто попадались холмы или сглаженные выветриванием выступы горных пород, и работы все время было много. На всем пути растительность была самая скудная, на дне долин попадались площади, совершенно лишенные ее, но все-таки лошади и верблюды на ночлегах у ключей или колодцев находили кое-какой корм. Изредка попадались и юрты монголов, и в первых же я отпустил старого ламу, ведшего нас

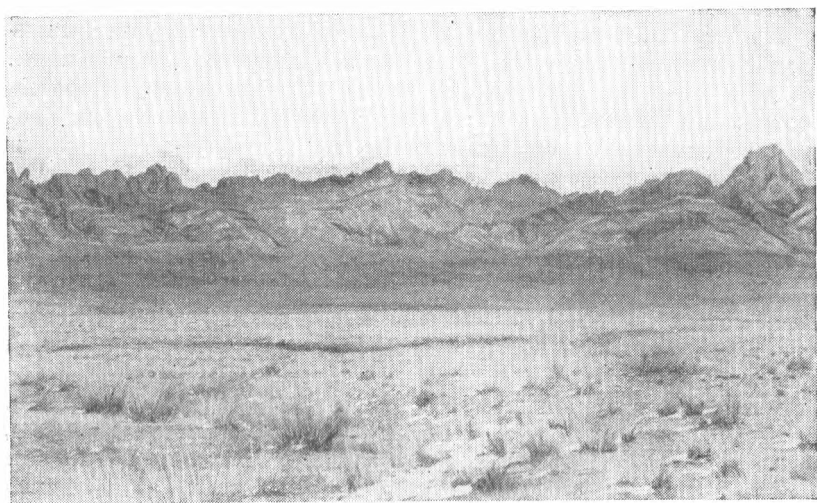

Рис. 74. Гряда конгломератов в хр. Ноин-богдо в Центральной Монголии.

с Эцзин-гола, и нанял двух новых проводников, которые и привели караван к горам Дзолин, откуда мой маршрут должен был повернуть на юго-восток к Желтой реке. В этих горах, вернее холмах (рис. 75), стояли юрты маленького монгольского чиновника, которому князь Бейли-ван прислал письмо с просьбой дать нам проводников. Я нанял опять двоих, так как одному с Цоктоевым было трудно быстро справляться с вьючкой каравана. Сборы их продолжались три дня, которые мы простояли в безотрадных холмах у колодца Баин-худук. Были уже последние дни октября ст. ст., и холода давали себя чувствовать: на холмах и в ложбинах широких долин лежал уже снег. Но морозы были слабее, чем в Восточной Монголии, и, кроме того, во время сборов в Су-чжоу Цоктоев, по профессии кузнец, смастерил мне из листового железа маленькую печку с трубами. Она ставилась в переднюю часть палатки, топилась аргалом и хорошо грела,

так что можно было работать по вечерам, не согревая застывающие пальцы и замерзающие чернила на свечке. Ночью температура в палатке, конечно, была почти такая же, как и снаружи. Цоктоев и проводники, по монгольскому обычаю, разводили огонь в своей палатке, где варился также чай и ужин. В этой палатке был разрез вверху для выхода дыма.

С холмов Дзолин открывался обширный вид на север; там, за очень широкой долиной, по которой пролегал большой караванный тракт из города Кобдо в северо-западной Монголии в

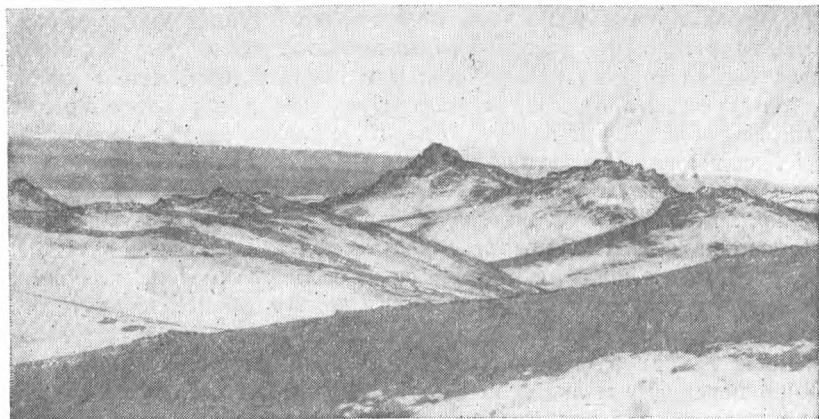

Рис. 75. Холмы цепи Дзолин в Центральной Монголии.

город Куку-хото на границе провинции Шань-си, поднимались на высоком пьедестале три скалистые горные цепи. Это были последние к востоку горы могучей системы Алтая, которая отделяет Северную Монголию от Джунгарии и Центральной Монголии, достигает 1600 км в длину и имеет вечноснеговые вершины. Но в этой восточной части таких вершин не было. Эти горные цепи называют Гурбан-сайхан, что значит три славных или могучих, и различают по их положению восточную (Дзун-сайхан), среднюю (Донду-сайхан) и западную (Барун-сайхан). От этих гор было уже сравнительно недалеко до Кяхты, верст 900—1000.

Монголы, нанимавшиеся в проводники, говорили, что наш путь пересечет пустыню Галбын-гоби, в которой несколько дней в пути нет корма для лошадей; они советовали обменять их на верблюдов, так как лошади не выдержат. Но я, познакомившись

уже с теми площадями, которые монголы называют гоби, т. е. пустыней, не поддавался уговорам и хорошо сделал, так как наши лошади благополучно прошли через Галбын-гоби. Я знал по опыту, что геологу работать, сидя на верблюде, трудно: чтобы слезть, нужно уложить верблюда на брюхо и повторить ту же операцию, чтобы влезть на него; все это требует времени и задерживает работу. Кроме того, ехать на верблюде утомительно, тем более догонять караван рысью; не всякий верблюд любит бежать, и всякий очень трясет. На верблюда не надевают узды; его ведут на поводке, привязанном к палочке, пропущенной через прокол в носовой перегородке. Нужно уметь управлять верблюдом посредством этого поводка. Кроме того, верблюд неохотно отстает от каравана, а при посадке иной плюет жвачкой и ревет. Верблюды, хорошо обученные для верховой езды, смиренные, быстрые и не пугливые, попадаются не так часто.

Как вьючное животное верблюд имеет много достоинств. Он гораздо сильнее лошади и несет от 8 до 12, самый сильный до 15 пуд. (т. е. 128—192 и до 240 кг). Он довольствуется таким подножным кормом, который растет почти в каждой пустыне, но который лошадь не станет есть, в виде полыни, колючки, хармыка и других кустарников. Он может обойтись 3—4 дня без водопоя, пьет даже солоноватую воду. Его широкие лапы меньше вязнут в сыпучих песках, чем копыта лошадей. Он хорошо переносит и сильную жару, и морозы. Его легче вьючить чем лошадь, так как он ложится при навьючивании на землю. Он идет спокойным размеренным шагом со скоростью 4 км в час.

Конечно, верблюд имеет и недостатки. Он не любит сырости, дождя; это типичное животное сухого континентального климата начинает болеть при продолжительной дождливой погоде, например, в горах. В начале лета он линяет, теряет всю шерсть, и его голую кожу легко поранить при неумелой вьючке. В это время он также слабеет, и поэтому первые 2 месяца лета, пока не подрастет шерсть, верблюдам дают отдых.

На каменных осыпях в горах, на щебневой почве пустынь верблюд протирает подошвы до крови, и приходится пришивать к ним заплатки или делать башмаки. На голом льду и на грязи верблюд скользит. Через глубокий брод, когда вода доходит до брюха, он идет очень неохотно. Верблюд пуглив; заяц, выскочивший внезапно из-под куста, может вызвать переполох и расстройство целого каравана; порвав поводки, верблюды разбегутся в разные стороны, роняя на бегу вьюки. Иной верблюд упрям и неохотно ложится под вьючку, ревет и оплевывает людей жвачкой. Ускорить ход верблюжьего каравана невозможно, ско-

рым шагом верблюд не идет, а на рыси трясет, расстраивает вьюки и набивает спину.

Но сравнительно с его достоинствами эти недостатки не так велики, и для пустынь и степей Монголии верблюд (и для пустынь Туркмении, Сахары и Аравии — дромадер) является лучшим вьючным животным.

Но продолжим описание пути. С двумя новыми проводниками мы направились теперь из холмов Дзолин на юго-восток к Желтой реке. Этот путь занял 18 дней и пролегал по местности

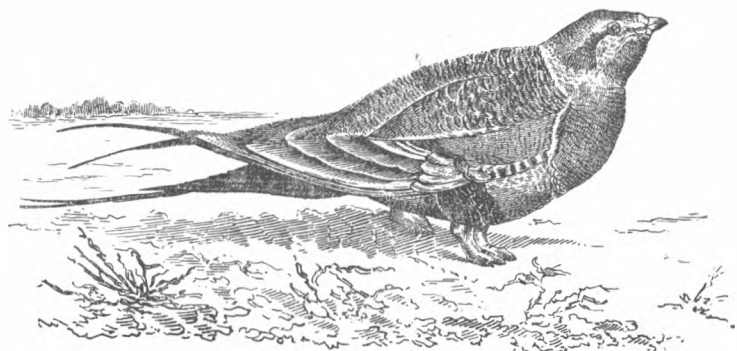

Рис. 76. Больдурук — характерная птица пустынь Центральной Азии.

общего для всей Монголии характера с чередованием более или менее широких равнин или долин и групп, рядов и цепей холмов и невысоких, но скалистых гор. В течение первых семи дней преобладали равнины и холмы, цепи которых были вытянуты в направлении с запада на восток или на восток-юго-восток; скалистые горы большею частью оставались в стороне. Почва равнин была песчаная, более или менее густо усыпанная щебнем, покрытым черным лаком пустыни; растительность состояла из скупо рассеянных мелких кустиков полыни и других пород, свойственных Центральной Азии и дающих корм верблюдам, но не лошадям. Последние находили мелкую тощую травку в плоских впадинах и вдоль сухих русел. Это и была Галбын-гоби, которой меня пугали; лошади, конечно, постились, но не голодали. Вода в колодцах встречалась достаточно часто. Упомяну здесь характерную птицу пустынь Центральной Азии — это больдурук (*Syrrhaptes paradoxus*) или саджа (рис. 76). Эта птица, величиной с голубя, имеет оперение бурого цвета с черными крапинами и белыми каемками. длинные крылья и длинный

хвост; она носится чрезвычайно быстро большими и малыми стайками, гнездится в самых пустынных местах, кормится семенами пустынных растений и на водопой летает за десятки верст. Я видел ее по всей Монголии, Джунгарии и в Цайдаме, также в долинах Западного Нань-шаня; залетает она и в Чуйскую степь на Алтае, природа которой подобна монгольской.

В следующие семь дней местность изменила свой характер и представляла цепи холмов и скалистых гор, ясно вытянутых в направлении с северо-востока на юго-запад и разделенных более или менее широкими долинами того же направления. Почва этих долин в первые дни была песчаная, усыпанная щебнем, но затем появились сыпучие пески, расположенные по этим долинам и заросшие саксаулом, типичным деревом песков, которое я впервые, после песков Кара-кум в Туркмении, встретил здесь в таком количестве в виде целых лесов. Конечно, саксауловый лес мало похож на наши северные леса хвойных или лиственных деревьев. Деревья саксаула достигают только 4—6 м высоты и рассеяны редко, в 6—10 м друг от друга, а в промежутках — песок и скудные кусты. Саксаул не имеет настоящих листьев; его длинные зеленые нитевидные веточки усажены мелкими листочками вроде чешуек. Ствол и сучья его корявые, с грубой, очень неровной корой; рубить их топором трудно — дерево очень твердое, но ломать легко. Дрова саксаула горят прекрасно, даже свежей рубки, и дают сильный жар и хороший уголь, но на какие-нибудь поделки совершенно не годятся.

На этом пути в одной из долин мы пересекли даже речку, не сухое русло, каких в Центральной Азии много, а речку с текучей водой; она была небольшая, шириной в 6—8 м и глубиной в 5—10 см. Но русло было глубоко врезано в третичные и четвертичные отложения широкой долины, дно которой представляло в связи с этим обилие логов и оврагов. На этом пути мы видели три монгольских монастыря, но юрты монголов встречались редко.

Затем мы пересекли скалистый хребет Хара-нарин-ула, отделяющий Центральную Монголию от долины Желтой реки. Этот хребет, в той части, которую я видел, при общем простираннии с северо-востока на юго-запад, состоит из гряд, которые тянутся не вдоль хребта, а почти поперек него, с севера на юг, так что пересечение хребта по долинам между этими грядами очень удобное и перевал был почти не заметен.

На южном склоне этого хребта расположена кумирня возле священных пещер Лумбу-чимбу с высеченными изображениями буддийских божеств. Мои проводники были наняты до этой кумирни. Так как вблизи нее корма для животных не было, то

мы остановились у южного подножия хребта в полупереходе на восток, а проводники отправились к пещерам и обещали прислать на следующий день новых, которые должны были провести нас через пески в резиденцию Сан-то-хо в 2—3 днях пути. Но, тщетно прождав этих проводников в течение целого следующего дня, я решил идти в Сан-то-хо без них, прямо по компасу. Мы вдвоем с Цоктоевым завьючили верблюдов, наполнили бочонки водой на два ночлега, на случай потери дороги в песках, и отправились к Желтой реке. Цоктоев вел верблюдов, а я ехал сзади и следил по компасу за направлением пути. Вскоре мы наткнулись на ясную тропу, которая шла от пещер Лумбу-чимбу на юго-восток, к Желтой реке, и оставалось только проверять ее направление и не сворачивать на другие тропы и разветвления.

Так мы шли вдвоем два дня через пески, которые окаймляют широкой полосой Желтую реку, отделяя ее левый берег от гор Хара-нарин-ула на окраине Центральной Монголии. Эти пески частью более или менее заросшие кустами и травами, частью голые барханные. Среди них мы видели широкое древнее русло Желтой реки в виде понижения, занятого песками, которые образовались здесь отчасти благодаря развезанию речных наносов, отчасти же из материала, принесенного ветрами из Центральной Монголии.

Два раза мы вдвоем спокойно ночевали в песках — развьючивали верблюдов, ставили палатки. На третий день мы вышли в оазис Шаджин-тохой — пояс полей, рощ и селений по левому берегу Желтой реки и повернули по нему на юго-запад к резиденции Сан-то-хо, до которой оставалось 7—8 верст.

В резиденции я встретил радушный прием, которым пришлось пользоваться целых две недели. Желтая река преграждала дальнейший путь на юг; из-за слабых морозов ледоход очень затянулся, а переправа на лодках была прекращена. Через неделю река замерзла, но из-за слабого мороза лед еще целую неделю оставался непрочным. Впрочем, невольная остановка была нам полезна. Из Су-чжоу мы шли уже почти 2 месяца с редкими дневками: верблюды и лошади сильно устали и требовали отдыха и подкормки после скудной пищи в пустыне. Моя верховая лошадь так устала, что последние версты перед Сан-то-хо я шел пешком и тянул ее за собой. А впереди был еще длинный путь через Ордос и Шань-си до Сы-чуани, и отдых был нужен не только животным, но и людям.

Резиденция Сан-то-хо не блещет красотой. Она расположена на равнине левого берега Желтой реки, занятой поселками и пашнями китайцев и небольшими рощами тополя и ивы.

Фруктовых деревьев мало из-за зимних холодов и ветров. Местность довольно унылая; на северном горизонте за полосой сыпучих песков видны зубчатые цепи Хара-нарин-ула, часто скрывающиеся в пыли, на южном, за рекой, — плоские красноватые высоты Арбисо и вдали более высокие горы Оран-теши и Катангери. Желтая река отстоит от резиденции в 3 км; ее грязножелтая вода, текущая в низких желтых берегах, бедных растительностью, мало украшает пейзаж.

Резиденция состоит из четырех квадратных дворов, окруженных низкими строениями. В первом дворе конюшни, склады и жилища рабочих; во втором — кельи миссионеров, рефекторий, временная небольшая церковь и строившийся большой храм. Третий двор содержит комнаты мужского семинария, а в четвертом помещался детский приют. Подкидывание новорожденных девочек, даже умерщвление их, было очень распространено в Китае, особенно в голодные годы; детские приюты, учрежденные миссионерами разных религий при резиденциях и миссиях, спасали немало молодых жизней.

Глава двенадцатая

ОТ ЖЕЛТОЙ РЕКИ ДО ПОДНОЖИЯ ВОСТОЧНОГО КУЭН-ЛУНЯ

По льду через Желтую реку. Холмы Арбисо. Колодцы и наковальня Чингиз-хана. Увалы из песчаников. Бугристые пески и их население. Сыпучие пески. Миссия Боро-балгасун. Сантан-Джимба. Миссия Сяо-чао. Переснаряжение каравана. Подъем на лёссовое плато, расчлененное на горы. Огромная мощность лёсса. Характер дороги по лёссу и по долинам рек. Террасы на лёссе. Миссия Сан-ши-ли-пу. Обширная равнина и новый тип пещерных жилищ. Последние переходы по лёссу. Два южных хребта. Происхождение лёсса.

Наконец морозы сковали поверхность Желтой реки, и мои рабочие, пройдя по льду через реку, убедились, что он выдержит верблюдов. Так как мягкие лапы последних скользят на ровной поверхности льда, не скрытой снегом, то для перехода каравана нужно было устроить дорожку — посыпать лед песком из береговых обрывов. Эта работа заняла еще день, и только 3 декабря ст. ст. мой отдохнувший в Сан-то-хо караван покинул гостеприимную миссию. Нас было опять четверо; миссионеры дали в проводники двух китайцев из своей паствы, которые хорошо знали дорогу в Боро-балгасун, миссию на южной окраине Ордоса, имеющую постоянные, хотя не частые, сношения с резиденцией епископа.

Миновав Желтую реку, ширина которой доходит здесь до 1200 м, ограниченную невысокими обрывами из слоистого лёсса — древних речных наносов, — мы поднялись на террасу правого берега и вскоре вступили в плоские холмы, которыми оканчивается хребет Арбисо, идущий вдоль этого берега дальше на юг, где холмы переходят в более высокие горы. Холмы состоят из красных третичных песчаников и песчаных мергелей, местами содержащих многочисленные гнезда зернистого, листового и

лучистого гипса в виде стяжений самых причудливых форм, выступающих благодаря своей большей твердости на крутых склонах оврагов, которые врезаны в холмы (рис. 77). Ради осмотра этих холмов мы ночевали, отойдя всего 10 верст от миссии.

На следующий день путь продолжал идти по подобным же холмам. К удивлению, в колодцах на дне сухих долин, врезанных в эти холмы, состоящие местами из богатых гипсом пород,

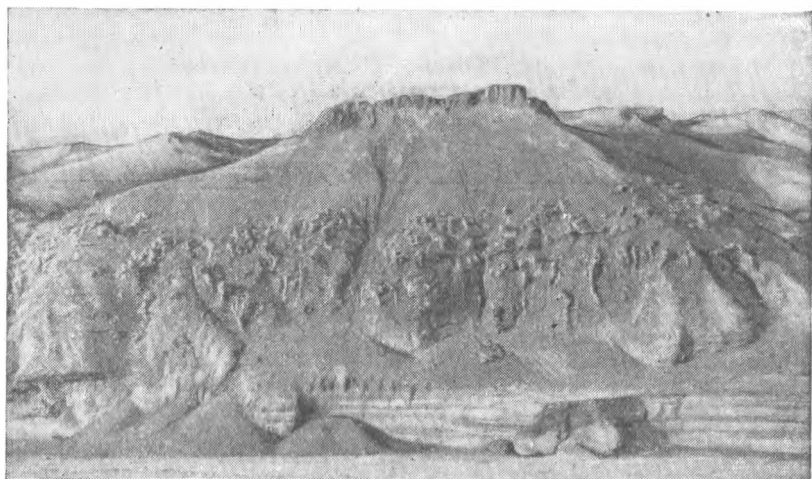

Рис. 77. Красные песчаники со стяжениями гипса в холмах Арбисо.

вода была пресная. Еще через день на западе, в стороне от дороги, показалась высшая часть хребта, в которой бросалась в глаза плоскоконическая гора Оран-теши (наковальня). По монгольскому преданию — это наковальня Чингиз-хана. В соседних с ней горах, по словам проводников, имеются богатые месторождения серебра, разработка которых запрещена монгольскими властями; во избежание тайного хищничества, вдоль подножия гор расставлены пикеты, т. е. попросту поселены в юртах монголы в качестве стражи.

Холмы, по которым шла дорога, состояли из красных, фиолетовых и зеленых песчаников, глин и мергелей, верхние слои которых были богаты твердыми стяжениями плоскосферической формы, расположенными порознь, попарно, по три и образовавшими на выветрелой поверхности пластов оригинальные выпуклости (рис. 78). В такой же холмистой местности мы затем миновали котловину Олон-нохой, в которой монголы насчитывали

вают 106 колодцев, будто бы выкопанных Чингиз-ханом, войска которого стояли здесь во время какого-то похода. Вблизи дороги я насчитал только 20 колодцев, большею частью засыпанных песком; глубина их, судя по одному, содержавшему воду, около 10 м.

Мы пересекали еще несколько дней подобные же плоские холмы и широкие увалы, сложенные из таких же пород разных пестрых цветов и поросшие разными кустами и редкими травами. В общем местность, кроме северной части цепи Арбисо с очень унылой и бедной растительностью, не производила впечатления пустыни и была населена. Кое-где, в стороне от дороги, виднелись юрты монголов, в стороне, но вблизи дороги, видны были монгольский монастырь и резиденция князя Оток, состоявшая из нескольких домов. Колодцы с водой попадались часто. Морозы не превышали нескольких градусов, топливо находилось везде, сильных ветров не было, так что, несмотря на декабрь, путешествие было неутомительно, тем более, что однообразное геологическое строение не вызывало усиленной работы. С половины пути в долинах, в зарослях кустов и чия, начали попадаться фазаны и зайцы, и по вечерам, пока ставили палатку и варили чай, я обходил окрестности стоянки с ружьем.

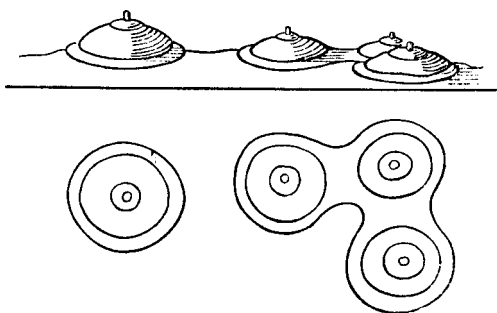

Рис. 78. Плоскосферические известковые стяжения в песчаниках Ордоса; вид сбоку и сверху.

Но затем местность изменила свой характер: выходы коренных пород мало-помалу исчезли под песком, и мы вступили в широкий пояс сыпучих песков, занимающий южную половину Ордоса. На первых порах эти пески еще не представляли пустыни в виде барханов; это были пески бугристые — в виде плоских бугров, на склонах которых росли кусты и пучки травы, а в котловинах между буграми часто встречались целые заросли кустов и чия, дававшие приют фазанам и многочисленным зайцам. Кое-где видны были юрты. Вода в колодцах была на каждом ночлеге. Вблизи колодцев растительность была более скудная и часто попадались голые песчаные барханы — как доказательство деятельности человека, скот которого выедает и

вытаптывает растительность и, таким образом, освобождает песок для работы ветра. Монголы также вырубают возле юрт кусты на топливо и для изгородей, в которых скот собирается на ночь.

Этот песчаный пояс мы пересекали 4 дня, но только на последнем переходе он сделался более оголенным и представлял уже преимущественно барханы. Кроме зайцев и фазанов, нам изредка попадались антилопы и часто песчаные куропатки, сойки, серые дрозды, песчаные крысы, следы лисиц и волков, а на южной окраине хохлатые жаворонки.

В этих песках, в обширной котловине, расположены развалины довольно большого города Боро-балгасун и возле них — бельгийская миссия. Здесь я провел один день, собирая сведения о южном Ордосе. Среди монголов миссии я видел старика Сантан-джимба (рис. 79), который сопровождал еще в сороковых годах Гюка и Габэ в их большом путешествии в Тибет, первом в XIX веке, а затем в 1883 г. был проводником Г. Н. Потанина в его путешествии в Восточный Нань-шань и на окраину Тибета. Старик был еще бодр, но идти в далекий поход со мной уже не решился. Вместо него миссионер дал мне в переводчики монгола Омолона, так как я намеревался при первой возможности отправить своего спутника Цоктоева на родину.

Из Боро-балгасуна мы прошли в один день в миссию Сяочао через пояс песков, здесь уже сильно оголенных, с большим количеством барханов и скудной растительностью. Это обилие голых песков в южной части Ордоса вполне понятно, и деятельность человека тут уже не играет большой роли. Вспомним, что мы уже видели много голых песков в почти безлюдной Центральной Монголии вдоль северной окраины хр. Хара-нарын-ула и еще больше между этим хребтом и Желтой рекой. Эти пески нанесены ветрами, дующими из Гоби на юго-восток, и скопились по обе стороны барьера, которым является указанный хребет, особенно во впадине долины Желтой реки. Затем в северной части Ордоса мы видели обширную площадь развития песчаников, дающих при выветривании песок, который подхватывается теми же ветрами и уносится дальше на юг, где он постепенно и накопился в южной полосе Ордоса, так как далее поднимается высокое, лёссовое плато в виде нового барьера, задерживающего ветер. В этой южной полосе северная часть песков более или менее закреплена растительностью, но имеется еще достаточно голых площадок, с которых сильный ветер может уносить песок дальше на юг, где постоянный принос свежего материала с севера не позволяет растительности достаточно быстро развиваться. Вот почему самая южная часть Ордоса богата сыпучими, мало

или совсем не заросшими песками. Оголенности этих песков, конечно, способствует и население этой окраины, китайское и монгольское, хотя и скудное.

В миссии Сяо-чао я провел опять 6 дней, так как нужно было переснаряжать караван. Мои верблюды после трехмесячного перехода из Су-чжоу сильно устали.

Впереди предстоял длинный путь по лёссовому плато и через хребет Цзин-лин-шань в южный Китай и обратно в Лань-чжоу, путь, мало подходящий для верблюдов из-за гористости. Более целесообразно было оставить верблюдов на отдых в Ордосе с тем, чтобы их весной прислали мне в Лань-чжоу с собранными в Центральной Монголии коллекциями и лишним багажом. Для путешествия на юг нужно было нанять вьючных лошадей и китайцев с тем, чтобы отпустить их в Лань-чжоу. Я нанял двух китайцев, имевших шесть вьючных лошадей, за поденную плату, а не на срок,

Рис. 79. Монгол Сантан-джимба.

чтобы они не имели расчета торопить меня и делать большие переезды в ущерб тщательности наблюдений. Верблюды были отправлены в миссию Боро-балгасун на трехмесячный отдых.

24 декабря караван в новом составе направился на запад по знакомой уже дороге через городки Нин-тяо-льян, Ан-бянь и Цзуан-дин на южной окраине Ордоса; 26-го из последнего города мы круто повернули на юг и поднялись на лёссовое

плато, ограничивающее Ордос и достигающие 360 м над последним и 1620 м абс. высоты. Плато расчленено глубокими логами и оврагами, на склонах которых вскрыт только лёсс; в его обрывах местами видны китайские подземные жилища. Мы ночевали в подземном постоялом дворе; нам предоставили пещеру, у окна которой на кане расположился я с Цоктоевым, а в глубине ее —

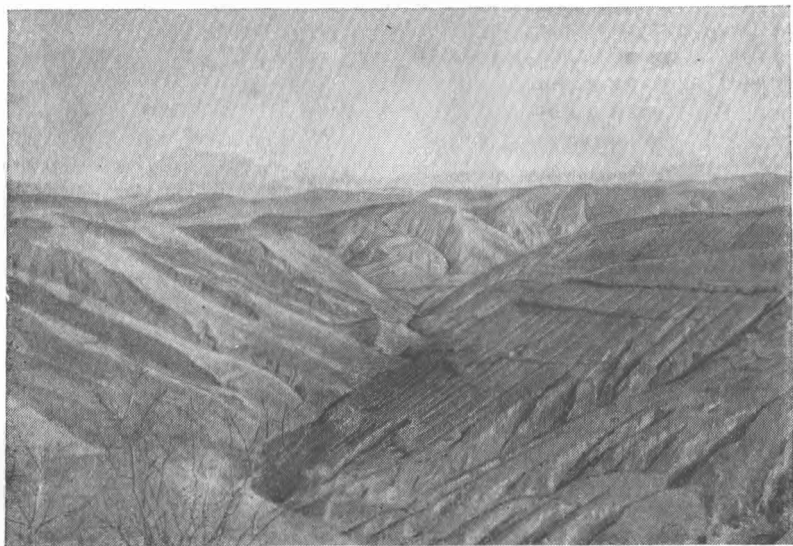

Рис. 80. Лёссовое плато, расчлененное на горы, в провинции Шень-си к югу от Ордоса.

все наши лошади. Омолон и два китайца приютились в соседней пещере, где жила семья хозяина. После трехмесячной жизни в палатке в пещере показалось душно, а близко стоявшие лошади мешали спокойно спать.

На следующий день дорога поднялась на высшую часть плато, достигающую 1800 м, с которой можно было хорошо обозреть местность. Она представляла в сущности не плато или плоскогорье, которым казалась с равнины Ордоса, а настоящую горную страну, так как толща лёсса, достигающая не менее 300 м мощности и прежде составлявшая одно целое, расчленена многочисленными глубокими логами и долинами на плоско- и крутоуклообразные и плоскоконические, местами столовые, горы, склоны которых изборозжены оврагами и исполосованы

обрывами террас, словно ступенями исполинской лестницы (рис. 80). Все эти горы достигают примерно той же абс. высоты, что, в связи с их составом, доказывает их прежнее соединение в виде плоскогорья.

Дорога по этой расчлененной местности шла по верхним частям склонов и водоразделам между логами, переходя с одного на другой, обходя верховья оврагов, врезанных в склоны, и попеременно то опускаясь, то поднимаясь, нередко очень круто, или извиваясь над вертикальными обрывами. Часто попадались места, где прежняя дорога (т. е. вьючная тропа: колесных дорог здесь нет) была уже прорезана оврагом, в обход верховий которого проложена новая; или же с одной стороны зиял глубокий овраг, а с другой — провал, сообщающийся с этим оврагом под дорогой и угрожающий ей размывом в недалеком будущем. При виде этой дороги я понял, почему в Сяо-чао мне советовали сменить верблюдов лошадьми: для первых дорога по карнизу в лёссе местами была бы слишком узка, а частые подъемы и спуски — утомительны.

Местность была безлюдная, но довольно часто попадались развалины отдельных фанз и небольших селений, старые жилища пещеры и следы пашен. Вблизи развалин виднелись и деревья: ива, ильм, абрикос, росшие иногда на крутом склоне; вообще же местность безлесная, степная. Из животных были замечены только песчаные крысы, а вблизи развалин летали сороки.

К концу перехода дорога спустилась на дно глубокой долины, 500 м ниже перевала, к р. Ло-хэ, где мы ночевали в пещерном селении. Только нижние 4—5 м береговых обрывов представляли выходы коренных пород в виде пестрых песчаников — таких же, которые попадались на южной окраине Ордоса; поэтому можно думать, что толща лёсса достигает даже 500 м мощности.

Два дня мы шли вниз по долине р. Ло-хэ, которая мало-помалу расширялась, врезаясь глубже в пестрые песчаники. В общем мало отличалась от ущелья, с более или менее отвесными обрывами этих песчаников в нижней части и крутыми склонами лёсса выше. Миновали развалины города Та-па-чен на террасе левого берега, внутри совершенно заросших стен которого видны были пашни, усеянные черепками глиняной и фарфоровой посуды; в стенках оврагов, врезанных в пашни, часто видны были те же черепки и человеческие кости. На вершине горы над городом виднелись развалины укрепления, а к югу от города — почерневшие остатки стен с зубцами, фанз и кумирен. Судя по состоянию развалин, этот город был razoren в давние времена. Многовековая история Китая насчитывает немало войн, при которых погибали многие города и селения.

Затем долина ушла в сторону, и дорога сделала два перевала через лёссовые горы между двумя притоками р. Ло-хэ, на которых мы опять поднимались до абс. высоты 1600 м и, наконец, с третьего перевала спустились в долину р. Да-хэ, вниз по которой мы шли несколько дней. Она имела тот же характер, что и долина р. Ло-хэ, с обрывами песчаников внизу и лёссовыми косогорами выше: мощность лёсса здесь можно было оценить в 200 м, т. е. уже значительно меньше, чем на севере.

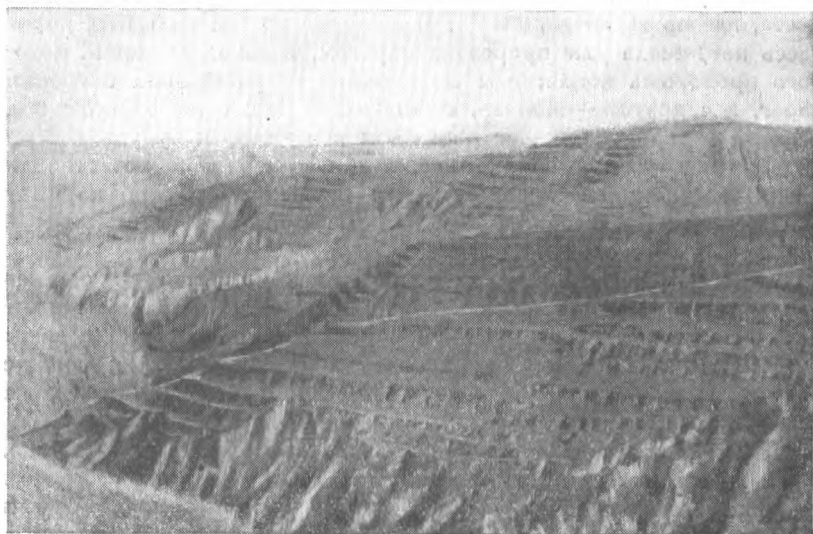

Рис. 81. Террасированные склоны оврагов в лёссовом плато провинции Гань-су.

Местность, начиная с р. Ло-хэ, была уже населена, довольно часто попадались селения, особенно по р. Да-хэ, и столь же часто развалины (между прочим двух небольших городов). Ночлеги большею частью были в пещерных жилищах.

В долине р. Да-хэ находится большой уездный город Цзин-ян-фу, но мы за целый переход до него свернули в горы правого склона и перевалили в долину другой реки Да-хэ, где в сел. Сан-ши-ли-пу расположена бельгийская миссия. С перевала открылся великолепный вид на крутые склоны лёссовых гор и глубоко врезанные в них долины. Эти склоны были покрыты бесчисленными террасами, словно ступенями, сделанными человеком (рис. 81); зрителю на высоте кажется, что он находится

на верхней ступени исполинского амфитеатра, в котором могли бы разместиться сотни тысяч людей. Эти террасы отделены друг от друга небольшими обрывами различной высоты, имеют различную ширину и несколько покатую поверхность. Человек использовал свойство лёсса оседать на склонах отдельными массами по вертикальным трещинам и занял пашнями поверхность ступеней, уменьшив еще их наклоны и оградив небольшими валиками, задерживающими сток дождевой воды. Но лёсс легко размывается, в него быстро врезаются и углубляются овраги, и труд человека постоянно находится под угрозой.

В миссии Сан-ши-ли-пу я провел три дня, отдыхая от двухнедельного перехода и собирая сведения об этой мало известной части провинций Шень-си и Гань-су, лежащей в стороне от больших дорог и впервые посещенной мною, о ее климате и сельском хозяйстве, которое является главным занятием населения. Оно иногда страдает от засухи, так как пашни на террасах не имеют искусственного орошения. На них сеют пшеницу, кукурузу, горох, гречиху и бобы, а на дне долин, где пашни орошают из рек — просо и рис. Каменного угля по всей местности нет и топят дровами, древесным углем, соломой и хворостом. Летние дожди обеспечивают большей частью два урожая. На пути из Ордоса нам опять пришлось видеть, как с севера надвигается без ветра густая пыль, окутывающая всю местность, и как потом начинается ветер. Нужно упомянуть, что зимой морозы слабые, воздух сухой, снегопад незначительный. В Центральной Монголии мы еще видели снег в виде несплошного и тонкого покрова преимущественно во впадинах и на подветренных склонах, но уже в долине Желтой реки и на всем пути по Ордосу и по лёссовому плато снега не было, хотя температура часто была ниже нуля и речки были покрыты льдом. Таким образом, ветер везде находит материал для вздымания пыли. На плато дороги по лёсса были совершенно сухие и пыльные, что облегчало проезд; летом во время дождей эти дороги были бы гораздо хуже.

В Сан-ши-ли-пу я рассчитал Цоктоева. За эти две недели я убедился, что Омолон вполне может заменить его. Цоктоев получил лошадь и отправился назад в Ордос с попутчиком из миссии, а два месяца спустя, как я узнал позднее, благополучно добрался через Монголию до Кяхты.

Оставив Сан-ши-ли-пу, мы вскоре свернули в боковую долину притока р. Да-хэ и по ней поднялись на поверхность лёссового плато, которое здесь, на протяжении более 50 км по нашему пути, совершенно не расчленено глубокими долинами. Этот,

почему-то уцелевший от размыва, большой участок плато представлял совершенную равнину абс. высотой около 1300 м (от 300 до 400 м над дном речных долин, ограничивающих его с севера и с юга), покрытую пашнями, кое-где небольшими рощами или отдельными деревьями и фанзами. Только изредка видны неглубокие овраги, очевидно, верховья более значительных, оставшихся в стороне; и здесь в обрывах лёсса ютились пещерные жилища китайцев. Но так как таких мест было мало, а население достаточно густое, то мы увидели еще один тип пещерных

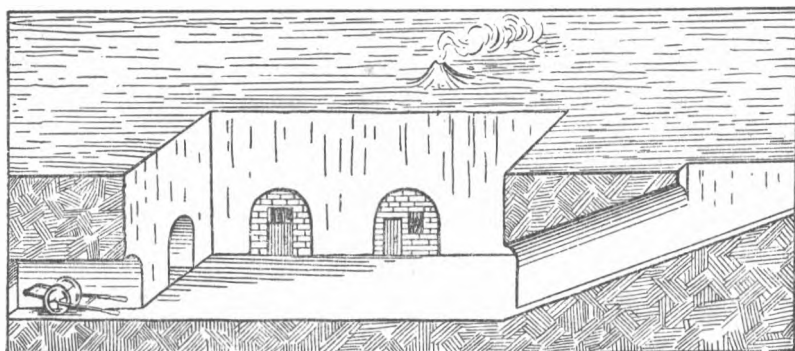

Рис. 82. Вид пещерного жилища в лёссе в разрезе по оси выездного тоннеля.

жилищ, не замеченный нами нигде больше в Китае. Едешь по равнине и вдруг видишь, что несколько в стороне от дороги из какой-то кочки среди пашни вьется дымок. Подъезжаешь к нему, чтобы выяснить это странное явление, и что же оказывается? В равнине вырыта квадратная или прямоугольная яма в несколько метров ширины и 5—6 м глубины, и в ее отвесных стенках видны жилища того же типа, как и в естественных обрывах лёсса: одни жилые, другие для животных и для хранения соломы, хлеба. Устья этих тоннелей закрыты кладкой из сырцового кирпича с окном и дверью или открыты. На дне ямы можно видеть кур, телегу, копну соломы, людей. Спуск в каждую жилую яму представляет круто наклонную выемку в лёссе, переходящую глубже в тоннель (рис. 82). Лёсс, добытый при рытье ямы и спуска в нее, не свален кучами, а рассеян по пашне, так что яма ничем не ограждена, и это жилище замечаешь, только подъехав к нему близко. Возле ямы на пашне обыкновенно выглажена площадка для молотьбы хлеба, иногда сложены солома и удобрение.

На рис. 83 видно несколько жилых пещер этого типа, но улучшенных: некоторые ограждены небольшой стенкой, участки каждого владельца окаймлены оградами, и у некоторых имеются надземные постройки; стрелка указывает начало спуска в левую яму.

Среди этой равнины расположен довольно большой город Си-фу-чен, в котором также имеются жилища в ямах. Воду на

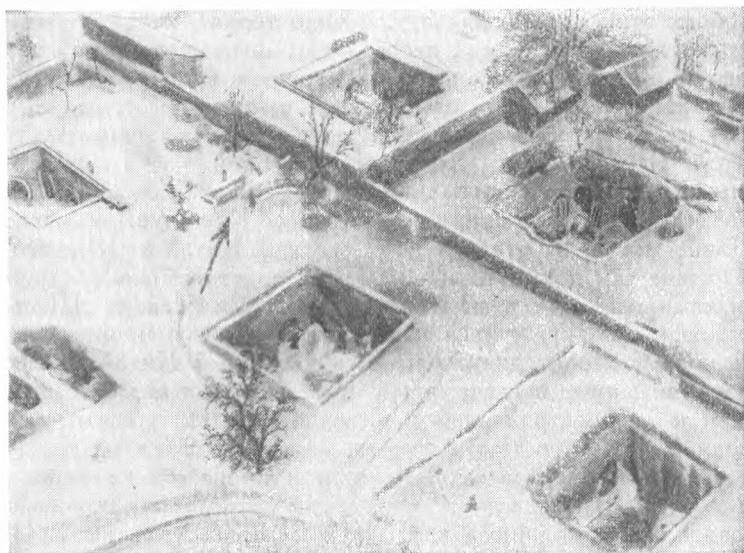

Рис. 83. Пещерные жилища в стенках ям, выкопанных в лёссе к северу от г. Си-фу-чен.

равнине достают из глубоких колодцев. На постоялом дворе, где мы ночевали, колодец имел около 36 м глубины. От этого города мы шли еще день по равнине, а затем началась уже местность, расчлененная несколькими глубокими долинами рек, в общем направленными с запада на восток, так что нам приходилось пересекать их, подниматься на промежуточные между ними участки плато и опять спускаться в долины. Последние были на 300—400 м ниже плато, имевшего ту же абс. высоту — около 1300 м. Такую местность мы пересекали в течение 3 дней. Здесь преобладали пещерные селения обычного типа в обрывах лёсса на склонах долин и в оврагах; часто встречались и надземные.

Затем дорога поднялась на широкий и несколько более высокий (1350 м на перевале) хр. Лун-фын-шань, ограничивающий лёссовое плато с юга и представлявший другие формы рельефа, хотя он также покрыт лёссом, но не мощным и более древним. Склоны его расчленены поперечными долинами, формы гор более округленные. Мы пересекали его два дня и ночевали в пещерном селении южного склона. За ним следовал второй хр. Цзянь-ян-лин того же характера и такой же высоты, но гораздо более узкий. На обоих этих хребтах было уже мало террас, характерных для мощного лёсса. Последний переход шел по долине р. Се-хэ до г. Бао-цзин-сяня, расположенного в широкой долине р. Вей-хэ. Прибытием в этот город закончилось наше путешествие по лёссовому плато, занимающему южную половину большой излучины Желтой реки и принадлежащему северной части провинции Шень-си и восточной части провинции Гань-су. Теперь предстояло пересечение горной системы Восточного Куэн-луня, называемого Цзинь-лин-шань, отделяющей Северный Китай от Южного.

Прежде чем покинуть страну лёсса, с которой мы достаточно познакомились на пути через провинции Чжили, Шань-си, Шень-си и Гань-су, нужно рассмотреть вопрос о происхождении этой почвы, характеризующей весь Северный Китай. Качества ее, уже описанные в главе пятой, и наблюдения над ее распределением и распространением в Северном Китае привели меня к выводу, что лёсс состоит из пыли, образовавшейся в пустынном сухом климате Центральной Азии при процессах выветривания горных пород, вынесенной оттуда ветрами и отложившейся в условиях более влажного климата в Северном Китае. В Центральной Азии сухой климат с его резкими колебаниями температуры, летней жарой, зимними морозами при скудости или отсутствии растительности, защищающей склоны возвышенностей, обуславливает быстрое выветривание, распадение горных пород на их составные части и образование мелких продуктов этого распада — песка и пыли. Такой же материал дают отложения крупных рек, теряющихся в пустыне, выносы временных потоков, вытекающих из многочисленных гор и холмов, а также почва широких долин, слабо защищенная растительностью от действия ветра, и плоские берега озер и озерков, периодически сокращающихся. Частые и сильные ветры, дующие в Центральной Азии и направленные, главным образом, от внутренней части к ее окраинам, выносят песок и пыль к последним.

Песок как более крупный, тяжелый материал передвигается медленнее и остается еще в пределах Центральной Азии в виде скоплений сыпучих песков, образующих, как мы видели, большие площади в Ордосе, вдоль Желтой реки, в южной Алашани, на

р. Эцзин-гол и перед хр. Хара-нарин-ула в Центральной Монголии, т. е. уже вблизи окраин Центральной Азии. Легкая пыль уносится дальше; она поднимается высоко в воздух и переносится целыми тучами; о надвигании пылевых туч впереди ветра мы упоминали не раз. Пыль поднимают с поверхности почвы и утесов не только ветры, но и вихри. В жаркие дни можно видеть, как то здесь, то там внезапно образуется вихрь в виде спирально поднимающейся вверх струи воздуха, которая засасывает пыль, песчинки, кусочки высохшей травы и другого мусора и, быстро крутясь, несется по степи или пустыне и, наконец, рассеивается; часть поднятого вихрем материала падает назад, но мелкая пыль плавает в воздухе очень долго. Такие вихри можно видеть и у нас в летние дни, но в Центральной Азии они представляют обычное явление; о них писал уже Пржевальский и дал даже рисунок вихрей разной формы.

За пределами Центральной Азии климат меняется; здесь больше атмосферных осадков, ветры ослабевают, встречаясь с противоположными воздушными течениями и высокими горами, пыли в воздухе меньше. Здесь и растительность гуще в виде травы и мелких кустов, сплошь покрывающих почву. Пыль садится на растения, а с них стряхивается ветром и смывается дождями на поверхность почвы, где она уже защищена от уноса. Это происходит из года в год целые столетия и тысячелетия, и пыль, накапливаясь, уплотняясь и скрепляясь корнями растений, превращается в лёссовую почву, в которую проникает дождевая вода и в которой происходят химические и механические процессы, создающие структуру лёсса. И так как климат Центральной Азии и Северного Китая существенно не менялся уже много тысячелетий, то не удивительно, что из этой пыли, образовавшей в течение года слой меньше миллиметра, в конце концов создались толщи в десятки и даже сотни метров (3—4), которые скрывали совсем или смягчили неровности рельефа, существовавшего ранее в Северном Китае.

Так, мы видели, что между Калганом и Пекином, где тянется несколько горных хребтов, разделенных более или менее широкими долинами, лёсс покрывает дно последних и поднимается высоко на склоны, только смягчая рельеф. В провинции Шань-си, где местность представляла плоскогорье, более или менее расчлененное размывом, лёсс засыпал все долины и поверхность плоскогорья и почти скрыл рельеф. А на южной окраине Ордоса и в соседней части провинций Шень-си и Гань-су из лёсса сложено уже целое плато, и толща его близ окраины пустыни Ордоса с его песками достигает 400—500 м, но на юг, с удалением от источника пыли, постепенно уменьшается до 300, 200

и 100 м. Здесь лёсс создал новый рельеф — пылевой хребет — увал, под которым глубоко скрыт древний рельеф страны.

Но во всех этих областях бывают дожди, и накопление лёсса идет рука об руку с его размывом; в толще лёсса врезаются рытвины, овраги и долины, которые расчленяют лёсс и создают характерный рельеф лёссовой страны. Вот это количество осадков в течение тысячелетий могло существенно меняться, и в одни эпохи расчленение лёсса было сильнее, в другие — слабее или даже почти прекращалось.

Весьма характерно и доказательно, что вблизи границы области лёсса, т. е. вблизи области песков, состав лёсса более грубый, в нем много мелких песчинок, а на поверхности лёсса сыпучий песок даже образует скопления, как мы видели у окраины Ордоса. С удалением от этой границы в глубь области лёсса состав последнего становится все более и более тонким, пылевым.

Таким образом, лёсс Северного Китая является продуктом пустынь и полупустынь Центральной Азии, который в виде пыли выносится из них ветром, оседает и накапливается на степях, ограничивающих эти области с юга.

Но иной читатель, знающий, что лёсс, или желтозем, известен и на Украине, где слагает большие площади, например возле Днепропетровска и Киева, и считается плодородной почвой, может спросить: где же пустыня, из которой в виде пыли был вынесен этот лёсс? Ни к северу, ни к югу, ни к западу и ни к востоку от Украины пустынь нет.

На это можно ответить: теперь пустынь нет, но прежде они были. В начале современного периода жизни нашей Земли, называемого четвертичным, весь север Европейской части нашего Союза был покрыт огромным ледником, спускавшимся с высот Скандинавии и Кольского полуострова. Впереди этого ледника при его наступаниях и отступаниях создавалась широкая полоса пустыни, на которой вся растительность была уничтожена. Ледник сбрасывал здесь при таянии принесенные на льду камни, песок, ил; талые воды, вытекавшие из-под него, выносили песок и ил и покрывали ими значительные площади, обсыхавшие осенью, зимой и весной, когда таяние льда сильно сокращалось. Вот эти площади песка, ила, гальки, валунов, глины, составлявших так называемые морены и другие ледниковые отложения, представляли пустыню. Холодный ветер,吹きвавший над обширным пространством ледника, дул на юг и на этой пустыне впереди ледника поднимал мелкую пыль с морен и обсыхавших отложений талых вод и уносил ее дальше на юг, на Украину, где в то время были сухие степи до берегов Черного

моря. На этих степях пыль оседала и под защитой растительности накапливалась, превращаясь в лёсс, как на степях Северного Китая. Но лёсс Украины не достигает такой толщины, как в Китае, так как процесс его отложения кончился вместе с таянием, отступанием и исчезновением северного ледника. Лёсс Украины имеет мощность в два, три, четыре десятка метров, тогда как в Китае он достигает местами ста, местами даже двухсот метров.

Глава тринадцатая

ЧЕРЕЗ ВОСТОЧНЫЙ КУЭН-ЛУНЬ

Особенности пейзажа Цзинь-лин-шаня по сравнению с Нань-шанем. Люди в роли животных. Миссия в г. Хой-сянь. Новогодние празднества. Известие от Г. Н. Потанина и изменение маршрута. Ночлег и пища в Южном Китае. Второе пересечение Цзинь-лин-шаня. Тропы, непроходимые для вьючных животных. Общий характер гор. Скалистые цепи и леса окраины Тибета. Возвращение в страну лёсса.

Из г. Бао-цзи-сянь в долине р. Вей-хэ Восточный Куэнь-лунь, или Цзинь-лин-шань, представляется путешественнику в виде сплошной массы высоких гор с острыми зубчатыми и плоскими конусо- и куполообразными вершинами, на которых снег виден только в холодное время года. Эти горы составляют восточное продолжение той огромной горной системы Куэн-луня, которая из области Памира протягивается по южной окраине бассейна р. Тарима в Китайском Туркестане, отделяя его от высокого нагорья Западного Тибета, затем ограничивает с юга солончаки и равнины пустынного Цайдама, протекает через верховья Желтой реки в Восточном Тибете и, наконец, вступает в собственно Китай, где отделяет южные провинции от северных.

В противоположность горной системе Нань-шаня, состоящей из нескольких отдельных длинных горных цепей, разделенных широкими продольными долинами, Цзинь-лин-шань представляет сплошную массу гор во всю свою ширину, дику горную страну, расчлененную в разных направлениях долинами и ущельями рек на короткие горные гряды и группы, соответствующие, главным образом, толщам или массам более твердых горных пород, лучше сопротивлявшихся размыву; массивы гранита, большие толщи древних известняков и кварцитов слагают эти

гряды и группы, тогда как более широкие долины и котловины врезаны в толщи более мягких сланцев и песчаников.

Хотя вечноснеговых вершин и ледников в Цзинь-лин-шане нет и самые высокие вершины не превышают 4000 м, т. е. эта горная система значительно ниже Нань-шаня, — она гораздо живописнее последнего. Долины и ущелья врезаны глубже, склоны обилуют красивыми утесами разнообразной формы благодаря большому участию известняков в составе гор и богатому

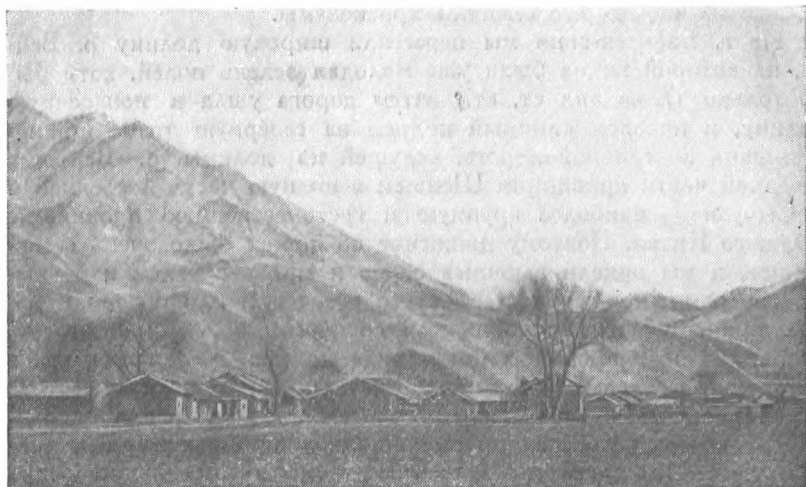

Рис. 84. Сел. Дун-хэ-цзяо в северной цепи хр. Цзинь-лин-шань.

орошению. Многочисленные ручьи и речки и обильная растительность, особенно в южной половине Цзинь-лин-шаня, способствуют живописности этих гор (рис. 84). Нань-шань, особенно западный, со своими бесконечными исполинскими цепями, увенчанными снегами и льдами, производит более величественное, но удручающее из-за пустынности впечатление. Цзинь-лин-шань, богатый крутыми склонами, ущельями, красивыми утесами, проточной водой и растительностью, напоминает Швейцарию, но без вечных снегов.

Цзинь-лин-шань образует естественную границу между Северным и Южным Китаем. К северу от него — страна господствующего лёсса с его желтым цветом, пылью, террасами, оврагами и сухим континентальным климатом; к югу — страна обильных летних дождей, теплых сухих зим, богатой растительности,

страна риса, чая, бамбука и горных тропинок, по которым люди и грузы передвигаются в гористой западной половине этой области, главным образом, на спинах людей — носильщиков, тогда как вьючные животные: мулы, ослы, лошади исчезают ввиду плохих дорог и отсутствия кормов. Козы и свиньи — единственные домашние животные горного юга, так как первые могут пастись на крутых склонах гор, а вторые кормятся в хлевах отбросами пищи человека. Лёсс распространен только по северным грядам Цзинь-лин-шаня и становится тем тоньше, чем дальше на юг, где его сменяют красноземы.

Из г. Бао-цзи-сяня мы пересекли широкую долину р. Вей-хэ, на которой видна была уже молодая зелень полей, хотя было только 17 января ст. ст.; затем дорога ушла в поперечную долину, и начался длинный подъем на северную цепь Цзинь-лин-шаня по главной дороге, ведущей из долины р. Вей-хэ и северной части провинции Шень-си в южную часть последней и в Сычуань — наиболее крупную и густонаселенную провинцию Южного Китая. Поэтому движение по дороге было очень оживленное, и мы видели вьючных ослов и мулов с углем и разными товарами, но, главным образом, встречали или обгоняли носильщиков, шедших порознь или группами в ту или другую сторону. Попадались носилки в виде домика с занавесками, в которых восседал какой-нибудь знатный китаец, путешествуя через горы на плечах людей. Такие носилки несли скорым шагом четыре человека при помощи двух длинных жердей, прикрепленных к бокам домика. Четыре других носильщика шли рядом или позади и время от времени на ходу сменяли уставших. Я заметил две категории товарных носильщиков: одни несли на спине тяжелые тюки, шли партиями по 5—10 чел. и часто отдыхали, не присаживаясь, но подставляя под тюк палку. Другие несли легкий или хрупкий товар — чугунную, глиняную, фарфоровую посуду — в корзинах, привязанных к обоим концам коромысла, или везли груз на своеобразной тачке с одним большим колесом, иногда вдвоем — один тянул впереди, другой поддерживал ручки тачки и толкал ее.

Мы уже на второй день пути перевалили через невысокий главный водораздел Цзинь-лин-шаня и несколько дней шли вниз по долине р. Дун-хэ, принадлежащей уже к бассейну Голубой реки, но затем свернули на запад с большой дороги, ведущей в г. Хань-чжун-фу, и, сделав два перевала через горы между притоками р. Дун-хэ, вышли в г. Хой-сянь, где также имелась бельгийская миссия. Здесь мне пришлось провести целую неделю, так как наступали новогодние празднества, в течение которых путешествие в Китае затруднительно. Кроме того,

из Ордоса мы шли уже целый месяц почти без отдыха, мои возики и их лошади устали, а условия жизни в миссии доставляли еще возможность использовать остановку для составления отчета о путешествии по Ордосу и лёссовому плато.

В бассейне р. Дун-хэ на южном склоне Цзинь-лин-шаня появились уже растения и животные, характерные для Южного Китая: я заметил целые рощи высокого бамбука, различные незнакомые мне растения и птиц. Поля уже зеленели, в саду миссии Хой-сяня без устали ворковали горлицы, и вообще, несмотря на зимний месяц (конец января ст. ст.), чувствовалась весна. Снега не было нигде, и по ночам термометр уже не спускался ниже нуля.

У китайцев вообще мало праздников: они не различают дней недели, а только дни лунных месяцев. Хотя 1-е и 15-е число каждого месяца считается праздником, но эти праздники соблюдают только ямыни чиновников, а школы, лавки и фабрики с ними не считаются. Зато первые две недели нового года празднуются и дают отдых за весь год.¹

Новый год приходится на конец января или на начало февраля. Китайцы делят год на лунные месяцы, считая от новолуния до новолуния, а так как средний лунный месяц имеет 29.5 суток, то одни месяцы имеют в Китае 29, другие 30 дней. В году лунных месяцев 12, но остается еще 11 дней сравнительно с солнечным годом, поэтому для уравнивания солнечного и лунного времени в некоторые годы приходится вставлять тринадцатый месяц, считая эти годы високосными. Из 19 лет в Китае 12 простых и 7 високосных; последние чередуются с первыми через один и через два, так — два простых, один високосный, один простой, один високосный, два простых и т. д. Новый год начинают с того новолуния, которое предшествует нахождению солнца в зодиакальном знаке Рыб, что случается всегда около 19 февраля н. ст.; поэтому китайский новый год не может быть раньше 20 января и позже 19 февраля по европейскому календарю. В простом 1894 г. новый год начинался 6 февраля, а в високосном 1895 г. — 26 января.

За несколько дней до нового года процессия лам (хошанов и даосов) при оглушительном гуле гонгов и других инструментов обходит дома и улицы и изгоняет злых духов, а народ, сопровождающий процессии, заглядывает во все закоулки, чтобы узнать, не засел ли где враг человеческий. Чтобы помешать его возвращению, над входом в дом, откуда его выкурили,

¹ Это описание характеризует самое недавнее прошлое. Как изменят его условия нового строя, — сказать сейчас еще нельзя.

прикрепляются ивовые или персиковые ветки, сделанные из бумаги. К дверям прикрепляются прозные изображения богов покровителей, так называемых „господ ворот“, — двух канонизированных военачальников. Последние дни посвящаются сведению годового баланса и взысканию долгов. Купцы спешат распродать с уступкой залежавшийся товар, чтобы получить наличные деньги. Хозяева закупают провизию. В домах моют комнаты, моются сами, но улицы не убираются. Во всех домах приносят жертвы божку очага или кухни, охранявшему семью в течение года. Этот божок в конце года улетает на небо, где представляет отчет о поведении семьи. Страхась его разоблачений, китайцы замазывают ему рот глиной или тестом.

В канун нового года улицы наполняются народом с разноцветными фонариками и хлопушками; фонари и транспаранты украшают дома и лавки. Китайцы толпятся в кумирнях, чтобы принести жертвы и поклониться богам. Крики разносчиков и прохожих сливаются с треском хлопушек, ракет и фейерверков. Последнюю ночь китайцы бодрствуют. В полночь все члены семьи совершают поклонение небу и земле перед открытой дверью дома, затем собираются в домашней кумиренке (мяо) и приносят жертвы перед таблицами предков.¹ На заре поклоняются духу счастья. В день нового года опять приносят жертвы.

В течение первых четырех дней все совершают поздравительные визиты: чиновники по начальству, граждане — друзьям и знакомым; часто ограничиваются опусканием карточек в бумажный мешок, прикрепленный у дверей. Разодетые китайцы разъезжают по городу в носилках, телегах, верхом, останавливаясь и приседая при встречах со знакомыми. Лавки, мастерские, постоянные дворы закрыты, и путешественники, захваченные праздниками в пути, вынуждены выждать по крайней мере первые пять-шесть дней в городе или селении, где они очутились под новый год. Все население отдыхает, развлекается на улицах и в театрах, и даже в бедных семьях на столе появляется мясо, которое в течение всего года отсутствует. Но уже с шестого дня ремесленники возобновляют работу, некоторые лавки открываются, и только ямыни мандаринов закрыты и запечатаны до конца праздников.

Последние два дня характеризуются вечерними процессиями, напоминающими наш карнавал. Группы замаскированных и музыкантов ходят по улицам, заворачивают в дома и полу-

¹ Таблицы с именами предков представляют дощечки, выкрашенные в черный цвет; на них красными иероглифами написано: таблица духа усопшего такого-то.

чают угощение. Последний вечер оканчивается процессиями с разноцветными фонарями разной формы и величины, прикрепленными к палкам, особенно часто изображающими части тела дракона.

Сочетание восьми фонарей, из которых первый имеет форму головы дракона, средние — его туловища и последние — его хвоста, особенно замечательно; покачивавшемся палок имитируются змееобразные изгибы чудовища, плывущего над головами восхищенной толпы.

Интересно отметить, что, наблюдая уличную толпу во время новогодних праздников в Хой-сяне, я ни разу не видел пьяных, которые составляли обязательную и отталкивающую черту праздничных дней в городах и селах царской России. Китайцы в массе народ трезвый, а напившийся на какой-нибудь пирушке субъект никогда не показывается на улице. Вообще за все время путешествия я не видел на улицах пьяного китайца.

Город Хой-сянь расположен в долине небольшой речки Шамын-хэ у северного подножия одной из цепей Цзинь-лин-шаня, называемой Лао-лин. В этой цепи имеются месторождения железной руды, и в нескольких местах находятся маленькие заводы, изготавливающие чугунные котлы и горшки и железные изделия.

Проведя первую неделю нового года в миссии, мы 13-го февраля ст. ст. продолжали путь и поднялись на перевал через Лао-лин, достигающий около 350 м высоты над городом. С него мы спустились в долину р. Си-хэ, которая на следующий день вывела нас в долину р. Дун-хэ, покинутую нами перед своротом к г. Хой-сянь, к сел. Пей-шуй-дянь, вниз от которого эта река становится судоходной для плоскодонных лодок. Поэтому здесь кончается выючный транспорт с севера (и начинается с юга), и товары, идущие на юг, главным образом табак провинции Гань-су, чугун и железо заводов в Лао-лине, плывут дальше на лодках по р. Дун-хэ через южные цепи Цзинь-лин-шаня. Это плавание не вполне безопасно, так как река все время течет по ущелью с очень крутыми склонами, и русло ее не свободно от камней, но китайские лодочники хорошо справляются с этими препятствиями.

Наш путь для выючных животных отклонялся от ущелья реки, переваливая через более или менее высокие цепи и придерживаясь долин небольших речек, густо населенных и возделанных. Селения попадались через каждые 3—5 км, но большею частью были маленькие, так как ни дно долин, ни скалистые склоны не давали простора для земледельцев. Глаза радовали рощи бамбука, туи, кипарисов, веерных пальм и

других вечнозеленых деревьев, сочная зелень полей и огородов и расчлененные скалистые склоны, на которых кое-где возвышались живописные кумирни, семейные кладбища в рощах, отдельные фанзы и деревья.

Первый перевал на этом пути через цепь Да-лян-шань достигал 1460 м абс. высоты и до 900 м над дном соседних долин; вершины цепи поднимались еще на 300 м выше. Вся она покрыта лесом. Обилие последнего объяснило существование небольшого железного заводика на южном склоне, перерабатывавшего железный и чугунный лом на древесном топливе в маленьких горнах. На ночлете в этом селе мы могли наблюдать весь процесс кустарной плавки и примитивные приспособления заводика.

На следующий день мы миновали г. Ло-ян, расположенный на берегу р. Дун-хэ, или Пей-шуй-цзянь, а затем надолго отклонились на восток от этой реки, уходящей в длинное и глубокое ущелье, и попали даже в бассейн р. Хань-цзянь.

По мере нашего движения на юг исчезал покров лёсса; на северном склоне Цзинь-лин-шаня он достигал еще мощности в 20—30 м и образовывал террасы, на южном склоне он становился все тоньше и тоньше, терял свой характерный облик и после г. Хой-сяна, наконец, исчез.

Это отразилось и на постройках: лёсс — самый дешевый материал для возведения глинобитных стен, для изготовления сырцового и обожженного кирпича. На южном склоне Цзинь-лин-шаня, где лёсс исчез, китайские дома оказались уже сложенными из местного камня, и это (а также теснота долин, ценность каждого ровного участка земли для земледелия) сразу отразилось на типе постоянных дворов. Вместо обширных дворов с рядом комнат для проезжих и большими навесами для животных появились тесные дворики с небольшим навесом для животных и одной комнатой для всех людей, иногда просто большим каном под тем же навесом рядом с яслями для животных. Это было понятно: так как в Южном Китае большая часть грузов передвигается на людях, то большие навесы для животных не нужны, а партия носильщиков ночует целой компанией в одной комнате.

Но для меня эти условия были неудобны: я не мог работать по вечерам — писать дневник, просматривать и этикетировать собранные образчики пород и вычерчивать карту в общей комнате на кане, в тесноте среди толпы носильщиков, крикливых и назойливо любопытных. Приходилось требовать себе отдельную комнату. Хозяин постоянного двора иногда уступал свое тесное и пахучее помещение возле кухни; в других случаях при-

ходилось довольствоваться частью сарая или загородкой, служившей жильем нескольким козам или свиньям, или же чердаком дома и искупать спокойствие для работы холодом, так как в таких помещениях не было топившегося кана, а свою походную печку я оставил в Сяо-чао, как равно и палатку. В густо населенном Китае хотя иногда и найдется место для палатки на каком-нибудь пустыре, но подножного корма для животных нет, и им все равно нужен постоянный двор, поэтому палатка и печка составляли лишний груз.

Второе неудобство путешествия по Южному Китаю представляло отсутствие хлеба; в Северном всегда можно было зайти в городах и крупных селах печеные лепешки или вареные на пару булочки. На юге первое место в питании занимает рис, и вместо хлеба продают вареный рис, завернутый в крупный лист какого-то растения. В Северном Китае почти везде можно было купить мясо, главным образом баранину, для своего стола. В Южном в продаже была только свинина, которая приедается гораздо скорее; приходилось разнообразить свой стол, покупая иногда свиные ноги или уши вместо мяса. Китайская свинья низкорослая, черная с длинными висячими ушами, которые в вареном виде представляют своеобразное и вкусное блюдо.

Когда я расставался с начальником экспедиции Г. Н. Потаниным год тому назад в Пекине, было условлено, что я после года работы в Северном Китае приеду на восточную окраину Тибета, где Потанин должен был оставаться все время, чтобы встретиться с ним в Сы-чуани и связать наши маршруты и наблюдения. Но уже в Хой-сяне я получил известие, что осенью умерла А. В. Потанина и что Григорий Николаевич, потрясенный и расстроенный ее смертью, прервал путешествие и уехал из Китая. Поэтому уже не было надобности идти в глубь провинции Сы-чуань, строение которой было изучено Рихтгофеном. Я решил довести свои исследования только до границы этой провинции и затем повернуть назад, на север, чтобы пересечь Цзянь-лин-шань по новой линии в западной части, ни одним геологом еще не посещенной, тогда как выполненное мною первое пересечение совпадало частью с маршрутом Рихтгофена, частью с маршрутом геолога Лочи.

После большого крюка, который сделал наш маршрут, огибая длинное ущелье р. Цзя-лин-цзянь вниз от г. Ло-ян, мы вышли на эту реку у г. Чжао-дянь и еще два дня шли на юг по ее долине, уже достаточно широкой в понизившихся южных цепях хребта, в которых были старинные каменноугольные копи. Ниже г. Гуань-юань в р. Цзя-лин-цзянь впадает справа

большая р. Пей-шуй-цзянь, вверх по которой идет большая дорога через города Цзе-чжоу и Мин-чжоу в Лань-чжоу, куда весной должны были прибыть верблюды, оставленные на отдых в Сяо-чао. Поэтому мы переправились на большой лодке через р. Цзя-лин-цзянь, достигающую здесь около 100 м ширины и до 2 м глубины, и повернули на север. В этой местности, уже принадлежащей провинции Сы-чуань и защищенной с севера массой Цзинь-лин-шаня, было еще теплее. Хотя шла только вторая половина февраля, но уже цвели фруктовые деревья; ива распускала молодые листья, а на пашнях горох, пшеница и мак поднялись уже на целый фут над землей.

Но уже на второй день мы убедились, что термин „большая дорога“ приложим к этому пути только с оговоркой „для носильщиков“. В этом селении, где мы собирались ночевать, все тесные постоянные дворы были заняты носильщиками и углевозами, и пришлось идти дальше вверх по ущелью реки. По крутым склонам везде был густой кустарник, утесы, осыпи камня, кое-где миниатюрные пашни. Нас захватили сумерки, и в темноте одна из вьючных лошадей свалилась с узкой тропы, к счастью, с небольшой высоты и в кусты. Пока ее развьючивали и вытаскивали, стало совсем темно, и идти дальше по неизвестной дороге было рискованно. Нужно заметить, что в пределах собственно Китая я не нанимал особых проводников: возчики, хозяева повозок и животных, знали дорогу или, как в данном случае, узнавали ее по расспросам. Карты, хотя и не подробные, и компас позволяли ориентироваться, а, в случае сомнения, почти везде встречались проезжие или местные жители, у которых можно было спросить дорогу.

По соседству мы заметили на склоне ущелья отдельную фанзу, хозяева которой, после долгих переговоров, пустили нас ночевать. Они же сообщили нам, что до следующего селения, до которого было 13 км, пройти с вьючными животными нельзя из-за тесноты тропы, высеченной в скалах ущелья, и очень крутых подъемов и спусков. Узнали мы также, что и дальше, вплоть до г. Пи-коу в 5—6 днях пути, все грузы передвигаются только носильщиками по подобным тропам или в лодках по реке. Последний способ связан, при движении бечевой вверх по течению, с большой потерей времени. Лодку надо было нанять уже в устье Пей-шуй-цзяня, и кроме того, сидя в лодке, я мог бы осматривать обнажения, столь многочисленные в ущелье, только изредка, при остановках для отдыха.

Пришлось собирать из соседних фанз, разбросанных по склонам, десять китайских крестьян, которые за очень скромное вознаграждение в 200 чох на человека согласились перенести

весь багаж до следующего селения. Вслед за ними, порожняком шли наши вьючные лошади и мы сами, ведя в поводу верховых лошадей.

В течение нескольких дней пришлось прибегать к найму носильщиков для трудных участков пути; один раз удалось нанять для багажа на целый день лодку, которую тянули вверх по реке, тогда как лошади и люди каравана шли порожняком по дороге. Последняя то лепилась по обрывам скал над рекой, местами в виде балконов на бревнах, заткнутых в расселины утесов, то поднималась высоко на склоны, представляя иногда каменные ступени в полметра высоты, на которые взбираться для навьюченного животного было бы трудно. Приходилось удивляться, что большая дорога, существующая много столетий, все еще оставалась почти в первобытном состоянии.

Наконец, у большого селения Пи-коу кончилось низовое ущелье Пей-шуй-цзяня, пересекающее южные цепи Цзинь-лин-шаня. От реки отделились два большие притока, и долина ее стала шире. Хотя она все еще пересекала высокие горы, но дорога нигде уже не представляла мест, непроходимых для вьючных животных. Все-таки грузы и здесь шли в обе стороны, главным образом, на людей; караваны вьючных животных начали встречаться только за г. Цзе-чжоу, из которого ведут также дороги на запад в Тибет, на восток в Хой-сянь и на северо-восток через северные цепи Цзинь-лина. Южнее г. Цзе-чжоу, на склонах гор, появился опять лёсс, южная природа кончилась, пальмы и бамбук исчезли, и стало холоднее. Вместе с лёссом появились и выпветы солей на дне долины, на обрывах лёсса и галечников и даже на обнажениях коренных пород. Кое-где из лёсса добывали примитивным способом соль, поливая его многократно водой и выпаривая полученный рассол. Появились также глинобитные дома и более просторные постоянные дворы; теснота и неудобства ночлегов Южного Китая кончились, хотя гористая местность все еще продолжалась. Селения попрежнему встречались часто, дно долины и склоны были возделаны везде, где представлялась малейшая возможность.

На шестой день пути, за г. Цзе-чжоу, мы поднялись по вершине р. Пей-шуй на перевал через хр. Я-лин-шань, достигавший 2800 м абс. высоты, и спустились к г. Мин-чжоу, в долину р. Тао-хэ, впадающей уже в Желтую реку; таким образом, мы очутились теперь уже на северном склоне Цзинь-лина и ушли из бассейна Голубой реки. С перевала видна была на юге горная цепь с высокими скалистыми вершинами, покрытыми снегом; это был хр. Мин-шань, который мы незаметно пересекли еще по ущелью Пей-шуй-цзяня, выше г. Цзе-чжоу.

Северные цепи Цзинь-лина на этом пересечении занимали гораздо большее пространство, чем на восточном. От Мин-чжоу мы пересекали их еще в течение целой недели вплоть до г. Лань-чжоу, причем первые из них достигали большой высоты, отличались крутыми, живописными формами скалистых вершин (рис. 85) и были покрыты лесами из березы, осины, ели, сосны и даже кедра, вообще деревьев, знакомых мне по Сибири,

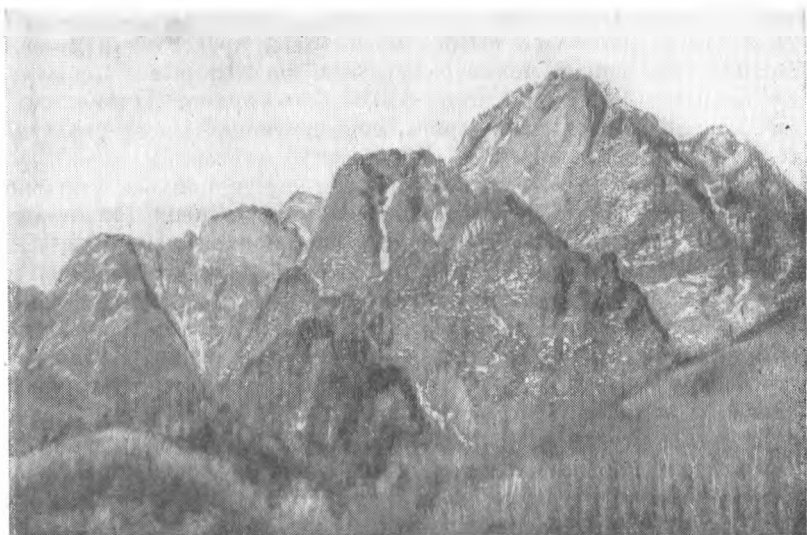

Рис. 85. Скалистые вершины хр. Сяо-шань к западу от ущелья р. Дао-хэ.

с которыми встретиться здесь, на окраине Тибета и под 35° сев. широты, было и приятно, и удивительно. Я даже устроил дневку для отдыха в маленьком уединенном поселке Ма-хо среди лесистых гор хр. Сяо-шань.

Но за г. Ди-дао-чжоу эти высокие и живописные горы кончились, долина р. Тао-хэ, представлявшая в горах глубокие ущелья, которые дорога огибала высоко по склонам или обходила по боковым долинам, расширилась, лёсс стал господствующим, и последние дни пути до Лань-чжоу пролегли уже по типичной для Северного Китая лёссовой стране, расчлененной оврагами. Затем р. Тао-хэ уклонилась на запад, и дорога поднялась на хр. Гуань-шань, покрытый лёссом. С него мы спустились прямо к г. Лань-чжоу и опять заехали в бельгийскую миссию. Было уже 21-е марта, и два пересечения Цзинь-лин-шаня

заняли свыше двух месяцев; они дали много наблюдений по геологии и некоторое знакомство с природой, населением и условиями жизни в Южном Китае.

В Лань-чжоу я нашел письма с родины. Географическое общество, получившее мой отчет о путешествии в Нань-шань, продлило срок моего путешествия еще на полгода с тем, чтобы я попытался проникнуть в Средний Нань-шань, и переводило мне добавочные средства. Поэтому из Лань-чжоу, по прибытии верблюдов, зимовавших в Сяо-чао, я направился опять по большой дороге в Су-чжоу, но, чтобы не повторять полностью прошлогодний маршрут, я выполнил несколько крупных отклонений в ту и другую сторону. Сделанные на них наблюдения уже включены в главу седьмую. Этот переезд занял почти шесть недель и дал мне новое пересечение Восточного Нань-шаня, знакомство с окраиной Алашанской пустыни и с передовой цепью Нань-шаня между г. Гань-чжоу и Су-чжоу.

Глава четырнадцатая

ОПЯТЬ В ГЛУБЬ НАНЬ-ШАНЯ

Вверх по долине р. Цзин-фо-хэ. Высохшее озеро. Цепь перевалов. В осадном положении. Золотые прииски и приискатели. Китайцы-охотники. Перевал через Толай-шань. У охотников. Еще снеговые хребты. Долина р. Су-лей-хэ. Приключение охотников. Вниз по р. Су-лей-хэ. Минеральный источник. Дикие яки и грифы. Обратный путь через те же хребты. Последний перевал. Спуск в Су-чжоу.

В половине мая 1894 г. я опять прибыл в Су-чжоу, чтобы, согласно предложению Географического общества, снова попытаться проникнуть в среднюю часть горной системы Нань-шаня, куда не удалось попасть в предыдущем году. Прошлогодний опыт показал мне, что в высоких горах верблюды мало пригодны, особенно летом, когда они линяют догола и страдают от дождя и холода. Поэтому я оставил верблюдов на отдых в окрестностях Су-чжоу, а прикупил лошадей и двух ослов. Меня сопровождали только трое — монгол Па-ие, китаец Хао-пе-ту-лу, в качестве рабочих, и китаец-проводник. Последний знал дорогу только до золотых приисков, расположенных за хр. Рихтгофена в первой продольной долине горной системы и ежегодно посещаемых китайцами, но я надеялся, что среди золотоискателей найдется человек, знающий местность дальше в глубь Нань-шаня.

В конце мая мы вышли из Су-чжоу, но не на запад, как в прошлом году, а на восток и у городка Цзин-фо-сы, в 90 ли от Су-чжоу, повернули на юг в глубь Нань-шаня. Дорога шла по ущелью небольшой речки Цзин-фо-хэ. Вместе с нами двигались и артели золотоискателей китайцев, направлявшихся на прииски: одни шли пешком, другие ехали верхом на ослах, лошадях или мулах, но все были загружены своим походным имуществом, начиная с толстой соломенной циновки для постели и кончая

разобранном вашгердом (деревянным прибором для промывки золота), деревянным ящичным мехом для раздувания огня и железными граблями. Они скоро опередили нас, так как меня задерживал осмотр многочисленных обнажений на склонах, а торопиться не было надобности.

На второй день мы дошли до верховий речки, представлявших обсохшее ложе довольно большого моренного озера; речка, вытекавшая из него, успела размыть морену, которая прежде подпругивала ее, вода озера вытекла, и, благодаря этому, открылась дорога в глубь Нань-шаня. Пока озеро существовало, туда не было пути по крутым склонам его берегов, а другие речки этой части Нань-шаня текут, как мы узнали и частью убедились сами, по непроходимым ущельям. Перед озером мы перевалили через четыре высокие морены, которые нагромоздил ледник, когда-то спускавшийся в эту долину с главной цепи хребта. Эта цепь замыкала с юга впадину озера, поднимаясь до 4800 м, и представляла ряд острых пиков, покрытых снегом на 500—600 м высоты.

Неужели нам придется карабкаться на эту цепь, отыскивая перевал на крутых седловинах между вершинами, думалось мне, пока мы шли по дну озера, представлявшему то голые площадки серого ила, то мокрые лужайки с низкой травкой. Здесь в горах весна едва начиналась, судя по почкам на кустах; внизу в Су-чжоу все уже зеленело, и было жарко и пыльно.

Но лезть прямо на главную цепь не пришлось. Вдоль ее северного склона залегает широкий пояс более мягких горных пород, в который врезаны довольно глубокие седловины. Тропа от бывшего озера резко повернула влево и поднялась на седловину, за которой оказались верховья другой речки, но без озера.

На следующий день мы миновали еще два подобных перевала в этом поясе, разделяющие верховья отдельных речек, прорывающихся ущельями через передовые гряды, и заночевали в третьей котловине, где я сделал дневку, чтобы осмотреть начало ущелья, прорыва речки на север. Осмотр показал, что пройти по ущелью вниз невозможно даже пешком: дно его имеет всего 4—6 м ширины и занято руслом реки, заваленным крупными глыбами камня, покрытыми еще льдом.

Во время дневки с севера налетели черные тучи и повалил снег, продолжавшийся весь вечер, всю ночь и весь следующий день. Итти в метель по крутым перевалам, не видя тропы, было невозможно. Мы попали в ловушку и должны были ждать перемены погоды. Невольно вспомнился известный рассказ Брет-Гарта о путешественниках, засыпанных снегом в каких-то горах Америки, пробывших в осаде целый месяц, в конце которого

некоторые умерли от истощения, а другие прибегли к людоедству. Такая перспектива нам, конечно, не угрожала, припасов у нас было еще много, а затем оставалось еще семь лошадей и два осла, трупы которых должны были сохраниться под снегом и дать большой запас пищи. Кроме того, было начало лета, и нельзя было думать, что ненастье затянется надолго. Никакой работы не было, так как все обнажения в котловине скрылись

Рис. 86. Перевал Да-сюэ-дабан в хр. Рихтгофена.

под снегом, а вершины гор — в тучах. Поэтому я коротал досуг чтением, вынул из походной библиотечки карманное издание романа Вальтер Скотта, завернулся в доху и углубился в описание красот шотландских горных озер, лесов и скал и похождения героя и героинь.

К ночи второго дня небо очистилось, грянул мороз, выплыла полная луна, и снеговые склоны, обступившие котловину со всех сторон, заблестели миллионами искр, а над ними высились черные гряды скал с зубцами и башнями, на которых снег не мог удержаться. Рабочие уже спали в своей палатке, и ночную тишину нарушал только шопот речки среди снеговых толщ и, по временам, грохот камней, оторванных морозом от скал и слетавших вниз (рис. 86).

На следующий день яркое солнце быстро согнало снег до дна котловины и нижней части склонов, но на перевал Да-сюэ-лин мы поднимались еще по глубокому снегу, делая большие

зигзаги на крутом подъеме. Этот перевал достигал 4070 м абс. высоты и был самый высокий из пройденных нами в эти дни. С него мы спустились в долину р. Ма-шуй-хэ, которая прорывает главную гряду хребта и представляет поэтому неожиданно удобный путь дальше. В ее верховьях мы еще через день

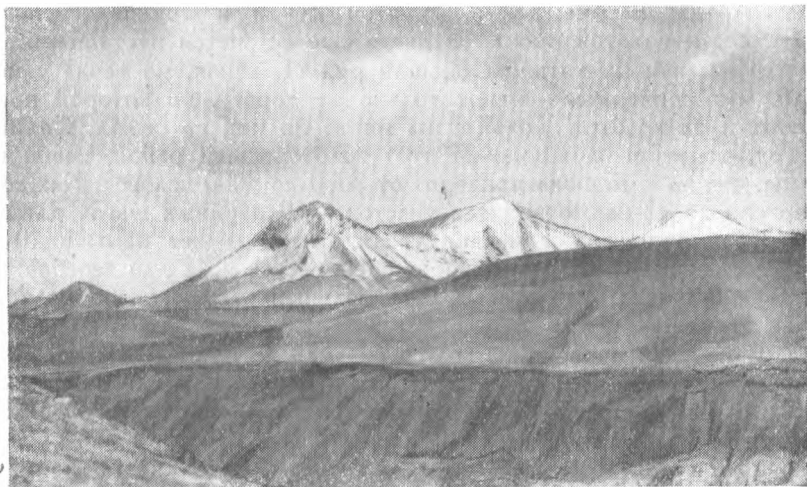

Рис. 87. Снеговые пики западной части хр. Толай-шань к юго-востоку от уроч. Шан-пава.

поднялись на перевал Цзин-пин-дабан в 4200 м, расположенный уже на южном склоне хр. Рихтгофена и на водоразделе между реками Хун-шуй и Хый-хэ, текущими (первая на запад, вторая на восток) по продольной долине между этим хребтом и следующим. Последний, называемый Толай-шань, предстал пред нами в виде длинной цепи острых пиков, покрытых снегом (рис. 87).

На перевале весна едва началась, снег сошел, но красная почва была вся пропитана водой и превращена в полужидкую каменистую кашу. Наши животные вязли на каждом шагу. Немного спустившись к одной из вершин р. Хун-шуй, мы остановились. Проводник не знал дороги дальше; здесь и по верховьям р. Хый-хэ были золотые прииски, до которых он был нанят. Предстояло искать нового проводника среди золотоискателей. Это оказалось нелегко. Пришедшие перед нами китайцы разбрелись по своим участкам в разных логах и долинках и были заняты ремонтом своих жилищ, состоявших из глинобитных

стен с крышей из принесенной с собой дабы,¹ расчисткой водопроводных канав и сбором помета диких яков (аргала) на топливо. Яки водятся здесь зимой, но с появлением людей уходят за Толай-шань. Не будь этих животных, золотоискателям пришлось бы приносить с собой также запас топлива, так как леса поблизости нет и даже колючие кусты облепили попадаются редко на дне долин. В этой дикой и труднодоступной местности золотой промысел долго еще останется кустарным.

Мои рабочие-китайцы обошли ряд землянок, но везде узнали, что приискатели знают только ту дорогу, по которой пришли, и за хребтом Толай-шань никто из них не бывал. Сплингерд, осматривавший как-то этот золотоносный район, сообщил мне, что на лето сюда приходит от 2000 до 3000 человек. Каждой артели из 12 чел. отводится участок в 60 двойных шагов длины и 18 ширины; за 2 месяца такая артель может намыть 10—15 лан (унций) золота, которое оценивается в 12 лан серебра за 1 лан шлихового золота. Золото большей частью очень мелкое, как отруби.

В поисках проводника мы спустились по приисковому району в долину самой р. Хун-шуй, так как наверху корм для животных был слишком скудный. Положение становилось затруднительным. Итти без проводника через высокий хр. Толай-шань было рискованно и оставалось только итти на восток, в долину р. Хый-хэ, где, по слухам, кочевали мирные тангуты, среди которых мог найтись проводник на юг.

К нашему счастью, в наш стан приехали два китайца-охотника, которые привезли для продажи приискателям мясо и шкуры диких яков. Они согласились провести нас через Толай-шань к стану своей артели, среди членов которой могли найтись проводники и дальше на юг. Эти охотники представляли редкое исключение среди китайцев, которые охотой вообще не занимаются. Благодаря им мне удалось провести исследования Среднего Нань-шаня до четвертой цепи в районе их охоты, но дальше на юг за эту цепь и они не проникали, так как там расположены уже владения диких тангутов. Охотники преследовали, главным образом, диких яков из-за их мяса и прочных шкур, которые продавали золотоискателям; не брезгали они впрочем и куланами, антилопами и медведями, если яки не попадались, и осенью увозили в Су-чжоу на продажу шкуры, рога и хвосты диких яков, шкуры куланов и антилоп.

Этот золотоносный район имел своеобразный характер; золото содержалось здесь в красных третичных отложениях, с

¹ Даба — грубая хлопчатобумажная ткань.

которыми мы уже встречались в Восточном Нань-шане, на окраине Цайдама, возле Лань-чжоу и в долине р. Си-нин-хэ, но там эти отложения не содержали золота, и было очевидно, что здесь, на высокоом водоразделе между реками Хый-хэ и Хун-шуй, они получили россыпное золото из размытых более древних пород, что подтверждалось и мелкостью золота. Но золотоискатели добывали и промывали не третичные отложения, а еще более молодые четвертичные галечники, которые получили золото при размыве третичных; при этом, вероятно, получалась концентрация золота, т. е. несколько более богатые россыпи.

С двумя охотниками мы направились сначала вниз по р. Хун-шуй, которая оправдывала свое имя (хун — красный, шуй — вода), так как ее вода была мутная и красная от размываемых ею третичных отложений. Но вскоре река повернула на север и скрылась в непроходимом ущелье, промытом ею через весь хр. Рихтгофена, из которого она выходит уже под именем Лин-шуй и орошает оазис Су-чжоу. Поэтому тропа перевалила через небольшой водораздел в вершину р. Дай-бей-хэ, текущей по той же продольной долине между хребтами Рихтгофена и Толай-шань и затем также прорывающейся ущельем через первый хребет; мы ее также видели уже за хребтом, в глубоком каньоне южнее крепости Цзя-юй-гуань. Но тропа скоро повернула на юг вверх по одному из истоков этой реки, поднимаясь на перевал через Талай-шань.

На этом пути по району золотых приисков мы все время любовались высокогорными видами: справа поднимались друг возле друга снеговые вершины хр. Рихтгофена, слева — такие же вершины Толай-шаня. Изучить подробнее склоны и долины в том и другом хребте представляло заманчивую, но непосильную для меня задачу, которой пришлось бы посвятить целый месяц в одном этом районе. Мне же нужно было проникнуть возможно дальше в глубь Нань-шаня и осветить хотя бы бегло строение всей этой части горной системы. Еще заманчивее было бы пройти по ущелью рек Хун-шуй или Да-бей-хэ через хр. Рихтгофена и получить полный и подробный геологический разрез хребта, но такой маршрут возможен, вероятно, только в конце зимы, если эти реки замерзают настолько прочно, что по льду можно пройти. Эту задачу выполнит какой-нибудь китайский геолог в недалеком будущем.

Но что доказывал прорыв этими сравнительно небольшими реками (а также более крупными реками — Хый-хэ на востоке и Су-лей-хэ на западе) этого громадного хребта? Он доказывал бесспорно, что все эти реки древнее хребта, т. е. существовали уже, когда хребта еще не было. Этот хребет, а также другие

цепи Нань-шаня, прорываемые реками в ущельях, моложе рек и поднимались так медленно, что реки успевали поддерживать свое направление, размывая поднимавшиеся складки горных пород. Такие реки называют *антецедентными*. Подобных рек немало на земле.

На перевал через Толай-шань мы полезли на следующий день. В начале подъема пошел дождь, который выше перешел в снег. Подъем крутой, по дну лога, сплошь заваленному щебнем и глыбами; и верхом, и пешком одинаково скверно: верхом — лошадь скользит на камнях, покрывавшихся мокрым снегом; пешком — сам задыхаешься из-за большой высоты и, конечно, тоже скользишь. А подъем все тянется вверх между двумя крутыми склонами, уже побелевшими от снега, и конца ему не видно, словно лезешь на небо, в тучи. Вот, наконец, и перевал на высоте почти Монблана, 4350 м; соседние вершины наверно достигают до 5000 м. Здесь крутятся уже настоящая зимняя метель; с обеих сторон высются мрачные утесы, вершинами уходящие в белую мглу неба. Впереди, куда идет крутой спуск, такая же мгла, и дорога, как будто, уходит в пропасть. Теперь вниз идти легче, хотя ноги скользят на каждом шагу, и туловище еле поспевает за ними. Лошади, спускаясь, садятся на круп.

А ниже снег сменяется проливным дождем, и мы приходим к стану охотников в устье ущелья южного склона промокшие до нитки. К счастью, густые заросли кустов облепихи дали возможность развести хороший огонь и обогреться. Аргал во время дождя намокает как губка и, конечно, не горит.

Охотники согласились выделить из своей артели трех человек в качестве проводников дальше на юг, но потребовали два дня на их снаряжение. Эти дневки я использовал для дополнения наблюдений на пути с перевала, очень беглых из-за дождя, и для экскурсии на запад. С нашей стоянки открывался великолепный вид на широкую долину р. Тулай-хэ, в верховьях которой, как оказалось, также имеются золотые прииски, и на следующую к югу высокую цепь Нань-шаня, еще более высокую и обильную снеговыми вершинами, чем Толай-шань. Особенно выделялась по толщине снегов группа плоских вершин прямо на юг от стоянки, которую охотники называли У-гэ-шань (т. е. пять гор). Это было, очевидно, их собственное наименование, так как другого населения ни кочевого, ни оседлого во всей этой местности нет, и давать горам имена больше некому. Но этот третий хребет в целом названия не имел, и я назвал его хребтом Географического общества (рис. 88 и 89).

Наша стоянка в первый день представляла своеобразное зрелище: на всех палатках и на кустах облепихи было развешано

белье и одежда для просушки после дождя; охотники, обнажившись до пояса под теплыми лучами солнца, чистили ружья, чинили обувь или занимались охотой на мелкую дичь в складках своих ватных кофт, разложенных на коленях. Один из них готовил обед, бросая в котел с кипящей водой кусочки теста, которые он отрывал от лепешки, по цвету похожей на серую тряпку; рядом на сковороде жарились куски мяса; пучок дикого

Рис. 88. Вечноснеговая группа У-ге-шань в хр. Географического общества; вид с севера из долины р. Толай-хэ.

лука был приготовлен для сдобривания еды. И вдруг, откуда ни возьмись, к стоянке спустились со склона три антилопы и остановились в изумлении в нескольких шагах от палаток. Охотники застыли на месте — их ружья не были заряжены. Но моя берданка позволила мне уложить одно из животных прежде, чем они обратились в бегство.

В широкой долине р. Толай-хэ и на высотах предгорий за ней можно было разглядеть черных и рыжих животных на пастбище. Это были стада диких яков и куланов, вышедших в солнечный день из горных ущелий на простор. Безлюдные цепи и долины Среднего Нань-шаня обилуют дикими животными, и китайские охотники недаром выбрали место для своего стойбища на южном склоне Толай-шаня. Даже моего мирного монгола Па-ие охватил охотничий азарт, и он оседлал свой нос большими китайскими очками, чтобы лучше разглядеть это обилие дичи, обещавшее нам всем мясной стол на дальнейшем пути.

Через два дня мы пересекли долину р. Толай-хэ, два раза ночевали на северном склоне следующего хребта, а на третий день поднялись на перевал Да-коу, абс. высоты в 4340 м, и спустились к берегу р. Су-лей-хэ, текущей в следующей продольной долине. Эта река была нам уже знакома, мы прошли через нее в прошлом году по мосту далеко на западе, где она, прорвавшись уже через два хребта, подступает к понизившемуся хр. Рихтгофена. За долиной этой реки, сравнительно не широкой, гори-

Рис. 89. Хр. Географического общества к западу от перевала Сяо-коу (вид с юга из долины р. Су-лей-хэ).

зонт был закрыт четвертой цепью Нань-шаня, еще гуще покрытой снегом: целый ряд куполообразных вершин, вполне скрытых под толстыми снегами, поднимался над очень пологими склонами. Но немного восточнее хребет резко понижался, снега на нем исчезали, и широкий плоский увал тянулся на месте хребта на протяжении более 25 верст. Только еще восточнее на горизонте снова резко поднималась густо покрытая снегами огромная группа Шаголин-намдзил, которой, вероятно, начиналась следующая высокая часть хребта, уходящая на восток (рис. 90).

Через это широкое понижение, несомненно, можно было легко пройти и дальше на юг и попасть в бассейн Бухайн-гола. Но там была тангутская земля, и проводники боялись вести нас туда. Итти же без них к тангутам со своими двумя рабочими я не решился, так как, отпустив этих проводников, я мог очутиться

где-нибудь в тангутских пределах в безвыходном положении. Таким образом этот хребет, который я назвал хр. Зюсса, в честь знаменитого венского геолога, остался не пройденным. Зато мои проводники предложили вывести нас в Су-чжоу по другой дороге, пересекающей те же три цепи Нань-шаня западнее, т. е. дающей возможность проследить их еще дальше. Но перед тем я решил пройти еще вниз по р. Су-лей-хэ насколько возможно.

Рис. 90. Хр. Зюсса, вид с севера из долины р. Су-лей-хэ.

Нужно заметить, впрочем, что и в бассейне Бухайн-гола тангуты были не так страшны. В то же лето, но позднее (в июле-августе) экспедиция Роборовского и Козлова была в этом бассейне, и оба исследователя делали даже большие разъезды порознь, с двумя-тремя спутниками, встречали тангутов, иногда даже нанимали их в проводники и не имели никаких столкновений с ними. Но на северном берегу оз. Куку-нор германский путешественник Тафель несколько лет спустя подвергся наглому нападению: человек 25 тангутов в темный зимний вечер осадили его палатку, рубили ее саблями и кололи пиками, ранили Тафеля, но после нескольких выстрелов бежали, угнав большую часть животных. Путешественнику пришлось бросить большую часть снаряжения и на трех оставшихся лошадях вернуться в Донкыр. Тангуты знали, что это иностранец, так как накануне он был в их стойбище по соседству. Его караван состоял из семи человек китайцев и монголов, которые во время нападения разбежались.

Таким образом, путешествие по тангутской земле не всегда проходит благополучно.

Во время стоянки на р. Су-лей-хэ мне пришлось видеть интересную сцену охоты. Наши охотники увидели за рекой, на пологом склоне упомянутого увала, расчлененном широкими долинами, небольшое стадо яков, и все трое поехали к ним; яки паслись в одной из долин, а охотники направились к соседней, чтобы подкрасться затем по водоразделу к животным на близкий выстрел, так как их гладкоствольные ружья с круглой пулей бьют недалеко. Из этой первой долины охотники не могли видеть яков, тогда как я, сидя у палатки, в бинокль наблюдал всю местность. Очевидно, ветер был в сторону яков, которые вдруг встревожились, побежали вверх по своей долине и скрылись из вида. А вместо них в эту долину со склона спустилась семейка темных животных, в которых не трудно было узнать медведей; их было трое: самец, самка и довольно крупный медвежонок. Они были заняты ловлей каких-то грызунов, разрывая их норы.

Охотники с водораздела увидели, что яков нет, вероятно, подумали, что звери ушли дальше на запад, спустились по склону и наткнулись прямо на медведей. При виде последних, лошади двух охотников с перепуга умчались в разные стороны; третья взвилась на дыбы, но всаднику удалось сделать выстрел с седла, очевидно, в самца. Медведь, вместо того чтобы защищать свою семью, позорно бежал карьером вверх по долине, тогда как медведица, поднявшись на дыбы, ревела, защищая дитя. В это время подъехали другие охотники, справившиеся с лошадьми, и один из них выстрелил в медведицу, но или промахнулся с седла, или ранил ее легко, так как медведи пустились бежать, преследуемые охотниками. Медведица время от времени останавливалась, вставала на дыбы и ревела, лошади шарахались в стороны, не давая стрелять; наконец, медведи, поднявшись на увал, скрылись, а охотники вернулись с пустыми руками. Всего больше удовольствия получил я, наблюдая в бинокль все перипетии неудачной охоты, словно нарочно инсценированной для зрителя.

По Пржевальскому, тибетский медведь-пищуход достигает величины нашего обыкновенного бурого, но грудь и голова у него светлее; он живет в безлесных горах, питается, главным образом, пищухами, которых выкапывает из нор, но также травой; в конце лета из соседних гор спускается в Цайдам и наедается ягодами хармыка. Тибетцы не охотятся на него, так что зверь не пуган и подпускает охотника близко. На скот он почти никогда не нападает (рис. 91).

Несколько дней мы шли вниз по р. Су-лей-хэ: сначала по правому берегу ее, затем по левому. За эти дни мне удалось добыть антилопу и охотиться на яка, но неудачно, так как этот крепкий зверь, раненный берданочной пулей, уходит далеко. Между тем охотники застрелили двух яков. Круглая пуля из их гладкоствольных ружей бьет недалеко, но ранит тяжело. Стреляют они навЕРНЯКА, подкравшись близко и поставив ружье

Рис. 91. Медведь-пищуход.

на сошки. От одного из добытых ими яков, очень крупного экземпляра, я отпилил часть черепа с рогами и увез их; они до сих пор украшают мой кабинет на память о Среднем Нань-шане. Охотники, используя часть мяса и сняв шкуру до головы, бросали все остальное. Приходилось удивляться, как быстро на свежую падаль слетались огромные серые грифы целыми десятками и доканчивали очистку скелета. Только толстая кожа на голове была не под силу им; они выклевывали глаза, объедали губы, а обезображенная голова лежала многие месяцы, пока черви не заканчивали разрушение. Мы видели немало таких голов, говоривших об успехах китайских охотников за последние годы. Грифы, пируя на трупе, все-таки были осторожны и не подпускали на выстрел из двустволки, а тратить на них берданочные патроны было жаль.

По р. Су-лей-хэ мы дошли до долины одного из ее левых притоков, вверх по которой я собирался сделать экскурсию

в глубь снегового хребта Зюсса. Низовья этой долины были очень интересны по геологическому строению и по наличию холодного минерального источника. Последний вытекает на дне долины среди бассейна, состоящего из известкового туфа, осадившегося из минеральной воды; на дне бассейна, имеющего вид продолговатой чаши, выбивается вода, из которой в большом количестве выделяется углекислота. Вода холодная, совершенно чистая и на вкус напоминает сельтерскую. Ею, очевидно, пользуются только дикие животные, так как возле бассейна нет никаких признаков пребывания человека, нет ни «обо», ни палок с навешенными на них хадаками, которыми монголы украшают подобные «аршаны», как они называют минеральные источники.

Пройти далеко вверх по этой долине в глубь хребта не удалось из-за ненастья; речка, текущая оттуда, сильно вздулась, и идти дальше во время экскурсии в горы стало невозможно.

Дальше вниз по р. Су-лей-хэ охотники не знали дороги, и из долины минерального источника мы повернули обратно, дошли назад до брода через реку и затем повернули на север, чтобы пересечь те же три хребта новым маршрутом. Отмечу еще, что в горах левого берега реки я обнаружил отложения, содержавшие ископаемый уголь, которые вообще имеют большое распространение в этой части Нань-шаня. Со временем они получат применение и сделают возможной оседлую жизнь в связи с разработкой месторождений полезных ископаемых. На развитие земледелия едва ли можно надеяться ввиду большой абс. высоты даже дна долин (3200—3500 м) и холодного климата. На р. Су-лей-хэ в половине июня ст. ст. большой снегопад отнял у нас целый день.

Хребет Географического общества мы миновали по перевалу Сяо-коу, достигающему 4450 м, еще выше, чем перевал Да-коу, пройденный на переднем пути. Он лежал уже почти на высоте границы вечного снега, поля которого видны были на соседних вершинах. С него мы спустились в долину р. Толай-хэ и простояли один день на берегу этой реки, так как охотники съездили в свой лагерь, чтобы оставить там добытые шкуры яков и запастись провиантом. Ниже нашей стоянки широкая долина этой реки кончается, река уходит ущельем в глубь Толай-шаня. Поэтому мы шли еще три дня, пересекая сначала длинные отроги хр. Географического общества, разделенные глубокими долинами небольших притоков Толай-хэ, которые ближе к последней превращались в ущелья, а затем пересекали отроги самого Толай-шаня. Здесь уже возобновилась, после временного прерыва отрогами обоих хребтов, широкая долина между последними, уходящая на северо-запад за горизонт, в ту местность,

где мы уже видели ее в прошлом году. Теперь стало ясно, что хр. Да-сюэ-шань, который мы тогда пересекали, составляет продолжение хр. Географического общества. С перевалов через отроги виден был и этот хребет, и Толай-шань — оба с целым рядом высоких вечных снеговых вершин.

На четвертый день мы поднялись на перевал Хый-дабан через Толай-шань, абс. высоты в 4470 м, а еще через день на перевал Тье-дабан той же высоты в хребте. Это были самые высокие перевалы, пройденные мною в Нань-шане; они находились выше границ всякой растительности: на камнях даже не было мхов, везде голые осыпи, россыпи и скалы. Вблизи второго перевала я посетил на склоне конец небольшого висячего ледника и изучил его строение. Этим перевалом кончается высшая часть Толай-шаня, который к западу понижается, и только кое-где, по соседству с перевалом, видны были вершины с небольшими снегами. В этот день мы видели и последних диких яков.

С этого перевала мы спустились в длинную долину Бей-ян-коу, которая вывела нас из гор Нань-шаня; в ней нет постоянного течения воды, но местами имеются источники. Несмотря на отсутствие речки, долина пересекает не только большую часть Толай-шаня, но и хр. Рихтгофена и, следовательно, промыта рекой в прежние времена. Оба хребта в этой части уже понижены, лишены вечных снегов и сближены, их разделяет неширокая продольная безводная долина, расчлененная на холмы и представляющая только понижение между более высокими горами. Долина Бей-ян-коу пересекает эту продольную долину и в хр. Рихтгофена превращается в ущелье, хотя безводное, но заваленное большими глыбами камня (по словам охотников), так что дорога обходит его, поднимаясь на правый склон; перевал Ту-дабан, последний в Нань-шане, имеет 3440 м, и соседние горы немногим выше.

В низовьях долины Бей-ян-коу мы ночевали у маленького пикета Ин-хэ, в месте постоянного жительства наших охотников. Теперь стали понятны и их охотничьи наклонности, вообще чуждые китайцам. Они входили в состав маленького гарнизона пикета, которому здесь, конечно, делать было нечего, поэтому они имели ружья, лошадей и умели стрелять. Один из них, по имени Гадин-ю, познакомившись в Нань-шане со мной и с обстановкой путешествия, предложил себя в рабочие до окончания экспедиции и оказался хорошим помощником.

На этом ночлеге температура ночью была уже $+13^{\circ}$, тогда как в Нань-шане все ночи были холодные. Зато исчезла и прозрачность воздуха; он наполнился пылью, и на следующий день

при полном безветрии горы скрылись за пыльной завесой, а солнце казалось красным шаром без лучей. Быстро поредела на спуске с перевала трава и затем сменилась обычной растительностью полупустыни в виде дэрису, полыни, караганы и т. п.

Еще два дня мы шли до крепости Цзя-юй-гуань и день до г. Су-чжоу, где закончилось шестинедельное путешествие по Среднему Нань-шаню, богатое наблюдениями и интересными впечатлениями. Было только начало июля, в горах можно было бы еще поработать, но предстоял далекий путь на родину через Бей-шань и вдоль Тянь-шаня и приходилось проститься с горной системой Нань-шаня.

Глава пятнадцатая

ЧЕРЕЗ ХАМИЙСКУЮ ПУСТЫНЮ

Отправка коллекций. Горы возле крепости Цзя-юй-гуань. Коасные холмы у Хой-хой-пу. Участок пустыни. Ночлеги без воды. Зеленая лужа в оазисе. По впадинам бывших озер. Неудачный проводник. Оскудевшая р. Су-лей-хэ. Ночной переход через пустыню. Общий характер Бей-шаня. Горы и холмы. Обнаженность склонов. Глубокое выветривание гранита. Переходы вдоль подножия Карлык-тага. Оазисы на речках из гор. Оазис Хами.

По возвращении из Среднего Нань-шаня в Су-чжоу, я провел 11 дней в доме Сплингерда. Нужно было послать за верблюдами, находившимися на отдыхе на окраине оазиса, и организовать отправку всей собранной от Пекина коллекции. Везти ее с собой потребовало бы найма или покупки еще 5—6 верблюдов. Поэтому я решил нанять большую китайскую телегу, нагрузить на нее коллекции и отправить вперед прямо в Кульджу в русское консульство. Нужно было найти надежного возчика и получить для него из ямыня уездного начальника свидетельство, что он везет научные коллекции русской экспедиции и поэтому не подлежит реквизиции и таможенным сборам. Для укупорки коллекций были уже заказаны ящики, и теперь с утра до вечера я был занят укладкой; заполненные ящики зашивались в сырые бычачьи шкуры, чтобы предохранить их от подмочки и потери. В напряженной работе быстро прошли 11 дней. Наконец, все было кончено, телега отправлена, караван в сборе, нанят китаец — проводник до г. Хами, и мы простились с гостеприимным домом бельгийца, оказавшего большую помощь моей экспедиции. К сожалению, сам Сплингерд все еще не вернулся из командировки на золотые прииски в Кашгарии.

17 июля мы прошли до г. Цзя-юй-гуань по знакомой уже дороге, а на следующий день свернули с большой дороги на

север к подножию невысокой цепи скалистых гор, состав которых я хотел изучить. В сухом русле, которое вело к горам, вскоре появилась вода в виде ключей, и получилась порядочная речка, которая пересекает горы по ущелью. У начала его мы раскинули свои палатки на окраине болотистой лужайки, которая дала животным хороший корм. Кроме камней, я раздобыл несколько горных куропаток и диких голубей в дополнение к привезенным из города огурцам и редиске. Эта вода, появившаяся в сухом русле, которое тянулось от Нань-шаня, конечно, происходила из его источников, но, выйдя из гор, пропадала в наносах, а затем выбивалась опять наверх там, где наносы, с удалением от гор, становились тоньше. Речку подобного же происхождения мы встретили и на следующий день, пройдя по большой дороге до с. Хой-хой-пу, окруженного старыми тополями и глинобитной стеной, внутри которой впрочем было больше развалин, чем жилья.

Далее можно было следовать еще по большой дороге четыре перехода до г. Юй-мынь, откуда караванный путь в Хами сворачивает на север. Но мне хотелось пройти по неизвестной, более северной местности между низкими горами, которые тянутся вдоль большой дороги, и южным подножием Бей-шаня. В этой местности на старинных картах Китая показано несколько озер, теперь не существующих. Я хотел выяснить, почему они исчезли. Поэтому из Хой-хой-пу мы прошли вдоль речки Хой-хой-су, пересекающей упомянутые низкие горы и давшей возможность выяснить их состав. У выхода речки из гор мы рано раскинули палатки, так как на следующий день предстоял большой безводный переход. Место ночлега было привлекательное: с одной стороны высились живописные красные утесы песчаников и глин, с другой — вдоль чистой речки тянулись заросли кустов, а высокие тополя защищали палатку от июльского солнца. Рощу населяли зайцы и голуби, что позволило запастись дичью на следующие дни.

Утром мы поднялись на заре, и первые лучи солнца застали нас среди пустыни, которая становилась чем дальше, тем бесплоднее: постепенно исчезли кустики, росшие по сухим ложбинкам, и голая поверхность почвы была усеяна только мелким щебнем и галькой, отполированными песком или покрытыми лаком пустыни.¹ Около полудня начались пески в виде отдельных барханов, барханных валов и бугров; на последних росли

¹ Пустынный лак или загар — это очень тонкая чернубрая или черная блестящая корочка, которая покрывает в пустынях не только гальку и щебень, но и целые утесы, скрывая их нормальный цвет.

кусты тамариска, а в промежутках между барханами — отдельные тополя, в тени которых мы сделали привал для отдыха. Площади высохшей глины, окаймлявшей пески со стороны галечной пустыни, показывали, что весной и во время сильных дождей сюда иногда добегают вода.

Далее оголенных песков стало меньше, преобладали высокие, в 4—6 м, бугры с кустами тамариска (см. рис. 71), между ними почва была покрыта зарослями верблюжьей колючки. Затем начался настоящий сухой солончак с небольшими буграми, поросшими тамариском, но уже погибающим или погибшим. Мы шли и шли, а оазис, который составлял цель нашего перехода, все еще не показывался. На закате солнца мы, наконец, вышли на какую-то большую дорогу, которая шла с востока на запад, поперек нашего маршрута. Проводник признался, что он уже в пустыне потерял дорогу и взял слишком вправо, так что до оазиса еще далеко. Пришлось заночевать на солончаке; вода для людей была у нас с собой, и мы могли даже уделить лошадям по полведра, но корма не было ни для них, ни даже для верблюдов. Сильно устав после огромного перехода в жаркий день, мы не разбили палаток, и все улеглись под открытым небом, чтобы утром выйти пораньше. На следующий день мы прошли по тому же солончаку еще не менее 15 верст до оазиса Хор-хыйцзе, в который могли попасть накануне к вечеру, если бы проводник повел нас прямо на северо-запад, а не на север и северо-восток. Оазис представлял собой пашни, группы деревьев и отдельные фанзы среди песчаных бугров с тамариском вдоль русел р. Ша-чжи-хэ, совершенно сухих. Центр оазиса составляло небольшое селение, окруженное высокой глинобитной стеной; перед воротами красовалась большая лужа вонючей грязно-зеленой воды. Я взглянул с ужасом на это водохранилище, думая о необходимости пользоваться им, так как на моих глазах к нему подошла китайка с ведрами, зачерпнула воду и понесла к воротам. Но наши животные, непоенные уже 32 часа, отказались утолить жажду: лошади и осел только понюхали лужу и отвернулись, верблюды сделали несколько глотков.

К счастью, мы узнали у китайцев, что немного дальше по дороге на запад имеется колодец с хорошей водой. Мы дошли до него через полчаса; он находился еще в полосе того же оазиса в одном из сухих русел. Вода была заметно солоноватая, но чистая, и мы раскинули палатки в тени тополей, чтобы отдохнуть от тяжелого перехода. Корма для животных было достаточно.

Огромный солончак с тамарисковыми буграми, который мы пересекли на этом переходе, занимает дно обширной впадины между подножием Бей-шаня и цепью низких гор, параллельной

Нань-шаню. Несомненно, что он остался на месте довольно большого озера, в которое впадали две речки, текшие из Нань-шаня. Но этот приток прекратился (в связи с ухудшением климата), и озеро начало усыхать, превращаясь в солончак, на котором росли тамариски и тополя, питаясь подземной водой. Ветер наметал песок, создавая бугры вокруг кустов на солончаке и барханы на берегах сокращавшегося озера. Таким образом, старые карты оказались верными для своего времени.

На следующий день проводник повел нас сначала на север через бугристые пески на западную окраину оазиса, где оказались небольшие источники в ямках у подошвы тамарисковых бугров. К ним подходила большая дорога с юга-востока, и мы могли притти к этой воде накануне, если бы проводник не сбился. Здесь, уже не доверяя ему, я велел налить оба бочонка водой, несмотря на его уверения, что мы к вечеру дойдем до воды. Предосторожность оказалась не лишней, потому что на закате солнца мы были вынуждены опять ночевать в безводном месте, так как проводник пропустил колодез, бывший в стороне от дороги, а дойти до следующего оазиса, видневшегося вдали, было уже поздно. В этот день мы шли то по бугристым пескам, то среди плоских холмов, и к вечеру вошли в большую впадину с сухим солончаком, буграми тамариска, зарослями осоки и дэрису и отдельными тополями. Попадались развалины сторожевых башен и отдельных фанз, доказывавшие, что местность прежде была населена. По той же впадине мы на следующий день сделали еще 18 верст до маленького оазиса Сы-дун, возле которого и остановились, вблизи болотистого луга с двумя небольшими озерами. Впадина, пройденная за эти два дня, представляла собой дно второго озера, показанного на старых картах. Таким образом задача выяснить прежнее существование этих озер, ради которой я свернул с большой дороги, была решена. Отмечу кстати, что путешественник Грум-Гржимайло, прошедший до меня по большой дороге, категорически отрицал наличие этих озер, которые, по его мнению, и не могли существовать по условиям местности; он доказывал, что старые карты были ошибочны. Между тем, обнаруженные мною впадины, конечно, могли вмещать озера, длиной более 50 и шириной до 10 км каждое, а состав почвы и растительность доказывали существование их и постепенное усыхание.

Последний переход по западной впадине шел вдоль ее северной окраины у подножия низкой столовой возвышенности. Когда последняя кончилась, дорога повернула на северо-запад в пустыню у подножия Бей-шаня. Хотя проводник уверял, что мы к вечеру непременно дойдем до воды, я велел повернуть на юг,

где, судя по карте, должно было находиться русло большой реки Су-лей-хэ, знакомой нам по Нань-шаню. Из отчета одного путешественника я знал, что от этой реки до первой воды в Бей-шане считают 45 км. Наш проводник дважды уже ошибался, и доверять ему было рискованно, тем более, что запасной воды у нас было мало, а солнце уже клонилось к закату.

Через 5 км мы дошли до р. Су-лей-хэ. Впрочем, это была не та могучая река, которую мы видели в Нань-шане, а речка, шириной в 6—10 м и глубиной на бродах не более 70 см. В дно впадины, представлявшей здесь неровную солонцовую степь с зарослями осоки, голыми глинистыми площадками и кое-где буграми песка, русло речки было врезано оврагом, глубиной в 10 м. В стенках оврага была вскрыта толща тонкослоистого серого ила с раковинами пресноводных моллюсков, представлявшего озерное отложение — еще одно доказательство прежнего существования озера. В озерные осадки река могла врезаться только после исчезновения озера и, вероятно, вследствие того, что, в связи с ухудшением климата, уменьшилось количество воды в реке и понизился уровень того озера, в которое эта река впадает еще и теперь гораздо далее на запад. Поэтому падение реки увеличилось, она начала врезываться в прежнее дно озера и окончательно осушила это первое озеро, в которое прежде впадала и которое тогда имело еще сток в более западное. Можно думать, что осушение озер началось несколько столетий тому назад.

На берегу р. Су-лей-хэ мы простояли и следующий день. Проводник, взятый из Су-чжоу, потерял мое доверие, и пускаться с ним в путь в безлюдный Бей-шань, бедный водой, было рискованно. Я послал рабочего Па-ие в селения, расположенные выше по р. Су-лей-хэ, искать более надежного проводника. Он нашел китайца, знавшего дорогу в Хами, и привел его в наш лагерь. Мы срядились, старый проводник был отпущен, новый должен был явиться на следующий день.

С этой стоянки мы могли еще видеть Нань-шань, именно низкую западную часть хр. Рихтгофена, позади которой поднимался более высокий Да-сюэ-шань со снеговыми вершинами. Различно было и ущелье, которым р. Су-лей-хэ прорывается через хр. Рихтгофена.

Безводный переход в 45 км до первого источника в Бей-шане новый проводник предложил мне сделать в два приема: отправиться часа в четыре дня от р. Су-лей-хэ, напоив хорошо животных, идти до полуночи, сделать привал, не раскладывая палаток, часа на три и затем совершить до полудня следующего дня вторую половину перехода. Таким образом, большую

часть пути мы должны были выполнить ночью, рано утром и поздно вечером, избегая утомительной дневной жары. Проводник утверждал, что он не потеряет дорогу в темноте, так как уже не раз совершал этот переход.

Таким образом, мы провели еще почти целый день на берегу р. Су-лей-хэ и тронулись в путь под вечер, миновали солонцовую степь, оставшуюся после исчезновения озера, и вышли на равнину, которая тянулась на север до горизонта, упираясь там в подножие первой цепи Бей-шаня, которую я назвал хр. Пустынным, так как она туземного названия не имеет. Песчано-глинистая твердая почва равнины были усыпана мелким щебнем, почерневшим от пустынного загара. Кое-где в почве были видны плоские впадины или мало заметные сухие русла; в тех и других попадались отдельные мелкие кустики, совершенно отсутствовавшие на промежуточных площадях. Изредка вблизи дороги, представлявшей несколько хорошо вытоптанных параллельных троп, белелись разрозненные кости или целые скелеты животных. Солнце спустилось к горизонту, длинные тени нашего каравана вытянулись на восток по пустыне, а горы впереди казались все такими же далекими. Быстро кончились сумерки, заблестели звезды, стало прохладно. Размеренным ровным шагом движется караван, позвякивает колокольчик на последнем верблюде, доказывая, что цепь не разорвалась. Мы — я, китаец Па-ие и тангут Гадин-ю, — едем позади каравана, который, сидя на своем ослике, ведет новый проводник. Ленточки тропинок слегка различимы и в темноте, но он, вероятно, проверяет себя по звездам, да и ослику нет оснований сворачивать с тропинки, потому что соблазна в виде корма по сторонам нет совершенно.

Так шли мы, подремывая в седле, до полуночи. Затем сделали привал, уложили верблюдов на землю, спустили с них выюки, развели огонек из привезенного с собой аргала, вскипятили один чайник на всех, выпили чаю и улеглись на щебневой почве, чтобы поспать часа два. Чуть забрезжил восток, когда проводник уже поднял всех; лошадям дали по полведра воды из бочонков; зеленый тростник, нарезанный на берегу р. Су-лей-хэ, они и верблюды жевали все время.

Когда взошло солнце, мы уже отшагали несколько километров. Продолжалась та же пустыня, но щебень, усыпавший ее, стал крупнее, и кое-где попадались целые обломки пород, вынесенные когда-то, может быть столетия тому назад, потоком воды после необычайного ливня. Потом появились выходы коренных пород — гранита на поверхности чуть заметных холмиков. В версте далее начались холмы предгорий хр. Пустынного, усы-

панные щебнем и обломками, местами представлявшие и выходы гранита и других пород. За цепью холмов мы пересекли большую котловину с песчано-щебневой почвой, сухими руслами и отдельными кустами, а затем вступили в извилистую долину с сухим руслом и кустами, окаймленную постепенно повышавшимися холмами, на которых обилие утесов доставило мне много работы, и я сильно отстал от каравана. Последний еще задолго

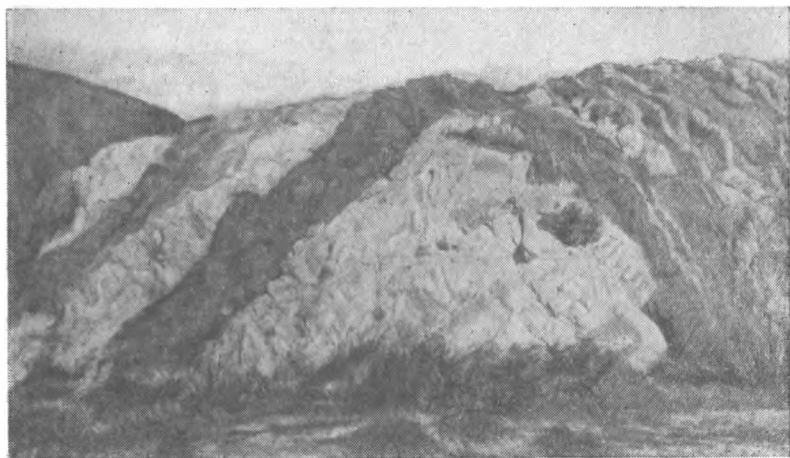

Рис. 92. Жила темного диорита в белом граните, прорывающем серый гнейс.

до полудня остановился у ключей Улун-чуань, вытекавших из небольших углублений на дне долины, окруженных зарослями тростника и выцветами соли. Вода ключей была заметно солоноватая, но корма для животных было достаточно. Местность имела уже 1605 м абс. высоты, от р. Су-лей-хэ мы незаметно поднялись на 400 м. Эта первая вода находилась уже севернее высшей части хр. Пустынного; водораздел долины, по которой мы шли, был совершенно незаметен.

Путешествие через Бей-шань, богатое геологическими наблюдениями, представляло мало интереса и разнообразия в отношении ландшафтов и путевых впечатлений. Почти на всем протяжении мы ехали в течение двух недель по гористой местности, причем то пересекали отдельные горные цепи, то промежуточные между ними группы и цепи холмов и рассеянные среди них долины и котловины. Нигде не было ни высоких перевалов, ни тесных ущелий; дорога шла прямо или слегка извиваясь по

долинам, сухим руслам, логам, незаметно переваливая из одной в другую. Воду мы имели ежедневно из колодцев или ключей, окруженных небольшими оазисами зарослей тростника, кустов, иногда тополей; вода часто была солоноватая. Корм для животных давали те же оазисы. Дорога, по которой мы шли, вероятно, мало посещаемая; мы не встретили ни одного каравана и ни одной юрты кочевников; зато попадались антилопы и в одной

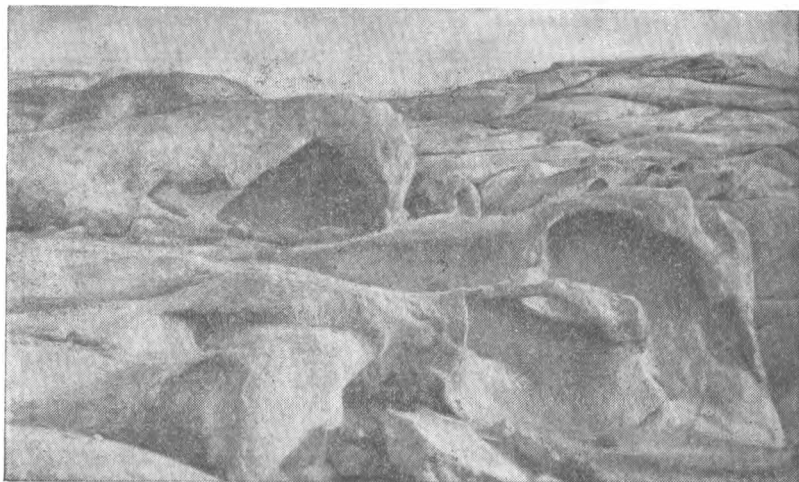

Рис. 93. Ниши выветривания в граните у колодцев Мын-шуй.

местности, в глубине Бей-шаня, стадо куланов, давшее случай подновить запас провизии. В зависимости от расстояния между источниками воды мы делали то большие, то маленькие переходы.

Общий характер местности напомнил мне Центральную Монголию; Бей-шань, подобно последней, нужно назвать холмисто-гористой полупустыней, в которой процессы разрушения и развевания господствуют. Благодаря им и крайне скудной растительности строение гор почти везде было совершенно ясно; мы могли видеть, как белый гранит внедряется неровной массой в серые гнейсы, а сам пересекается еще жилами темнозеленого диорита, и в каких разнообразных отношениях встречаются эти породы (рис. 92). Процессы разрушения были особенно наглядны в горах у колодцев Мын-шуй, представлявших большой массив гранита, в котором выветривание создало бесчисленные карманы, впадины и целые ниши разной величины (рис. 93).

Можно было проследить, как в нишах постепенно разъедается и разрушается свод, понижаются стенки и как, в конце концов, на месте холма остаются гребешки и кочки от стенок уничтоженных ниш (рис. 94). В этом месте я устроил дневку, чтобы изучить основательно ход развития этих форм разрушения твердой породы. По расспросам выяснилось, что в этих горах, но далеко в стороне от нашей дороги, западнее и восточнее, существовали серебряные и золотые рудники. Абс. высота местности сначала

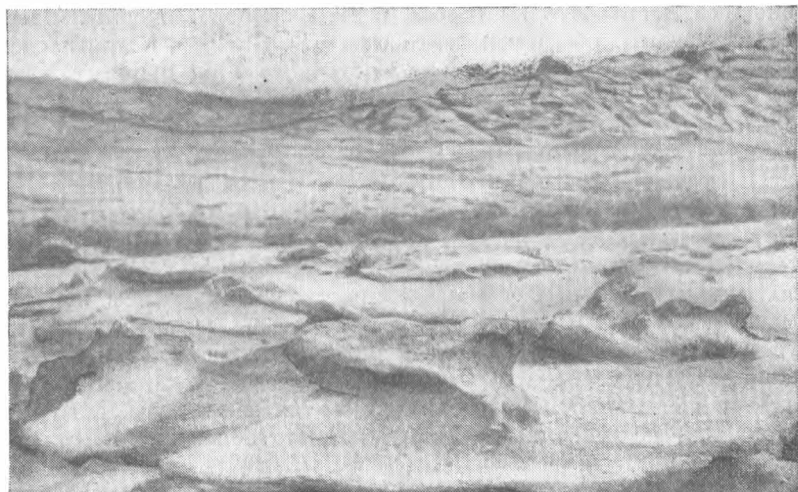

Рис. 94. Остатки ниш в граните, уничтоженных выветриванием.

повышалась до 2000 м, а затем понизилась до 1350 м на северной окраине Бей-шаня. Высота горных цепей над соседними долинами большей частью не превышала 200—300 м, редко достигая 400—500 м.

Через 12 дней наш путь, шедший в общем на северо-запад, резко повернул на запад. Мы миновали Бей-шань и уже перед тем несколько дней на горизонте видели хр. Карлык-таг, восточный конец Восточного Тянь-шаня, увенчанный несколькими вечноснеговыми вершинами. После поворота мы шли уже вдоль подножия этого хребта, представлявшего наклонную на юг пустыню, пересеченную сухими руслами, по которым росли кустарники; промежуточные площадки были совершенно лишены растительности и усыпаны щебнем, покрытым загаром пустыни, а вблизи русел отшлифованным песком. Первый переход в 50 км

по этому подножию был безводный, и его опять пришлось сделать в два приема с коротким привалом ночью. Пустынное подножие хребта прерывалось оазисами, расположенными по речкам, выносившим воду из гор; здесь были поселки, пашни, деревья, тростник. Китайцев отчасти сменили уже таранчи — мусульмане Китайского Туркестана. На более обильной речке из Карлык-тага расположен и оазис города Хами, в котором мы стояли на окраине, предпочитая палатки в тени деревьев постоялому двору в духоте города. Только корм для животных пришлось доставлять из города в виде снопов люцерны. Здесь мы отпустили проводника, взятого на р. Су-лей-хэ, и пригласили нового, так как вдоль подножия Восточного Тянь-шаня от Хами до Турфана имеется несколько дорог и некоторые из них проходимы только зимой из-за больших безводных переходов и сильных бурь, опасных для караванов.

Пересечение Бей-шаня подтвердило вывод, сделанный мною уже в Восточной и Центральной Монголии и в Ордосе, именно, что в Центральной Азии лёсс образуется, но не накапливается, что степных котловин, заполненных лёссом, которые предполагал Рихтгофен, нигде нет, что везде выступают коренные породы, выветривающиеся и дающие пыль, которая выносится ветрами из пустыни и осаждается на окружающих ее горах и степях. Бей-шань даже не содержал скоплений сыпучего песка, которые я видел в Центральной Монголии; здесь даже этот материал выветривания не мог накапливаться в достаточном количестве, а выносился ветрами на юго-запад — в хребет Курук-таг и к озеру Лоб-нору.

Глава шестнадцатая

ВДОЛЬ ПОДНОЖИЯ ВОСТОЧНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ

Три участка подножия Тянь-шаня. Оазисы первого участка и условия их появления. Бури этого участка. Долина бесов. Впадины второго участка. Солончаки и вымирающий лес. Признаки сильных бурь. Пустынный загар. Черная пустыня пьедестала. Оазисы Чиктым-тага и Пичана. Громадные пески Кум-таг. Впадина Люкчуна. Метеорологическая станция. Кяризы. Экскурсия в Сыркып-таг. Солончак Боджантэ. Экскурсия в Чоль-таг. Жарданги. Хр. Джаргез. Впадина соляных озер. Оазис Урумчи.

Местность вдоль подножия Восточного Тянь-шаня, по которой идет большая южная дорога (нань-лу) из Хами в Турфан и Урумчи, распадается на три части различного характера. На первом участке от Хами до ст. И-ван-чуацзе дорога проходит вдали от гор по пьедесталу хребта через небольшие оазисы, расположенные по речкам и ключам, питающимся водой из гор. На втором участке от ст. И-ван-чуацзе до ст. Си-иен-чже дорога переходит с пьедестала, здесь безводного в глубь гор, пролегая по впадинам между передовыми цепями, представляющим оазисы. На третьем участке дорога опять выходит на пьедестал, имеющий здесь другой характер, именно представляющий низкие параллельные цепи, по обе стороны которых имеется вода. Этот участок хорошо населен, тогда как остальные два, не богатые водой, особенно второй, имеют маленькие поселки или только отдельные постоянные дворы.

Нужно объяснить, что такое пьедестал горного хребта. В сухом климате временные потоки, образующиеся при ливнях в горах, выносят из ущелий и долин большое количество валунов, гальки, песка и ила, которые быстро отлагаются у подножия, где вода, растекаясь, просачивается в почву и теряет переносную силу. Из этих выносов мало-помалу создается более или менее

высокий и длинный пояс отложений с пологим уклоном к соседней долине, окаймляющий все подножие горного хребта и изобретенный сухими руслами временных потоков. Это и есть пьедестал горных цепей в сухом климате, который вдоль подножия высоких гор, а также горных цепей, не больших, но расположенных на большом расстоянии друг от друга, достигает большой ширины и высоты. Небольшие горы нередко как бы утопают в продуктах

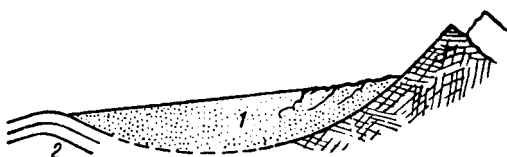

Рис. 95. Поперечный разрез южного подножия Восточного Тянь-Шаня: 1 — толща рыхлых галечников и песков, в которой исчезает вода горной речки; 2 — выступ третичных или юрских отложений, обуславливающий появление исчезающей воды в виде ключей.

своего разрушения, слагающих пьедестал, над которым они поднимаются очень резко. Мы уже видели такие пьедесталы в пустыне к западу и северу от р. Эцзингол (рис. 72), но Восточный Тянь-шань отличается особенно высоким и широким пьедесталом.

По первому участку мы ехали шесть дней и еще день потеряли из-за бури. Пьедестал Тянь-шаня представляет степь с пологим уклоном на юг, пересекаемую сухими руслами, то редкими, то более частыми, на дне которых появляется в виде ключей вода и, вместе с ней, богатая растительность и население. Эта вода происходит из Тянь-шаня в виде рек, которые вскоре по выходе из гор исчезают, так как их вода просачивается полностью в рыхлые наносы русел. Далее на юг, благодаря изменению уклона местности или перерыву толщи наносов выходами коренных пород, эта вода опять пробивается на поверхность (рис. 95). Поэтому и большая дорога проложена именно здесь, на определенном расстоянии от гор, а не ближе к последним, где воды в руслах еще нет, и не дальше от гор, где вода большей частью снова исчезает. На ключах раскинулись рощи, орошаемые пашни, поселки или отдельные фанзы таранчей или китайцев. В промежутках между ними местность представляла степь с песчано-глинистой почвой, более или менее густо усыпанной галькой и щебнем, покрытыми пустынным загаром; растительность скудная в виде кустиков. Рис. 96 показывает один из этих маленьких оазисов, именно Ти-ге-чуэ, где мы поставили палатки в тени громадной, вероятно, столетней ивы.

В сел. Таш-кесэ на этом участке, на пьедестале Тянь-шаня, у самой дороги выходят угленосные породы и расположена угольная копь. В ней трое рабочих добывали уголь, пласт которого залегал вблизи земной поверхности, в забое открытого разреза, а другие трое — в шахте, в конце этого разреза. Несколько рабочих выкачивали воду из этой шахты посредством

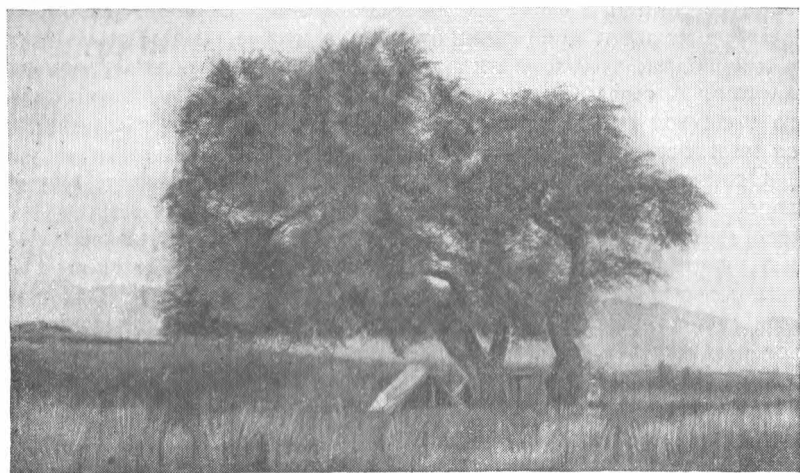

Рис. 96. Маленький оазис в ключах у южного подножия Восточного Тянь-шаня к западу от Хами; столетняя ива и заросли дёрису.

восьми кожаных ведер, поднимаемых на воротае. Тут же, рядом с разрезом, видны были и жалкие жилища рабочих в виде землянок, сложенных из плит песчаника, смазанных глиной.

В сел. Ляо-дун, в конце этого участка, нас застигла сильная буря; мы раскинули палатки среди холмов возле селения, в небольшой впадине, где был корм для верблюдов. В этот день с утра дул порывистый ветер с юга, но к 3 час. дня его сменил резкий ветер с северо-северо-востока, который к 6 час. вечера перешел в бурю. С началом этой бури белые тучи окутали гребень Тянь-шаня и засели на нем, спустившись в верховья всех ущелий; хребет нахлобучил белую шапку, из которой на верхней половине хребта выпал снег. Буря продолжалась всю ночь и весь следующий день и достигала такой силы, что идти против ветра было совершенно невозможно. Моя палатка, выдержавшая два года путешествия и немало бурь, под напором ветра начала разрываться по швам, и мне пришлось переселиться на постоянный

двор. Из-за бури мы простояли целый день в Ляо-дуне. К закату солнца ветер резко ослабел и в сумерки прекратился. Эта буря не сопровождалась такой массой пыли, как в песках или в стране лёсса на южной окраине Центральной Азии; воздух был сравнительно чистый, очевидно, на степях подножия Тянь-шаня ветер не находил много мелкого материала.

По словам жителей с. Ляо-дун, в этой местности бури не редки; весной и в июне из двух дней один бурный, летом и в сентябре из пяти дней один бурный, а позже осенью — из десяти дней один; только в январе — феврале бури редки. Бури эти налетают с севера и с северо-востока и достигают такой силы, что трясутся стены глинобитных фанз. Ими вообще отличается вся местность у южного подножия Тянь-шаня.

Особенно сильными бурями отличается местность к югу от второго участка подножия Тянь-шаня, где большая дорога уходит в горы от безводия и бурь. Из Ляо-дуна и других мест первого участка имеются более короткие дороги в Люкчун и Турфан, пересекающие пустыню по прямой линии, но ими пользуются только зимой, когда бури редки, а воду может заменить снег или взятый с собой лед, и пользуются только немногие; вся эта местность уже много столетий тому назад была названа китайцами „долиной бесов“. По китайским описаниям, эта долина известна сильными бурями, которые срывают крыши с домов (станционных строений, когда-то существовавших по дорогам через эту местность), наполняют воздух камнями в яйцо величиной, опрокидывают самые тяжелые телеги и, развеяв рассыпавшиеся вещи, наконец, уносят и телегу. Людей и скот, застигнутых в дороге, заносит так далеко, что и следов нельзя найти. Перед ветром слышен глухой шум, как перед землетрясением.

Жители Люкчуна также рассказывают о невероятной силе ветра, срывающего с гор щебень в таких массах, что кажется точно идет каменный дождь; шум и грохот заглушают рев верблюдов и крики человека и наводят ужас даже на бывалых людей. Никто не в силах удержаться на ногах, и даже арбы опрокидывает и уносит на десятки шагов. Известны случаи гибели целых караванов.

И все-таки, как сообщал путешественник Роборовский, не так давно через эту местность пролегалла колесная дорога и на ключах и колодцах имелись станции. В начале XIX века по этой дороге шел казенный караван из Пекина, везший серебро в Восточный Туркестан; его сопровождали войско и чиновники. Поднялась страшная буря и разметала весь караван; посланные на поиски отряды не нашли никаких следов. Тогда,

по поручению богдыхана, все станции были разрушены, колодцы закиданы камнями, а дорога наказана бичеванием цепями и битьем палками, а чиновникам, войскам и всем едущим по казенным делам было строго запрещено пускаться по этому пути.

Существовала еще одна дорога, пролежавшая южнее по той же местности, но она была наказана указом богдыхана тем же способом еще раньше, также вследствие несчастий из-за неистовых бурь. По ней совсем перестали ездить, и только во время дунганского восстания бежали туземцы из Хами в Люкчун, причем от жажды погибли сотни женщин и детей.

В конце ноября 1893 г. Роборовский прошел по первой дороге, видел разрушенные станции и засыпанные колодцы, кости верблюдов и лошадей, испытал бурю, во время которой галька, величиной в кедровый орех, поднятая ветром, больно была в лицо. Чтобы не унесло юрту, пришлось привязать ее к выюкам. Он отметил, что обрывы гор, сложенные из красных глин, разрушены и расчленены ветрами на странные формы, не поддающиеся описанию; местность страшно изборозжена, изрыта и расчленена на столовидные высоты и глубокие котловины.

Большую часть южной дороги прошел в сентябре годом позже член той же экспедиции Козлов и также отметил столовидные высоты из красных песчаников, образующие целые лабиринты, на стенах которых выдуты фигуры домов, животных, людей, китайских драконов и т. п.; одно такое место даже носит у туземцев название Сулг-ассар, т. е. фантастический город. Эти фантастические формы развевания, очевидно, и обусловили наименование местности долиной бесов.

В начале второго участка дорога, постепенно приближившаяся по пьедесталу Тянь-шаня к предгорьям его, пересекает длинный отрог скалистых гор, протянувшийся на юго-запад в глубь пустыни и состоящий из двух десятков отдельных гряд. Дорога проходит здесь по извилистому сухому ущелью с невысоким перевалом, за которым в ущелье северного склона расположена станция Чоглу-чай, состоящая из трех постоянных дворов. Вода имеется в колодце, но корма для животных в горах нет никакого, и проезжающие должны покупать его на постоянных дворах. Последние необходимы как убежище на случай бури, захватившей караван в этих горах, но мы ночевали на ключах, не доезжая этого отрога, проехали мимо станции, пересекали весь отрог и выехали затем в обширную впадину Дун-иен-чже, ограниченную с севера самим Тянь-шанем, а с юга этим отрогом, выдвинутым с востока, и другим подобным же, подходящим с запада. В этой впадине расположен обширный солончак с зарослями

тополей, разных кустов и тростника, песчаными буграми с тамариском и хармыком, а также отдельными холмами сыпучего песка по окраинам (рис. 97); в промежутках везде видна глинистая почва с выцветами солей. По восточной окраине впадины тополя явно вымирают, молодые деревья видны редко, старые имеют спирально скрученную древесину в уродливо толстых стволах с толстыми короткими сучьями и скудной листвой; падается много совсем мертвых деревьев и их пней.

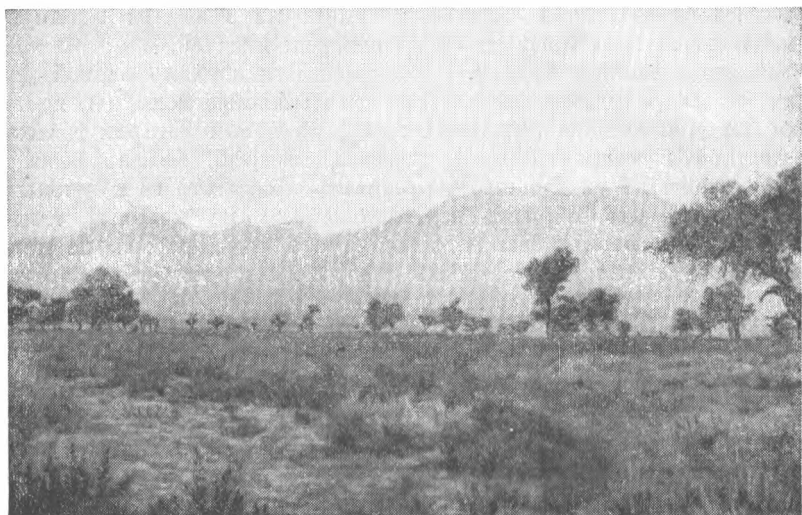

Рис. 97. Впадина Дун-иен-чже в Восточном Тянь-шане: рощи тограка (тополя), заросли хармыка и тамариска на солончаке.

Путешественник Грум-Гржимайло, проехавший ранее меня по этой дороге, написал в своем отчете, что громадный лес тополей, некогда покрывавший дно котловины, безжалостно истребляется. Он не обратил внимания на то, что пни достигают самой различной высоты, даже до 4—5 м, представляя в последнем случае весь ствол, иногда с остатками сучьев; лесорубы в подобной стране, вообще очень бедной лесами, не стали бы оставлять такие пни. Кроме того, на пнях нигде не видно следов топора или пилы. Человек не повинен в истреблении этого леса, который, впрочем, никогда не был громадным, а состоял из таких же сравнительно редко стоящих деревьев, как все рощи тополя на берегах рек и в оазисах Центральной Азии. Тополь в этой впадине естественно вымирает, так как она лишена сто-

ка и почва ее постепенно все больше и больше засоляется приносом солей водами, стекающими с окружающих гор. Главное осолонение идет с востока, судя по вымиранию тополей с этой стороны; гибнут не только тополя, но и тамариск на буграх и тростник в зарослях.

Эта впадина достигает около 40—45 км длины с востока на запад и от 5 до 10 км ширины с севера на юг. В ее пределах находятся три станции дороги, и мы шли по ней три дня, оставаясь вблизи станций среди роц и зарослей. Солончак, роци и заросли занимают ровную центральную часть дна впадины, окруженную пологим подъемом к окружающим горам, который представляет пустыню, усыпанную щебнем и галькой и почти лишенную всякой растительности. Большая дорога идет по этой пустыне близ окраины зарослей.

В этой впадине также свирепствуют бури, срывающиеся с холодных высот Тянь-шаня. Нам рассказали, что лет десять тому назад со станции Цзи-ге-цзинзе в восточной части впадины выехал обоз из 15 китайских телег. На станции предупредили, что надвигается сильная буря, но китайцы ответили, что в телегах она им не страшна, и уехали. Но на следующую станцию Чоглу-чай они не прибыли. Очевидно, буря смела телеги, животных и людей вдоль подножия Чоглучайской цепи гор и погубила всех.

Мы сами испытали на третий день пути по впадине сильную бурю. С 6 час. утра поднялся сильный ветер с запада-северо-запада; к 9 час. он достиг такой силы, что трудно было держаться в седле, а при сильных порывах лошадь шаталась и сворачивала с дороги: мы шли на юго-запад, так что ветер был не встречный, а боковой. Даже завьюченные верблюды пошатывались при порывах и останавливались. Я пробовал бросать вверх камни в 1—2 фунта весом; обратно они падали не вертикально, а под углом в 60—70°, а плоские плитки буря сносила на 10—20 м в сторону. Дойдя до станции Хой-тье-цзе, вернее маленького пикета в виде отдельной фанзы, в которой жили два солдата, в западном конце впадины, мы должны были остановиться под защитой гор и раскинуть палатки в ущелье. Здесь было сравнительно тихо, но над нами в воздухе слышен был гул ветра, и по временам налетали шквалы то с одной, то с другой стороны, и со склонов на палатку сыпались пыль и мелкий гравий.

О силе ветров свидетельствовали также грядки, попадавшие на дне впадины на голой почве пустыни или солончака между зарослями. Эти грядки состояли из гравия и мелкой гальки, величиной от 2 до 6 мм, достигали высоты 30 см и представляли гигантскую рябь, наметенную ветрами, переносив-

шими не только песок, но и камешки указанной величины. Во время бури воздух над впадиной наполнился пылью, которая вздымалась столбами с голого солончака центральной части и с песчаных бугров среди зарослей, тогда как на окружающей пустыне, давно уже выметенной ветрами, только более сильные вихри вздымали небольшие столбы пыли.

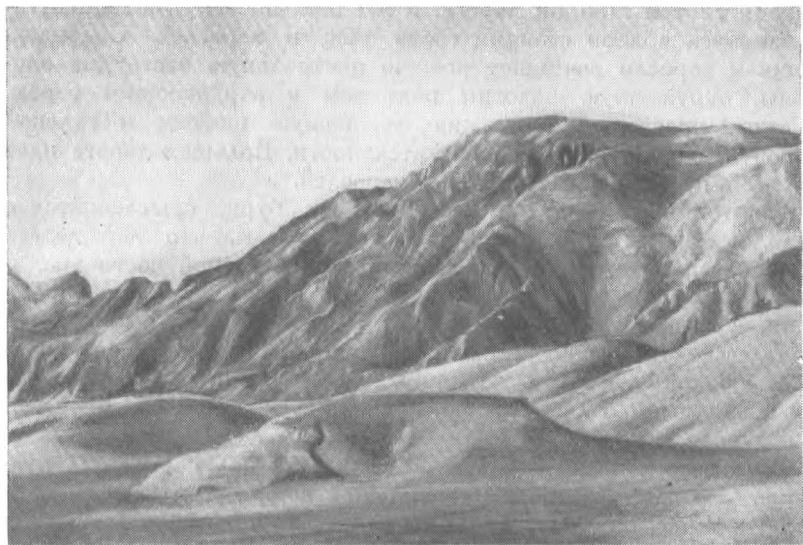

Рис. 98. Утесы, покрытые лаком пустыни, и выходы мягких третичных пород (светлые) на склоне впадины Си-иен-чже в Восточном Тянь-шане.

Из этой впадины дорога переваливает по ущелью через огроги Тянь-шаня в другую впадину Си-иен-чже, гораздо меньшей величины, но также с солончаком по середине, окаймленным зарослями тростника с лужицами соленой воды, но без деревьев. Склоны этой впадины представляли необычайно сильное развитие пустынного загара, покрывавшего все скалы, обломки и щебень твердых коренных пород. На этом мрачном черном фоне выделялись только холмики у подножия гор, состоявшие из желтых глин и рыхлых песчаников, на которых загар в связи с их мягкостью и легкой разрушаемостью развиваться не может (рис. 98). Этот загар очень удручает геолога, так как совершенно скрывает под собой все разнообразие строения гор, которое в виду обнаженности склонов было бы легко быстро установить.

А при загаре приходится облазить весь склон, отбивая молотком шаг за шагом выступы пород, чтобы увидеть их цвет и состав.

Это необычайное развитие загара на южном склоне Тянь-шаня я также ставлю в зависимость от силы и обилия бурь в этой области: пылинки, переносимые ветром, полируют загар и сообщают ему его блеск.

Из этой впадины, в которой расположена станция Си-иен-дже, большая дорога выходит по длинному и извилистому безводному ущелью, пересекающему передовую цепь Тянь-шаня, на пьедестал хребта, направляясь на юго-запад к ст. Чиктым. Этим начинается третий участок нашего пути. Пьедестал в начале сильно расчленен оврагами и сухими руслами на столовые высоты, усыпанные щебнем и галькой, но далее к югу представляет черную пустыню, напоминающую, судя по описанию, пустыни Сахары типа хаммады или ссерир. Почва пустыни состоит из буро-желтого суглинка, содержащего щебень и гальку, которые рассеяны по его поверхности более или менее густо и постепенно уменьшаются в размерах по мере удаления от подножия гор. Растительность состоит из редких и мелких кустиков по неглубоким сухим руслам, слегка врезанным в поверхность пустыни, тогда как промежуточные между ними площади в сотни и тысячи квадратных метров совершенно толые. Усеивающие их галька и щебень сплошь покрыты черным блестящим загаром, и при взгляде на запад или юг под косыми лучами поднявшегося на востоке солнца поверхность пустыни сверкала миллионами синеватых огоньков, а при взгляде на восток, против солнца, она подавляла своим мрачным цветом.

По этой пустыне мы шли целый день и остановились на ночлег среди каких-то развалин, возле которых был колодезь, но без воды, глубиной в 12—15 м; очевидно, здесь когда-то был постоянный двор.

За день мы спустились по пьедесталу незаметно на целых 700 м. Только на следующий день пьедестал кончился у ст. Ту-тье-цзе довольно высоким обрывом и откосом, у подосновы которого выбиваются ключи. Тут дорога спустилась в широкую впадину, ограничивающую с севера длинную цепь плоских холмов и увалов Чиктым-таг, сложенных из третичных песчаников и конгломератов. Благодаря выходам этих пород во впадине появляется вода в виде ключей, питающих несколько оазисов и образующих даже ручейки, текущие на юг по долинам, промытым в Чиктым-таге. И здесь это — вода Тянь-шаня, просочившаяся при выходе из гор в толщу наносов, слагающую описанную выше черную пустыню, и выступающая вновь на

поверхность на окраине Чиктым-тага, где эта толща кончается, прерываясь выходами более древних пород (рис. 95).

По этой впадине с ее маленькими оазисами Чиктым, Ин-са-эр, И-хо-шу, Суурту и Сан-ши-ли-дун, представляющими собой пашни, рощи, отдельные фанзы и группы их, заросли тростника и кустов, мы шли этот и следующий день. Затем Чиктым-таг кончился, и от подножия черной пустыни на юг протянулся

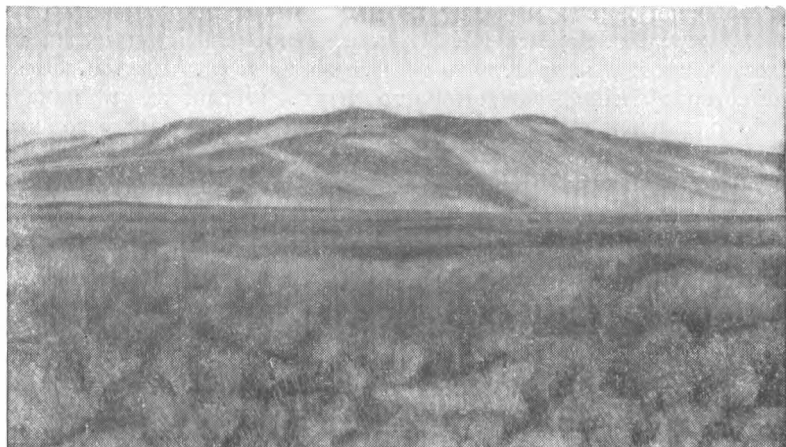

Рис. 99. Огромные сыпучие пески Кум-таг к югу от оазиса г. Пичан.

большой оазис городка Пичан, орошаемый более обильной речкой, образуемой ключами из-под толщи наносов. Обширные заросли разных трав, колючки, тростника, рассеянные среди них отдельные пашни, фанзы таранчей, группы деревьев занимают большую площадь, которая протягивается на юг до подножия высот Кум-тага. Ради посещения последнего мы остановились среди зарослей недалеко от его подножия, и я сделал пешком экскурсию вглубь. Оказалось, что Кум-таг действительно представляет собой целые горы из сыпучего песка, как показывает его название (кум — песок, таг — гора, хребет). Они поднимаются на 150—200 м над оазисом и состоят из огромных сложных барханов, занимающих обширную площадь, длиной с запада на восток около 60 и шириной с севера на юг около 40 км, заполняя значительную часть западного конца огромной впадины, которая отделяет пьедестал Тянь-шаня от поднятия Бей-шаня и его западного продолжения — Курук-тага. Эти

барханные горы сыпучего песка совершенно голые, лишенные растительности, которая появляется только на северной окраине их. Вдоль северного подножия Кум-тага тянется пояс бугристых песков обычной высоты в 5—10 м, которые кажутся карликами по сравнению с самим Кум-тагом. Эти бугристые пески видны на среднем плане рис. 99 (снято с нашей стоянки среди зарослей Пичанского оазиса примерно в 1 км от Кум-тага). Распреде-

Рис. 100. Группа таранчей (тюрков) музыкантов и певцов оазиса Люкчун.

ление площадей рыхлого и уплотненного песка на склонах барханных гор показало, что господствующие ветры дуют с севера и с востока, что совпадало с рассказами туземцев о направлении бурь. С вершины барханной горы во все стороны, кроме севера, где расстился оазис, видны были такие же высоты этой песчаной пустыни, которая дает некоторое понятие о том, что представляют собою огромные пески Такла-макан в бассейне р. Тарима.

По словам путешественника Роборовского, жители Люкчунского оазиса (рис. 100) убеждены, что под песками Кум-таг скрыты развалины древнего города, население которого было засыпано песком в наказание за разнузданность нравов. Бог пощадил только одного человека, местного учителя: ночью ему явился ангел и объявил, что в следующую ночь город будет засыпан со всеми людьми, их скотом и имуществом тучей песка.

Ему велено было взять большую палку, воткнуть в землю и бегать вокруг нее, пока песок не перестанет сыпаться. „Палку будет засыпать песком, но ты выдерживай ее, снова втыкай и бегай, тогда песок не засыпет тебя“, — сказал ангел. Учитель так и поступил, когда с неба посыпался сплошной песок; всю ночь он бегал вокруг палки, а когда настало утро, увидел на месте города песчаные горы. Он ушел в г. Аксу, где и сейчас есть гробница (мазар) этого учителя, почитаемая мусульманами.

Это огромное скопление сыпучего песка скорее всего продукт бурь, дующих в долине бесов, расположенной непосредственно к востоку от Кум-тага. В этой долине, как мы уже знаем, господствует сильное развевание мягких глин и песчаников частыми бурями. Песок уносился бурями на запад и юго-запад и постепенно накопился, заняв огромную площадь.

Дорога из Пичана в следующий оазис Люкчун пролегает по долине, ограниченной справа обрывами скалистой гряды Сыркып-таг, а слева — барханными горами Кум-тага. Люкчунский оазис расположен на речке, прорывающей Сыркып-таг. В этом оазисе я хотел посетить метеорологическую станцию, устроенную экспедицией Роборовского на два года, чтобы выяснить климат обширной впадины, открытой еще экспедицией Грум-Гржимайло в этой части подножия Восточного Тянь-шаня; абс. высота этой впадины оказалась ниже уровня океана. Такая глубокая впадина в самом центре материка Азии, подобная впадине Мертвого моря в Палестине и впадинам внутренней Австралии, возбудила общее внимание географов, и двухгодичные наблюдения барометра на станции в Люкчуне должны были точно определить ее абс. высоту. Одной из моих задач являлось также посещение этой впадины и ее окраин для выяснения их геологического строения.

В поисках станции мы проехали уже в сумерки весь оазис и город и, наконец, узнали, что станция находится в 5 км южнее, на кяризе Бешир, ближе к центру впадины и вдали от городского шума и беспокойства. Но было уже поздно искать ее ночью, и мы заночевали в городе, в какой-то сакле, отведенной нам по поручению люкчунского вана. На следующий день мы нашли станцию, и у наблюдателя Шестакова я провел пять дней ради отдыха, сверки своих барометров со станционными и экскурсий в окрестности. Станция находилась на окраине небольшого оазиса, орошенного водой кяриза Бешир. Кяриз — это длинная штольня (галлерея), которую проводят в глубь толщи рыхлых наносов, чтобы перехватить грунтовую воду, циркулирующую в этой толще, и вывести ее на поверхность. Вода речки, орошавшей Люкчун, вся расходовалась в оазисе вокруг

этого города и частью уходила в почву. Кяриз, проведенный с юга в направлении к Люкчуну, опять выводил эту воду на поверхность и способствовал созданию оазиса, конечно, значительно меньшего, чем люкчунский. Кяризы в большом употреблении в Персии на подножии многочисленных горных хребтов. Вокруг Восточного Тянь-шаня посредством кяризов можно было

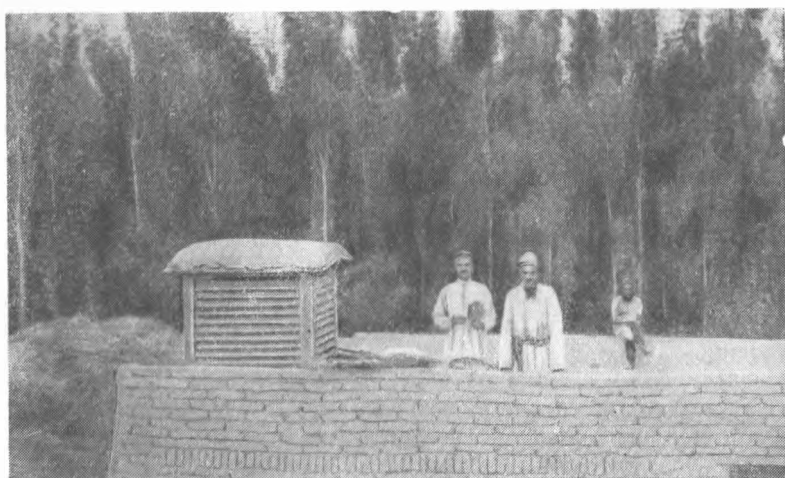

Рис. 101. Метеорологическая станция в оазисе к югу от г. Люкчуна.

бы вывести еще много воды и оросить пустующие земли, но проведение кяризов составляет большой труд, так как эти галереи часто имеют длину в несколько километров. Кяриз, длинной в километр, могущий оросить участок земли, засеваемый 50 пудами пшеницы, обходился тогда очень дорого. Проводили кяризы целым селением или компанией из нескольких состоятельных людей. Так кяриз оазиса станции был проведен четырьмя людьми, и один из них, Бешир, получал воду для орошения своего участка на 10 дней через каждые 18 дней.

Станция помещалась в усадьбе самого Бешира: метеорологическая будка была построена на плоской крыше большой сакли (рис. 101); по межам усадьбы стеной стояли молодые пирамидальные тополи, защищая будку от непосредственного напора ветра. Размеры и расположение будки, конечно, не соответствовали правилам, принятым в метеорологии, так что наблюдения температур, влажности и силы ветра должны были дать результаты, несколько отличающиеся от тех, какие могла бы дать

станция, устроенная вне оазиса и согласно требованиям науки. Только такая станция могла бы дать точное представление о климате этой самой глубокой части притяньшанской впадины. Но свою главную задачу — определение абс. высоты впадины по наблюдениям давления воздуха в течение двух лет — станция могла разрешить достаточно точно.

Западная часть длинной впадины, которая протягивается вдоль подножия пьедестала Восточного Тянь-шаня от восточного конца этого хребта и почти до меридиана г. Урумчи, вмещает оазисы городов Люкчуна, Турфана и Токсуна и нескольких селений; с востока ее замыкают пески Кум-таг, с севера ограничивает цепь гор Туяк-таг, с юга — хребет Чоль-таг. Ширина впадины на меридиане Люкчуна около 40 км, на западе у Токсуна — не более 20 км. Самая глубокая часть занята соленым озером, окруженным обширным солончаком Боджанте; остальная часть дна представляет солонцовую степь с отдельными оазисами на ключах и кяризах северной половины вдоль подножия Туяк-тага, где выходит или выводится вода Тянь-шаня, тогда как южнее солончака, до подножия Чоль-тага, расстилается черная пустыня.

Экскурсия из Люкчуна в глубь Туяк-тага показала, что эти горы состоят из нескольких гряд, круто обрезанных с юга и полого понижающихся к северу; в них вскрыта свита пестрых, красных, желтых, белых и розовых песчаников и глин третичного возраста, подстилаемых зелеными и серыми песчаниками и глинами юры, в которых имеются пласты угля, добываемого в двух копиях. Совершенно обнаженные крутые склоны из разноцветных пород, местами покрытые осыпью желтого песка, прорезанные многочисленными рытвинами, представляют живописную, но несколько мрачную картину, которую немного оживляет зелень деревьев вдоль русла речки, пересекающей Туяк-таг (рис. 102). Упомянем еще, что у подножия этой цепи между Люкчуном и Турфаном находятся развалины города Кара-ходжа, в которых экспедиция Грум-Гржимайло обнаружила изображения буддийских божеств; позже другие экспедиции изучали там остатки различных культур и вывезли оттуда много статуй, рисунков, фресок, рукописей, монет и пр. Следовательно, эта часть впадины, богатая водой из Тянь-шаня, издавна была крупным культурным центром.

По наблюдениям метеорологической станции, абс. высота этой части впадины к югу от оазиса Люкчун оказалась около 17 м ниже уровня океана, а самая глубокая часть впадины с озером Боджанте, по нивелировке, выполненной Роборовским, достигает 130 м ниже уровня океана (с вероятной ошибкой в 25 м).

Эти наблюдения подтвердили, что в центре материка Азии поверхность земли значительно вдавлена в виде крупной впадины ниже уровня океана.

Такое низкое положение впадины обусловило и особенности ее климата. Давление воздуха в течение года сильно колеблется, и разность между средними давлениями в июле (минимальным)

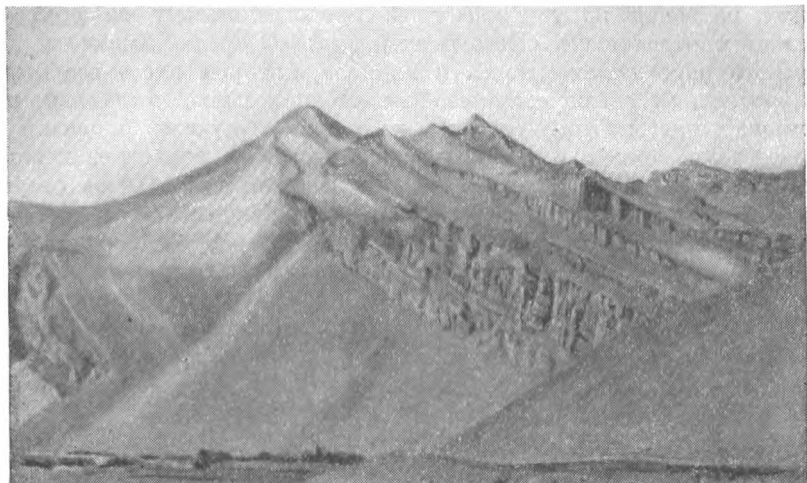

Рис. 102. Одна из гряд цепи Туюк-тага на правом берегу реки оазиса Луючун.

и январе (максимальным) достигает 30 мм, что составляет, вероятно, крайнюю величину для земного шара. И суточные колебания давления так же велики, как в некоторых тропических странах. Температура летних месяцев оказалась наибольшей в Азии и приравняется к температуре в пустыне Сахары, достигая в максимуме 44—48° в тени и до 64° на солнце. По сухости воздуха и скудости атмосферных осадков впадина также представляет крайность: в 1894 г. дождь выпал только 22 раза, главным образом летом, а снег 3 раза, не более полувершка; роса и иней наблюдались только в октябре и ноябре. Число ясных дней — 147 — очень велико, пасмурных было только 20. Ветры были, главным образом, восточные и западные, затем южные, наиболее сильные в апреле и мае, когда наблюдалось и большинство бурь. Пыльные туманы отмечены 19 раз, а сухие 90 раз, особенно в сентябре и октябре. Наибольшие морозы не

превышали 21° , а средняя температура в декабре и январе была от -9 до -11° . Средняя годовая температура была $+13.5^{\circ}$. В самом центре материка Азии оказался особый центр температурной энергии.

11 сентября мы отправились дальше, имея нового проводника, который должен был провести нас на один переход в глубь пустынного Чоль-тага, а затем довести до г. Урумчи. Два дня мы шли на запад по дну впадины, представлявшему солонцовую степь с отдельными саклями земледельцев среди пашен и деревьев на выходах ключей и кяризов, которые здесь все были короткие, не свыше километра, а следовательно, выводили не много воды; поэтому некоторые пашни получали орошение и засеивались только раз в три года, а два года зарастали колючкой. С дороги виден был солончак Боджанте и соленое озерко в его западном конце. Зимой, когда прекращается орошение полей, вода всех кяризов стекает дальше, озерко сильно увеличивается и затопляет весь солончак. Попадались также развалины домов и заброшенные пашни на кяризах, переставших давать воду из-за обвалов и отсутствия ремонта. Дело в том, что подземную галлерею ничем не крепят: крепь в этой безлесной стране обходилась бы слишком дорого. Поэтому кяриз нередко засоряется обвалами своего свода и требует ремонта.

Мы постепенно приближались к окраине солончака Боджанте, наконец, достигли его и повернули на юг к Чоль-тагу, пересекая конец солончака. Здесь это были совершенно голые полосы, похожие на пашню, вспаханную гигантским плугом: более или менее длинные борозды, глубиной в $0.5-0.7$ м, отделены друг от друга неровными грядами и кочками, состоящими из твердого бурого, ноздреватого суглинка, густо пропитанного гипсом. Эти полосы прерывались сухими руслами и лужайками с низкой, но густой травой, зарослями тростника и кустами тамариска; местами были видны голые, ровные, глинистые площадки, местами голые, плоские бугры и грядки гипсового суглинка. Мы пересекали также широкое сухое русло, шедшее с запада и доставлявшее временную воду со стороны Токсуна в западном конце впадины; оно врезано на целый метр в эту гипсовую почву и покрыто грязнобелой соляной коркой.

К югу от солончака пошла солонцовая степь с гипсовыми буграми и зарослями тростника, вокруг которых скупивается темносерый песок, надуваемый ветрами с солончака. Среди этой степи оказались два пресных колодца. У одного из них мы ночевали, а на следующий день, запасшись водой, тростником в качестве корма для животных и топливом, я налегке, верхом, с одним верблюдом для выюка и проводником на осле

сделал двухдневную экскурсию на юг, чтобы познакомиться с первой цепью Чоль-тага, ограничивающего Люкчунскую впадину.

За колодцами дорога из Турфана на Лоб-нор, по которой мы ехали, еще некоторое время пересекает бугристый солончак с кустами и зарослями, затем солонцовую степь и, наконец, выходит

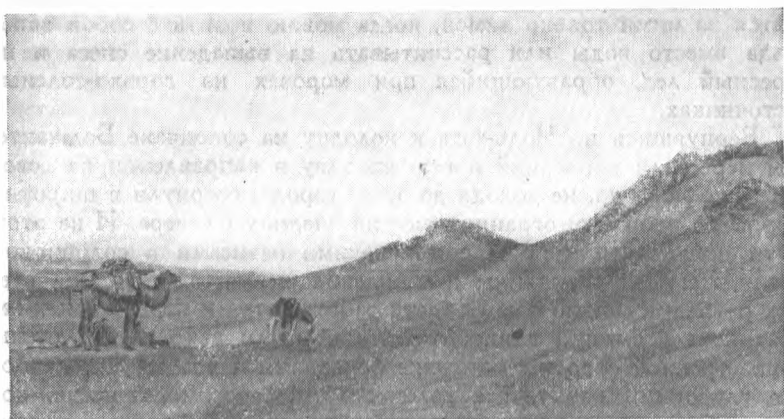

Рис. 103. Вид хр. Чоль-таг у нашего ночлега; отшлифованные скалы и щебень среди песчаных заносов.

на пустынный пьедестал Чоль-тага, по которому мы полого поднимались 17—18 км до первых холмов хребта. Пьедестал совершенно лишен растительности и имеет песчаную почву, усыпанную щебнем. Так же пустыньны, лишены всякой жизни первые холмы и гряды хребта, отчасти засыпанные нанесенным с севера песком, представляющие голые скалы и осыпи щебня (рис. 103). Среди этой пустыни мы остановились, и я прошел пешком еще несколько километров на юг, вглубь гор, характер которых оставался тот же — отдельные скалы, осыпи щебня и наносный песок. Вследствие обилия песка вместо пустынного загара, которым так богат южный склон Тянь-шаня, в Чоль-таге сильно развита песчаная шлифовка утесов и щебня, поэтому строение гор было видно хорошо, и в нескольких местах удалось найти скаменелости — кораллы и ракушки, определившие возраст пород. Под пустынным загаром они были бы совершенно скрыты, и я бы не заметил их присутствие.

Чоль-таг составляет северную цепь западного продолжения Бей-шаня, т. е. горной системы, которую мы пересекали на пути

от р. Су-лей-хэ в г. Хами и которая тянется непрерывно на запад до низовий р. Тарима и озер Лоб-нор; эта западная часть Бейшаня, носящая название Курук-таг, представляет полную пустыню; источники воды очень редки, между ними переходы от 50 до 90 км, вода часто горько-соленая, растительность еще скуднее. Люди редко посещают Курук-таг, где поэтому нашли себе убежище дикие верблюды, открытые Пржевальским. Охотятся за ними только зимой, когда можно возить с собой запас льда вместо воды или рассчитывать на выпадение снега и на пресный лед, образующийся при морозах на горько-соленых источниках.

Вернувшись из Чоль-тага к колодцу на солончаке Боджанте, мы пересекли последний и всю впадину в направлении на север к г. Турфану, но, не доходя до этого города, свернули в широкий разрыв в цепи гор, ограничивающий впадину с севера. И на этом пути попадались кяризы с маленькими оазисами в солонцовый степи, местами развалины и скопления сыпучего песка. На стенах развалин можно было видеть работу ветра и переносимых им песчинок: верхушки глинобитных стен были закруглены, стены с наветренной стороны источены бороздами и впадинами, наиболее глубокими внизу, где количество переносимого песка, конечно, больше; поэтому иные стены, подточенные песком, упали. Попадались сквозные отверстия в стенах. Штукатурка из глины с соломой, кое-где уцелевшая, показывала, что стены местами стали вдвое тоньше. Попадались участки глинистой почвы, также источенной выветриванием и песком и представляющей „жарданги“ или „ярданги“ — валики или гребни из глины, отделенные друг от друга бороздами или впадинами, в которых виднелся песок, подстилающий слой глины (рис. 104). Эти жарданги в Курук-таге и пустыне Лоб-нора, где развеваются песчано-глинистые отложения прежних озер р. Тарима, достигают большого развития, и, судя по описаниям других путешественников, их острые, зубчатые гребни имеют 0.5—1 м высоты, если развеваемые пласты не горизонтальны, а наклонны.

В упомянутом разрыве в хр. Туук-таг, ограничивающем впадину с севера, с появлением обильных источников связан большой оазис г. Турфана, который остался в стороне. Мы прошли по соседнему к западу разрыву с оазисом с. Яр и направились на северо-запад по большой дороге в г. Урумчи. Эта дорога сначала идет вдоль северного подножия цепи Ямшин-таг, составляющей продолжение Туук-тага; здесь попадаются небольшие оазисы на ключах. Затем дорога отклоняется от этого подножия и пересекает пустыню пьедестала Тянь-шаня; песчаная почва ее усыпана щебнем. Здесь эта пустыня не так широка, как у Чик-

тыма, так как среди нее поднимаются плоские холмы и увалы Баян-хоро, возле которых появляется вода источников, растительность и поселки. Эти холмы протягиваются до самого подножия Тянь-шаня; хребет представляет здесь две цепи, разделенные широким промежутком. Южная цепь называется хр. Джаргез. Дорога, переходя из одного безводного ущелья в другое, делает три перевала и выходит к ст. Дабанчи на северной окраине этой цепи. Эта цепь является климатической границей: к югу от нее в Люкчунской впадине в половине сентября ст. ст. было еще полное лето — жаркие дни, теплые ночи, зеленая листва; у ст. Дабанчи мы увидели уже пожелтевшие деревья, завядшую траву, и термометр на рассвете показал только 5° тепла: здесь была уже осень.

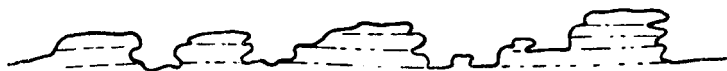

Рис. 104. Жарданги — грядки развевания наносов, пропитанных гипсом на дне Люкчунской впадины.

От этой станции мы ехали три дня, пересекая наискось промежуток между хр. Джаргез и северной цепью Тянь-шаня, в которой возвышается живописная горная группа Богдо-ула с несколькими вечноснеговыми вершинами. Промежуток представляет обширную котловину с несколькими озерами с горько-соленой водой; озера окаймлены зарослями тростника и кустов, лужайками, солончаками. Дорога пролегает мимо этих озер, и мы имели случай видеть нападение саранчи. Тысячи этих насекомых сидели и ползали на лужайках и зарослях, поедая растительность; самки откладывали в почву яички; целые площади были уже объедены до чиста — торчали стебли тростника без листьев, голые ветви кустов.

Вне района этих озер впадина представляет пустыню, почти лишенную растительности и усыпанную щебнем и галькой. В почве этой пустыни быстро исчезает вода, которую речки выносят из ледников Богдо-улы, но она появляется опять в виде ключей, питающих озера, и в виде нескольких ручьев, образующих речку. Эта речка возле ст. Дабанчи прорывается ущельем через хр. Джаргез к западу от дороги.

Цепь Богдо-ула, окаймляющая впадину с севера, быстро понижается к западу, и дорога на последнем переходе к Урумчи пересекает только несколько скалистых гряд, называемых Дуншань, разделенных долинами. Перевалив через последнюю гряду, мы спустились в обширный оазис Урумчи и остановились среди

пашен и рощ на берегу оросительного канала в 2 км от города. Ночью волки зарезали осла, на котором ехал мой слуга Па-иё; осел пасся недалеко от палаток, и утром мы нашли уже на половину обглоданный труп. Этот осел служил нам больше года, побывал в Центральной Монголии, Ордосе, Шень-си и Гань-су, в Цзинь-лин-шане и Среднем Нань-шане, пасся в местностях, где наверно бродили волки, но стал их жертвой не в пустыне, а в большом оазисе вблизи крупного города.

Глава семнадцатая

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ. ОТ УРУМЧИ ДО КУЛЬДЖИ

Перемена каравана. Общий характер северного подножия Восточного Тянь-шаня. Угольные копи и пожары. Река Манас. Леса, степи и пески подножия. Р. Куйтун. Вид на Майли-Джаир. Джунгарские ворота. Последние четыре дня в хребте Боро-хоро. Научные результаты путешествия.

В программе моей экспедиции стояло также изучение группы Богдо-ула в Восточном Тянь-шане, которую не посещал еще ни один геолог. Но выполнить эту задачу я был не в состоянии. Шла вторая половина сентября ст. ст., и в Богдо-ула выпал уже глубокий снег, так что проникнуть вглубь гор было слишком поздно.

Кроме того, для работы в горах у меня уже не было ни сил, ни снаряжения. Моя обувь изнасилась, вся писчая бумага была израсходована: не на чем было писать дневник, и даже для ярлычков при образчиках я употреблял уже старые конверты и всякие клочки бумаги. Верблюды после двухмесячного пути из Су-чжоу сильно устали и для экскурсии в высокие горы вообще не годились; пришлось бы нанимать в Урумчи лошадей, но для этого уже не было денег — экспедиционные средства кончались. До Кульджи, где я должен был закончить экспедицию, было еще далеко, а в Урумчи в то время не было русского консульства, в котором я мог бы получить ссуду. Приходилось думать только о том, как доехать скорее до Кульджи.

Большая дорога из Урумчи в Кульджу идет большею частью по равнине вдали от гор и представляет мало интересного для геолога; только на последних переходах она пересекает Восточный Тянь-шань. Поэтому я решил продать верблюдов, на вырученные деньги нанять большую телегу для всего багажа, но

сохранить лошадей, чтобы вести наблюдения независимо от телеги, а также, чтобы отдать их моим рабочим для возвращения в Сучжоу. Продажа верблюдов и поиски возчика заняли два дня, а на третий мы уже сделали первый переезд в 35 км до городка Чан-цзи.

На этом пути мы вообще выезжали довольно рано утром, днем делали остановку для обеда и затем ехали до заката солнца, а иногда и дольше, в зависимости от расстояния до места ночлега на постоялом дворе. Местность на этом пути представляет собой равнину пьедестала Восточного Тянь-шаня, но не южного, как на дороге от Хами до Урумчи, а северного, так как перед Урумчи мы пересекли цепи Тянь-шаня в месте их чрезвычайного понижения. Урумчи является очень важным торговым и стратегическим пунктом, в котором сходятся дороги, ведущие из разных частей Джунгарии, находящейся к северу от Восточного Тянь-шаня, и из Китайского Туркестана, занимающего Таримский бассейн к югу от этого хребта.

Северный пьедестал Тянь-шаня, встающего к западу от г. Урумчи над впадиной Джунгарии сплошной стеной с многочисленными снеговыми вершинами без удобных перевалов, представляет равнину, прорезанную многочисленными реками и речками, текущими из гор. По этим рекам расположены оазисы с городами и селениями, рощами, садами и полями; в промежутках, где нет воды, расстилается степь, местами всхолмленная небольшими высотами, местами представляющая сыпучие или заросшие пески. Предгория Тянь-шаня большей частью остаются далеко в стороне от дороги. В них местами имеются угольные копи, в которых возникают пожары, судя по густому дыму, кое-где застилающему вид на Тянь-шань.

За г. Манас, который мы миновали на третий день пути, дорога пересекает большую реку того же имени, которая летом во время таяния снегов и ледников часто становится непроходимой в брод, несмотря на то, что она разливается на несколько широких русел. В известные часы дня, когда вода сбывает, главные русла переезжают на телегах с очень высокими колесами и запряженных быками. На эти телеги складывают товары и багаж и сажают людей, а обыкновенные телеги едут порожняком. Благодаря осеннему времени воды было не так много, и мы переехали реку без затруднений в своей телеге.

За Манасом мы в нескольких местах встречали даже леса из карагача и разнолистного тополя. Эти деревья, а также различные кусты располагались отдельными рощами или группами, чередуясь с полянами, поросшими травой, гортисником, чием и

более низкими кустами (рис. 105). Среди рощ видны были отдельные фанзы с пашнями, иногда развалины.

Четырьмя днями позднее мы миновали р. Куйтун и город Кара-усу (Шихо), за которым оазисы встречались реже, орошение стало скуднее и местность часто представляла собой степь с песчано-галечной почвой и зарослями чия и кустов, или солончаки, или бугристые пески, местами переходившие в барханные. Но такой бесплодной черной пустыни, какую мы видели

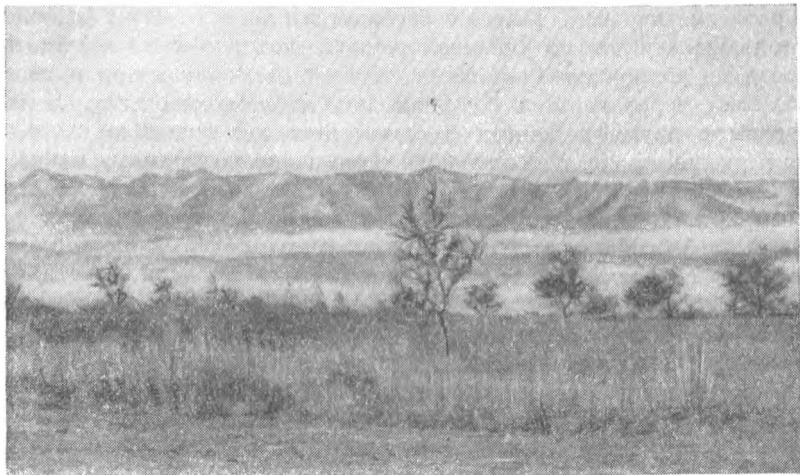

Рис. 105 Один из оазисов у северного подножия Восточного Тянь-шаня к западу от г. Манас; на заднем плане хр. Боро-хоро.

так часто на южном пьедестале Тянь-шаня между Хами и Урумчи, здесь уже нигде не было. Особенно много песчаных площадей дорога пересекает за ст. Тото, где они чередуются с солончаками.

На север пьедестал Тянь-шаня понижается к обширной впадине, которая на востоке орошена р. Манас, а на западе р. Куйтун; эта впадина ограничена с севера высотами хребта Майли-Джаир, которые с большой дороги казались плоским вздутием земной поверхности, огромным увалом, мелко расчлененным логами и долинами. У подножия Джаира р. Манас поворачивает на восток и разливается в озера среди обширных зарослей тростника и рощ тополя и других деревьев. Р. Куйтун, окаймленная широкой площадью зарослей и рощ, поворачивает вдоль подножия хр. Майли на запад и впадает в оз. Эби-нор, которое

синело вдали; здесь большая впадина, вытянутая вдоль северного подножия Тянь-шаня, поворачивает на северо-запад, переходит в пределы России и отделяет горы Майли от более высокого Джунгарского Алатау. Эту часть впадины называют Джунгарскими воротами. Я имел возможность изучить ее только спустя 11—15 лет, и описание путешествия по Джунгарии читатель найдет в другой книге.

Поближе к оз. Эби-нор видно было небольшое соленое озеро Иен-ху, в котором китайцы добывают соль. В городке Цзин-хэ я разделил караван. Телега с багажом и одним из моих рабочих продолжала путь по большой дороге, которая идет далее на запад по подножию Тянь-шаня, огибает оз. Сайрам-нор и переваливает через горы к Кульдже по удобному перевалу. Я же верхом с двумя рабочими и одной вьючной лошастью свернул по верховой тропе, пересекающей Тянь-шань по прямому направлению к Кульдже, чтобы хотя бы бегло познакомиться со строением хребта. Впрочем, первый день мы ехали еще рядом с телегой и благодаря этому выручили ее из беды. Дорога долго шла по оазису Цзин-хэ, пересекая арыки, заросли тростника, рощи деревьев, старые и новые пашни; за окраиной оазиса начался солончак с участками болота, густыми и высокими зарослями, доходящий на юге до песчаных холмов с саксаулом. По окраине этих холмов идет дорога, пересекая языки зарослей. Один из таких языков представлял глубокую топь, в которой телега основательно завязла; пришлось ее разгружать и вытаскивать. Пока мы занимались этим, наступили сумерки; телега уехала дальше до ближайшей станции, а мы расположились на ночлег в песках по соседству.

Весь следующий день мы шли сначала по этим пескам, а затем поднимались по пьедесталу Тянь-шаня, представлявшему то песчаную, то глинистую почву, усыпанную галькой и щебнем и поросшую саксаулом, который по мере подъема мельчает и превращается из деревьев в кусты. С высоты пьедестала было видно, что пески, ограничивающие с юго-запада оазис Цзин-хэ, образуют в общем высокий увал, вытянутый с юго-юго-востока на северо-северо-запад и покрытый плоскими барханными валами и заросшими буграми. Простираение гребней барханов и положение крутых подветренных склонов показывало, что господствующие ветры дуют с северо-северо-запада, из Джунгарских ворот, и можно думать, что весь песчаный увал постепенно наметен ими.

По пьедесталу мы поднимались до устья ущелья р. Боргусты, у которого ночевали, а на следующий день шли вверх по ущелью этой речки, пересекающему северную цепь Тянь-шаня.

Последний носит здесь имя хр. Боро-хоро, а его северная цепь называется Куюкты. Ущелье постепенно суживается, становится живописным; тропа часто лепится по обрывам; по дну то на одном, то на другом берегу расположены лужайки и рощи. Из этого ущелья мы свернули в долину р. Тогур-су, выпадающей слева в Боргусту; она протекает продольно с востока на запад между цепью Куюкты и следующей к югу цепью Кугур, и по ней мы поднялись на перевал Богдо, достигающий 2290 м абс. высоты, и затем продолжали путь по р. Джиргалан, долина которой лежит на продолжении долины Тогур-су между теми же цепями. На северном склоне цепи Кугур были леса и луга, покрывшиеся уже свежим снегом, тогда как южный склон гор Куюкты, хорошо согреваемый солнцем — сухая степь.

Из долины Джиргалан мы затем повернули на юг и поднялись на цепь Кугур в пределах широкого понижения, которое образовали речки Джиргалан и Пеличин, прорываясь через эту цепь глубокими ущельями.

Дорога шла по водоразделу между этими ущельями, представлявшему высокий увал, покрытый лёссом; неглубокие дефиле в лёссе, по которым шла дорога, напомнили мне пейзажи Китая. Постепенно дорога спустилась с увала в долину небольшого ручья, вышла, наконец, в широкую долину р. Или и повернула на запад к г. Кульдже. В общем, расставшись с телегой, мы шли четыре дня в горах Боро-хоро: день по пьедесталу, день по р. Боргусте, день по долинам Тогур-су и Джиргалан и день на спуске к Кульдже; эти последние дни моего путешествия дали мне возможность познакомиться с природой Тянь-шаня и с слагающими эти горы породами. Несмотря на сильную усталость, жаль было расставаться со свободной жизнью и работой в просторах Центральной Азии, в которых оставалось еще столько не осмотренных интересных областей. Хотелось думать, что расставание с ними только временное.

Телега с багажом прибыла в Кульджу в тот же вечер. Телега с коллекциями, высланная из Су-чжоу, давно уже благополучно доставила свой груз.

Быстро прошли десять дней, необходимые для ликвидации каравана. Мои верные спутники Па-иё и Гадин-ю получили расчет, палатку, часть имущества и всех лошадей для пути домой; моя палатка, седло, экспедиционные ящики и принадлежности нашли покупателей; коллекции и инструменты отправлялись постепенно посылками в Географическое общество в Петербург. Наконец, я сам выехал в пограничный русский город Джаркент (ныне Панфилов) и оттуда по почтовому тракту, через Джунгарский Алатау, Киргизскую степь и вдоль Иртыша от

Семипалатинска до Омска, куда уже дошла строившаяся сибирская железная дорога. Вокзал находился еще на левом берегу Иртыша, который только что покрылся льдом. Вечером мы, несколько пассажиров, ожидавших рекостава в Омске, перебрались по льду через реку и сели в поезд, отправлявшийся к Уралу.

Мое путешествие дало следующие результаты:

1) Выполнен маршрут в 12 770 верст (13 625 км) в пределах Китайской империи от Кяхты до Кульджи. На протяжении 11 908 верст были произведены правильные геологические исследования и на протяжении 862 верст — беглые. Маршрутная съемка с ежедневным вычерчиванием карты велась на протяжении 8840 верст, а на протяжении 1736 верст произведенные записи направления дороги и расстояний и описание местности позволили мне исправить и дополнить существующие карты. Из общей длины маршрута пройдено и снято в местностях, до меня не посещенных европейскими путешественниками, 5403 версты. Остальные 7367 верст приходятся на местности уже более или менее известные в картографическом отношении, так что мои наблюдения явились только дополнением к существовавшим данным.

2) Барометром-анероидом и гипсотермометром определено 838 абс. высот.

3) Из фотографических снимков около 200 по проявлении оказались удовлетворительными; неудача с остальными в значительной части объяснялась тем, что часть купленных в Пекине пленок фирмы Карбут оказалась испорченной. Таким образом, некоторые участки маршрута остались не иллюстрированными.

4) Геологическая коллекция составила 7000 экземпляров: 5800 — из осмотренных 2786 обнажений горных пород, песков и почв и около 1200 — отпечатков ископаемых животных и растений.

5) В течение всего путешествия я вел дневник с подробными записями ежедневных геологических и географических наблюдений и, кроме того, краткий (и с пробелами) метеорологический дневник.

6) Во время путешествия я пользовался более продолжительными остановками, вызванными необходимостью переснаряжения каравана и другими причинами, чтобы составлять отчеты для Географического общества с изложением главных результатов наблюдений в пройденной части страны. Эти отчеты были напечатаны в «Известиях» общества еще до моего возвращения, после которого я сделал подробный доклад на собрании членов общества и составил общий отчет с характеристикой Централь-

ной Азии и ее юго-восточной окраины в географическом и геологическом отношении.

До моего путешествия основные особенности рельефа и строения Центральной Азии рисовались, по Рихтгофену, не опровергнутому наблюдениями Пржевальского и Потанина, следующим образом: самую внутреннюю пониженную часть Гоби занимают отложения третичного моря Хан-хай, о котором говорится в китайских летописях. Все остальное пространство представляет собой степные котловины, заполненные лёссом — желтой землей, являющейся продуктом выветривания горных пород тех гор, которые отделяли эти котловины друг от друга. Этот продукт в виде мелкой пыли ветер и дожди сносили с горных цепей в котловины в течение многих тысячелетий, предшествующих историческому периоду, и, наконец, почти заполнили их; сглаженные гребни гор немного поднимаются над котловинами. Это заполнение произошло потому, что Центральная Азия — область, лишившаяся стока вод в океан, и продукты выветривания должны в ней накапливаться. Лёссовые степи Северного Китая, по мнению Рихтгофена, недавно еще принадлежали к этой центральной области материка, но уже получили сток вод в океан, поэтому и начался размыв лёсса, врезание глубоких оврагов и долин в бывшие степные котловины и превращение их в горную страну, которую мы наблюдаем теперь.

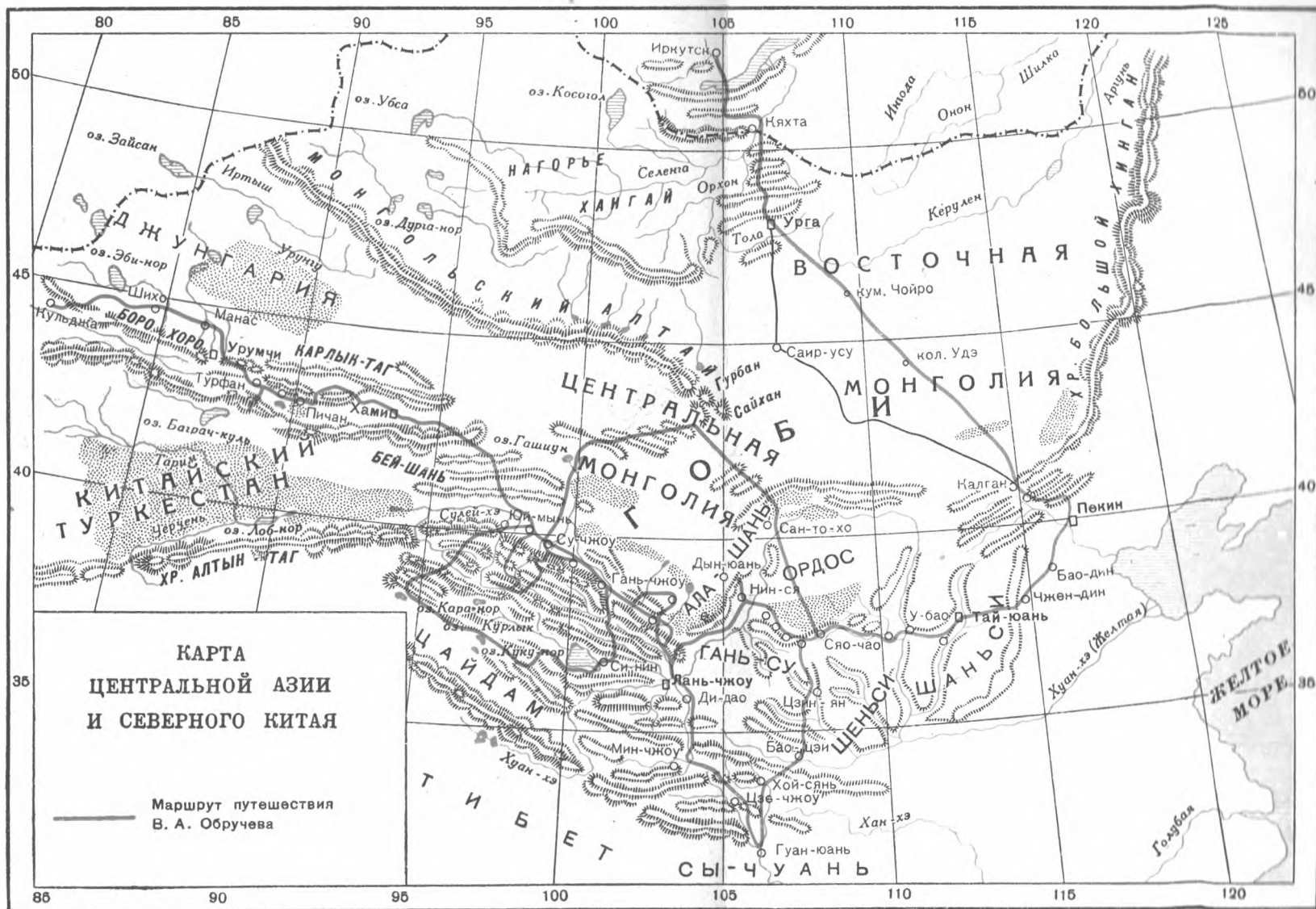
Рихтгофен хорошо изучил геологию Северного Китая и правильно объяснил образование лёсса из пыли, получающейся в сухом климате при выветривании горных пород. Но он не видел самой Центральной Азии и побывал только на ее окраине у Калгана, где действительно имеется котловина, заполненная лёссом, по которой (а также и по наблюдениям над лёссом Китая) он и судил о строении центральной области.

Мои наблюдения в Восточной и Центральной Монголии и в Бей-шане показали, что в Центральной Азии нет ни морских отложений третичного возраста, ни степных котловин, заполненных лёссом. Находка зуба носорога в одной из котловин Восточной Монголии доказала, что породы, заполняющие подобные котловины Центральной Азии, являются не осадками третичного моря Хан-хай, а отложениями озерными или наземными. Море Хан-хай вообще не существовало, и уже значительно более древние юрские отложения, содержавшие пласты угля, были не морские, а озерные и наземные. Многочисленные котловины Центральной Азии были заполнены не лёссом, а этими озерными и наземными отложениями возраста юры, мела и третичного или же представляли сглаженные выходы более древних

изверженных и осадочных пород. Центральная Азия в общем оказалась очень древней горной страной, давно не покрывавшейся морем, а значительно выровненной процессами выветривания и молодыми озерными и наземными осадками, но не лёссом. Последний, как уже отмечено в главе двенадцатой, будучи продуктом выветривания пород Центральной Азии, не отлагался в ее пределах, а выносился ветрами на ее окраины, где и создал более или менее мощные толщи, особенно в Северном Китае; в последнем под лёссом были совсем погребены или сильно сглажены черты древнего рельефа.

Затем я дополнил наблюдения Рихтгофена относительно строения провинций Чжи-ли и Шань-си, изучил строение провинций Шень-си и Гань-су и горных систем Восточного Куэн-луня и Нань-шаня, а также Ордоса с прилегающими хребтами Алашанским и Хара-нарин и южного подножия Восточного Тянь-шаня от Хами до Урумчи. О геологии всех этих местностей до моего путешествия было известно очень мало или совсем ничего. Рельеф и строение Центральной Азии и ее юго-восточной окраины в виде Северного Китая были теперь ясны в самых общих чертах, а обработка обширного собранного материала должна была дать еще много нового. К сожалению, она до сих пор еще не закончена; по возвращении из путешествия я был постоянно занят полевыми и кабинетными работами по геологии Сибири, а также педагогической деятельностью и успел подготовить к изданию только подробные дневники путевых наблюдений, напечатанные Географическим обществом в двух томах уже в 1900 и 1901 гг. Окончательную обработку наблюдений я мог начать только после своего избрания в состав Академии Наук в 1929 г., освободившего меня от педагогических и других обязательных занятий. Я начал эту обработку с наблюдений в Пограничной Джунгарии, как области особенно интересной в настоящее время, представляющей естественные «ворота в Китай». Эта работа на несколько лет была прервана составлением новой сводки по геологии Сибири в четырех томах и была закончена только к 1940 г., когда я вернулся к Центральной Азии и начал описание Восточной Монголии. Но необходимый объем окончательного отчета о путешествии 1892—1894 гг. сделался очень большим. В этом отчете я ведь должен был не только изложить в окончательном виде свои наблюдения, но использовать также сведения, собранные всеми другими путешественниками в Центральной Азии, русскими и иностранными, как до моих исследований, так и после них, чтобы мой отчет дал полную сводку наших знаний по географии и геологии этой обширной части материка Азии. А количество этих сведений за пол-

века, протекшего со времени моего путешествия, оказалось таким большим, что отчет мог бы вместить их только в составе нескольких томов. Первый том и должно было составить описание Восточной Монголии как восточной части Центральной Азии. Но составление его было прервано Отечественной войной, и только в 1948 г. вышла из печати первая половина его, содержащая обзор всей литературы об этой стране и описание ее географии и гидрологии. Вторая половина с описанием геологии закончена в рукописи. Приготовлен моим молодым сотрудником В. М. Синициным, который изучал Южный Тянь-шань, второй том с описанием стран Ордос и Алашань, и готовится том с описанием Бей-шаня и Тянь-шаня. Останутся еще два тома, один с описанием Нань-шаня, другой, посвященный Северному Китаю и Цзин-лин-шаню; только после выхода их из печати можно будет считать, что полный отчет о моей экспедиции совершенно закончен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию	3
Предисловие к первому изданию	5
<i>Глава первая.</i> Восточная Монголия. От Иркутска до Урги	9
<i>Глава вторая.</i> Восточная Монголия. От Урги до Калгана	23
<i>Глава третья.</i> Северный Китай. От Калгана до Пекина	42
<i>Глава четвертая.</i> В столице Китая	55
<i>Глава пятая.</i> По Северному Китаю. От Пекина до южной окраины Ордоса	70
<i>Глава шестая.</i> По Северному Китаю. Южный Ордос. Алашань и Восточный Нань-шань	86
<i>Глава седьмая.</i> По оазисам провинции Гань-су	100
<i>Глава восьмая.</i> В гостях у П. Сплингерда	113
<i>Глава девятая.</i> Западный Нань-шань и Цайдам	129
<i>Глава десятая.</i> Озеро Куку-нор и восточный Нань-шань	150
<i>Глава одиннадцатая.</i> По Эдзин-голу в глубь Центральной Монголии	172
<i>Глава двенадцатая.</i> От Желтой реки до подножия Восточного Куэн-луня	189
<i>Глава тринадцатая.</i> Через Восточный Куэн-лунь	204
<i>Глава четырнадцатая.</i> Опять в глубь Нань-шаня	216
<i>Глава пятнадцатая.</i> Через Хамийскую пустыню	231
<i>Глава шестнадцатая.</i> Вдоль подножия Восточного Тянь-шаня . .	241
<i>Глава семнадцатая.</i> Конец путешествия. От Урумчи до Кульджи.	261

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *В. С. Волынская*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*
Корректоры *А. К. Бессмертная* и *Е. И. Чукина*

Переплет и титул художника

С. М. Пожарского

РИСО АН СССР № 3624. Т-03485. Издат. № 2038

Тип. вакав № 214: Подп. к печ. 13/VII 1950 г.

Формат бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 17+3 вкл. Бум. л. 8¹/₂.

Уч.-издат. 15,85. Тираж 12000

Цена в переплете 14 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10